
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (128). Т. 2. Ноябрь, 2012

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- МАРЕК ВОХОЗКА**
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. С. МАКСИМОВА**
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (128). Vol. 2. November, 2012

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p style="text-align: center;">V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p>	<p style="text-align: center;">PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>
<p style="text-align: center;">V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)</p>	<p style="text-align: center;">L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)</p>	<p style="text-align: center;">A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)</p>
<p style="text-align: center;">V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p>

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

<p style="text-align: center;">V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>	<p style="text-align: center;">A. KUNIL'SKIY
Doktor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Антощенко А. В.*
Значение материалов российских архивов и библиотек для изучения биографии Г. П. Федотова 7
- Шумилов М. И.*
Политика федерализма в истории России: проблемы государственности, самобытности и сотрудничества народов 13
- Виноградова Т. В.*
Становление экспертизы ценности документов местных госучреждений в XIX веке 20
- Чернякова И. А.*
Parameters of life and death in Karelian local parish community: Yalguba area in context of XIX century archival quantitative documentary sources. 26
- Брусницына Д. В.*
Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века 31
- Марков М. Б.*
Героическое и обыденное в образе советского воина (по материалам пропагандистских изданий Карельского фронта 1941–1944 годов) 34

ПЕДАГОГИКА

- Ершова Н. Ю., Назаров А. И.*
Система сетевого обучения как элемент концепции открытого образования 37
- Игнатович Е. В.*
Основные направления развития отечественного кластера дополнительного профессионального образования 41
- Дмитриева Н. К.*
Academic mobility development in process of professionally oriented foreign language teaching. 46

СОЦИОЛОГИЯ

- Питухина М. А., Серова Л. М.*
Особенности организации сбора данных по трудоустройству выпускников в странах Северной Европы 49

ФИЛОЛОГИЯ

- Васильева Е. Г.*
Принципы имянаречения в династии Каролингов 54
- Дьячкова И. Н.*
Варианты сочетаний типа *четыре корабля военных – четыре корабля военные* в литературно-письменном языке XVIII века 58
- Мачульская С. А.*
Однофункциональные главные члены предложения в произведениях Епифания Премудрого 62
- Минеева З. И.*
Сложные агентивы современного русского языка 68

- Семенова О. В.*
Контексты с окказиональной синтагматикой в повести А. Платонова «Котлован» 73
- Нилова А. Ю.*
К вопросу о горацанских традициях в лирике М. Ю. Лермонтова 77
- Тарасова Н. А.*
Проблемы текстологического изучения рукописного и печатного текста Ф. М. Достоевского 80
- Пекишева М. В.*
Образ Сампо в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» 85
- Храмых А. В.*
Лейтмотив «песнь песней» и принципы музыкальности в раннем творчестве А. Платонова 88

ФИЛОСОФИЯ

- Волкова С. В.*
Образование как смысловой универсум 91

ЭКОНОМИКА

- Левкин Н. В.*
Базовые положения эволюционно-синергетического подхода в теории социально-экономической организации 94
- Парикова Н. В., Сигова С. В.*
Алгоритм определения потребности в зарубежных трудовых мигрантах для субъекта Российской Федерации 98
- Колодей Л. Г.*
Финансовый менеджмент и налогообложение: практические аспекты на примере электроэнергетики 102

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Козырева Т. В.*
К вопросу о должности мирового судьи в России: история и современность 105
- Уханова А. П.*
Информирование избирателей как элемент информационного обеспечения выборов 108
- Варламова В. Л.*
Конституционно-правовое регулирование обязательности исполнения судебных актов в субъектах России 112

Рецензии

- Килин Ю. М.*
Рец. на кн.: Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна 115

Научная информация 118

Информация для авторов 119

Contents 121

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/files/reg.pdf>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор Г. А. Мехралиева. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка А. В. Мацко.

Подписано в печать 23.11.2012. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (2-й завод – 130 экз.) Изд. № 340.

Индекс 66093. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор кафедры отече-
ственной истории исторического факультета, Петрозавод-
ский государственный университет (Петрозаводск, Рос-
сийская Федерация)
ant@psu.karelia.ru

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ Г. П. ФЕДОТОВА*

Анализируются документы из российских архивов и библиотек, чтобы определить их ценность для реконструкции биографии выдающегося российского историка-медиевиста Г. П. Федотова. Государственный архив Саратовской области содержит документы, которые дают возможность всесторонне охарактеризовать его революционную деятельность. Документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и в Российском государственном архиве, дают обширные данные для определения основных фактов его учебы в Петербургском университете. В Архиве Российской национальной библиотеки сохранились свидетельства о работе в ней молодого историка. Наконец, переписка Г. П. Федотова с Т. Ю. Федотовой, отложившаяся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, является главным источником для понимания мотивов его поступков.

Ключевые слова: биография Г. П. Федотова, российские архивы и библиотеки, Санкт-Петербургский университет

О Георгии Петровиче Федотове (1886–1951) в последние годы пишут много. Только диссертаций защищено более двадцати, в том числе – две докторские. Появились первые монографии [39], [44], [46]. Но корпус источников, используемых для воссоздания его биографии, остается крайне незначительным, ограничиваясь, прежде всего, воспоминаниями вдовы мыслителя – Е. Н. Федотовой [48]. Однако данный источник далеко не самый полный и точный. Последнее определяется тем, что дореволюционный период в его жизни освещался Еленой Николаевной по воспоминаниям мужа, с которым она впервые встретила осенью 1911 года, а их более близкое знакомство началось лишь весной 1919-го. В результате к «ошибкам памяти» самого Георгия Петровича добавились некоторые ошибки при изложении услышанного от него. В первую очередь это относится к конкретным фактам, реконструкция которых осуществляется надежнее, если используются архивные материалы. Обзор важнейших собраний архивов и библиотек, в которых отложилась информация о мыслителе, будет представлен в данной статье.

Георгий Федотов родился 1 октября 1886 года (здесь и далее в тексте даты до 1 февраля 1918 года приводятся по юлианскому календарю, а более поздние – по григорианскому) в семье «правителя канцелярии» саратовского губернатора, надворного советника Петра Ивановича Федотова и выпускницы Мариинского института благородных девиц, учительницы музыки Елизаветы Андреевны – дочери полицмейстера г. Вольска А. М. Иванова, о чем сохранилась актовая запись в метрической книге церкви Рождества Богородицы в г. Саратове [16; 63 об.–64].

Через год, когда отец перебрался в столицу в надежде на карьерный рост, Жорж, как звали его близкие, вместе с матерью переехал в ее родной город Вольск, где они жили у деда. Через три года безуспешных мытарств П. И. Федотова в столице семья вновь воссоединилась в Воронеже, где Петр Иванович получил должность «правителя губернской канцелярии», а его сын поступил в мужскую гимназию. Правда, как свидетельствуют скрупулезные изыскания А. Н. Акиншина [36], архивные материалы дают нам сведения лишь о служебном продвижении отца в этот период, но не об учебе сына, так как фонд Воронежской мужской гимназии в областном архиве не сохранился. А. Н. Акиншиным уточнена также дата смерти отца – 3 апреля 1898 года (а не 1897 год, как указано во всех биографиях философа).

После окончания гимназии в 1904 году Георгий поступил в Петербургский технологический институт, чтобы реализовать после его окончания свою юношескую мечту о просвещении рабочих в духе социал-демократических идей. Правда, учеба в нем была кратковременной (в 1905 году, после начала революции, институт был закрыт) и носила скорее номинальный характер. Остались лишь две фотографии Георгия в институтской студенческой форме [30; 107] и никаких упоминаний в опубликованных источниках о его занятиях. Но все же справедливости ради следует найти документы о зачислении его в институт.

Возвращение Георгия на Рождество 1905 года в Саратов стало прологом его активного включения в пропагандистскую работу местной социал-демократической организации, контакты с лидером которой А. Я. Ветровым он установил через

Т. Ю. Дмитриеву в мае этого года. Вскоре он оказался в поле зрения саратовских блюстителей порядка, что отразилось в многочисленных материалах делопроизводства Саратовских губернского жандармского управления и охранного отделения, а также в их рапортах саратовскому губернатору и в его решениях, отложившихся в фонде губернской канцелярии. Значительная часть этих материалов введена в научный оборот саратовскими краеведами [40], [41], [42], [43], [45]. На их основе можно детально восстановить причины и условия всех трех арестов Георгия в 1905, 1906 и 1909 годах, а также неудачной попытки задержания летом 1910 года.

Первый арест вполне обоснованно был воспринят Георгием как романтическое приключение. Позже он написал в письме Т. Ю. Дмитриевой об этом так: «В одну прекрасную ночь при аресте районного комитета, он стремительно попал в тюрьму, чтобы на другой день также стремительно оказаться на свободе» [17; 52]. 24 августа 1905 года ротмистр охранного отделения Федоров получил предписание начальства явиться вместе «с чинами полиции» на Астраханскую улицу в дом Левочкина, чтобы произвести обыск в квартире мещанина Менделя Элева Шушкова. Поскольку «квартира оказалась запертою, а окна закрыты ставнями и, так как таковую добровольно не отпирали, то наряду пришлось войти в нее силою» [6; 5]. Во второй из комнат квартиры полицейские застали сходку 16 пропагандистов, «представителей противоправительственной социал-демократической организации», как значилось в рапорте. Среди них был и «студент Санкт-Петербургского Технологического института Г. П. Федотов», который вместе с другими задержанными по приказу начальника охранного отделения был отправлен «под стражу в губернскую тюрьму» [6; 5 об.]. К счастью, при обысках ни у него лично, ни на его квартире не было обнаружено компрометирующих улик. Полицейские власти вынуждены были отпустить его и ограничиться воспитательным мероприятием – визитом «жандармского офицера, который пришел, как ангел-хранитель, чтобы предостеречь его» [17; 52 об.]. Боясь скомпрометировать себя в глазах товарищей, внук полицмейстера грубо выдворил жандарма, а потом решил, что лучше уехать из Саратова самому. Это было верным решением, поскольку начавший расследование ротмистр отдельного корпуса жандармов Пастрюхин, изучив все найденные при обысках на других квартирах материалы, пришел к заключению, что в городе «под руководством Саратовского комитета РСДРП образовался целый ряд профессиональных рабочих, распадающихся на группы, союзов (так в источнике. – А. А.), деятельность которых направлена на ниспровержение путем вооруженного восстания существующего обществен-

ного строя» [6; 67]. Активно участвовавшие в деятельности этих организаций арестованные на квартире М. Э. Шушкова восемь пропагандистов были осуждены по ст. 120 Уголовного уложения, предусматривавшей высылку, а еще пять привлекались к дознанию в качестве свидетелей. Георгий Федотов был в их числе, но повестка явиться в жандармское управление не застала его дома, так как он был уже далеко. В начале сентября он уехал в г. Аткарск, где жили его дедушка и бабушка по материнской линии. Отсюда, дождавшись Т. Ю. Дмитриеву, Г. П. Федотов отправился вместе с нею в Петербург, заехав на день в Москву.

Вновь в Саратов он вернулся накануне Рождества 1906 года, когда в городе разгорались революционные бои, а губерния была на «военном положении». Имя активно включившегося в пропагандистскую работу Г. П. Федотова снова замелькало в жандармских рапортах. В них отмечалось, что в дебатах с кадетами на собраниях, устраиваемых в преддверии выборов в Государственную думу, Георгий отстаивал самые радикальные положения о ее бесполезности и необходимости созыва Учредительного собрания, призывал к вооруженной борьбе за изменение существующего строя. Это позволяло отнести его к самой радикальной части социал-демократов – большевикам, что усиливало внимание к нему филеров, докладывавших, что «речи его всегда носили явно революционный характер» [7; 309 об.–310, 318 об.–319], [8; 66], [10; 194 об.–195, 198 об.]. Почувствовав, что тучи сгущаются над его головой, Георгий решил вновь покинуть Саратов, чтобы укрыться в тиши какого-нибудь маленького городка Саратовской губернии. В перехваченном жандармами 11 марта 1906 года письме говорилось: «Сегодня уехали три хороших, самых лучших работника», среди которых, как выяснилось в ходе розыскных мероприятий, был и Георгий Федотов, выехавший «утренним поездом с бесплатными билетами по Рязанско-Уральской железной дороге до ст. Козлов» [10; 83 об.]. Однако эти сведения явно запоздали – разыскиваемый был уже в Вольске, где он скрывался под именем Владимира Александровича Михайлова до середины апреля [33; 12–23].

Возвращение Георгия в родной город было вновь замечено чинами жандармского управления, так как он оказался среди тех, кто готовился к организации первомайских выступлений саратовских рабочих и неоднократно выступал на митингах в течение всего мая. Достаточно осведомленные о делах саратовской социал-демократической организации, очевидно, благодаря деятельности тайного агента, жандармы зафиксировали факт избрания Г. П. Федотова в ее общегородской комитет 11 июня 1906 года и его участия в боевой дружине РСДРП. В итоге 7 июля было принято постановление Особо-

го совещания МВД, которым предписывалось арестовать Г. Федотова и еще шестерых «смутьянов». Мерой пресечения определялась двухгодичная высылка в Архангельскую губернию. Обычно датой последовавшего за этим второго ареста Федотова в литературе называют 8 июля или ночь с 8 на 9 июля 1906 года. Однако внимательное знакомство с архивными материалами позволяет уточнить эту дату и выявляет весьма забавный казус. Сразу же по получении постановления Особого совещания саратовские жандармы провели аресты. Однако Георгия Федотова не оказалось в числе арестованных, так как в предписании о розыске он был назван Григорием. Незадачливые служаки доложили полицмейстеру, а тот – губернатору, что «Федотов около месяца назад скрылся в г. Ригу, где он, по слухам, арестован» [5; 52–52 об., 58 об.]. Чтобы проверить «слухи», граф С. С. Татищев вынужден был послать запрос лифляндскому губернатору, который, естественно, опроверг их.

Эта отсрочка имела важное значение, поскольку именно в это время Г. Федотов подал ходатайство о зачислении его на историко-филологический факультет (ИФФ) Петербургского университета, а мать представила в МВД прошение о замене административной ссылки в Архангельскую губернию высылкой в Германию. Все обстоятельства пересмотра дела и реализации нового постановления (вплоть до рапорта о пересечении Г. П. Федотовым и его матерью границы на ст. Александров) отражены в документах, отложившихся в фонде канцелярии Саратовского губернатора [5; 55 об.–56, 61, 65, 72, 73, 76, 79–79 об., 82, 83, 85, 87, 89–91 об., 94–94 об., 99, 104–105].

После возвращения из Германии Г. П. Федотов неоднократно попадал в поле зрения саратовских жандармов, когда приезжал на рождественские и пасхальные каникулы в 1909 году. В рапортах наблюдения его характеризовали как связного между петербургской и саратовской социал-демократическими организациями, передававшего адреса явок, шифры для переписки и денежные средства. Более того, в одном из них Георгий назван представителем Центрального комитета Российской социал-демократической партии, что, возможно, имело под собой основание. 14 февраля 1909 года на ст. Белоостров был задержан член ЦК РСДРП В. П. Ногин, бежавший из сибирской ссылки и намеревавшийся по заграничному паспорту, выданному на имя Г. П. Федотова, пересечь границу. Правда, обыск, произведенный 24 февраля у Георгия на квартире в Петербурге, не дал улик для задержания [9; 52 об., 63]. Оно было осуществлено позже – 16 мая в Саратове. Однако и на этот раз у жандармов не нашлось достаточных улик, чтобы довести дело до суда. 29 мая он был освобожден из-под стражи. Все официальные материалы за-

держания, протокол допроса, а также письмо матери, не заставшее сына в тюрьме, отложились в деле Саратовского губернского жандармского управления [8].

Последняя неудачная попытка задержания, предпринятая саратовскими жандармами в июне 1910 года, и последующие розыскные мероприятия, длившиеся вплоть до явки Г. П. Федотова в апреле 1912 года с повинной, во всех деталях засвидетельствованы в двух делах [4], [9] и были довольно подробно охарактеризованы саратовской исследовательницей З. Е. Гусаковой [43; 178–180]. Поэтому здесь следует лишь отметить, что Георгий принял все меры, чтобы отвести подозрение от своих младших братьев, что дало желаемый результат: братья были освобождены без каких-либо последствий для них.

Главным местом учебы Г. П. Федотова, как уже отмечалось, стал ИФФ Петербургского университета, куда он был зачислен в 1906 году, а не после возвращения из Германии в 1908-м, как порой отмечается в литературе. Важнейшие формальные моменты учебы отразились в официальных документах, отложившихся в личном деле студента Г. П. Федотова [23]. Обязательными документами дела являются личные заявления от 17 июля 1906 года на имя ректора с просьбой принять его на ИФФ, копия метрического свидетельства и оригинал аттестата зрелости с отличными отметками по всем предметам, изученным в Воронежской мужской гимназии. Главным препятствием для восстановления Георгия в числе студентов столичного университета после его возвращения из Германии в 1908 году стал, как ни странно, финансовый вопрос. Он должен был оплатить «посещение университета» и «гонорары» лекторов, что было сделано его матерью, вдовой высокопоставленного саратовского чиновника, обратившейся за субсидией в казенную палату г. Саратова. Подробная переписка университетской канцелярии с департаментом Государственного казначейства по данному вопросу отложились в деле. Другим вопросом, который пришлось решать Георгию, был вопрос о зачете ему четырех семестров обучения в Берлинском и Йенском университетах. При поддержке тогдашнего декана ИФФ Ф. Ф. Зелинского он был улажен, как и вопрос об отсрочке воинской службы. Наконец, следует отметить благосклонное отношение университетского руководства к Г. П. Федотову и в случае его неудачной поимки жандармами летом 1910 года. Несмотря на то что 3 июля этого года начальник Саратовского губернского жандармского управления направил ректору университета секретный запрос о Г. П. Федотове, 21 августа проректор И. Д. Андреев распорядился выдать ему свидетельство об окончании университета с указанием курсов, прослушанных в нем, без предъявления выпускником «матри-

кул и отпускного билета». Завершает дело циркуляр Департамента народного просвещения от 17 апреля 1912 года, сообщавший о разрешении министром внутренних дел студенту Г. П. Федотову сдавать государственные экзамены после явки с повинной.

Успешная сдача экзаменов, зафиксированная в протоколах «испытательной комиссии» [27; 2], [28; 92], и замена ссылки в Архангельскую губернию административной высылкой в Карлсбад Лифляндской губернии с сокращением ее срока с трех лет до полугода позволили профессору И. М. Гревсу, руководившему исследовательской работой Г. П. Федотова, уже весной 1913 года ходатайствовать «об оставлении» его при университете «для приготовления к профессорской деятельности». Соответствующие документы о выполнении учебной программы, продлении сроков работы над магистерской диссертацией, назначении стипендии и принятии в число приват-доцентов университета отложились в другом личном деле начинающего историка [22]. Наряду с официальными документами о формальной стороне подготовки к сдаче магистерских экзаменов и написания диссертации в нем отложились отчеты начинающего историка за 1914 и 1915 годы, дающие представление о формировании замысла исследования [31]. Здесь же хранятся представления и ходатайства И. М. Гревса, в которых он высоко оценивал способности своего ученика [19; 30–31], [20; 30–30 об.], [21; 94–95].

Однако личные дела не единственный источник, содержащий сведения об учебе Г. П. Федотова. Более того, в них не отложились документы, дающие представление о сроках сдачи и вопросах на экзаменах, об оценке знаний. Они зафиксированы в протоколах ИФФ и сводных экзаменационных ведомостях, фронтальный просмотр которых позволил выявить все материалы, относящиеся к сдаче им магистерских экзаменов и чтению «пробных лекций» [24; 165], [25; 133, 175, 177], [26; 252, 275]. Однако «клаузарную работу» Георгия найти пока не удалось.

Почти одновременно с зачислением в приват-доценты Петербургского университета в декабре 1916 года Г. П. Федотов был принят «вольнотрущимся» в Публичную библиотеку. Материалы о его служебной деятельности отложились в архиве библиотеки и подробно охарактеризованы в статье Г. В. Михеевой [47]. К ее обзору можно лишь добавить, что осенью 1917 года Г. П. Федотов неоднократно, но безуспешно баллотировался на все вакантные должности, что, очевидно, обусловлено катастрофическим ухудшением его финансового положения [1; 77 об.], [2; 29 об.], [3; 17, 24, 25, 25 об., 26, 30].

Последний фактор нельзя недооценивать при выяснении причин, определивших после долгих раздумий его решение вернуться в родной

Саратов [37], где основным местом его работы в 1920–1922 годах стал университет. К сожалению, университетские архивные фонды этого периода практически полностью утрачены вследствие пожара. Из материалов, в которых упоминался Г. П. Федотов, сохранились лишь два штатных расписания и командировочное удостоверение для поездки в октябре 1921 года в Тамалу с целью «заготовки продовольствия служащих и профессоров университета» [11; 4, 6], [12; 30], [13; 116]. Тем ценнее материалы Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете, активным участником заседаний и членом правления которого был Георгий Петрович [41], [15]. Сохранившиеся протоколы заседаний общества позволяют определить даты его присутствия на заседаниях, а значит – время пребывания в Саратове, что важно, так как он направлялся Петроградским университетом в Саратов «для чтения лекций» на определенный срок, а не на постоянную работу. На их основе также можно реконструировать приблизительный круг его общения и интересов. В протоколах есть краткие записи обсуждения докладов, в которых иногда принимал участие Георгий Петрович. Так, он откликнулся на сообщения В. А. Бутенко «Политические идеи Гизо» и Г. А. Ильинского по книге профессора М. К. Любавского «История западного славянства», а при обсуждении доклада А. Н. Штылько «Из недавнего прошлого. Бывшая саратовская губернская власть в ее отношении к местной прессе (по архивным материалам)» Г. П. Федотов, возможно не без иронии, «отметил новую для него мысль докладчика о том, что местная власть, смелая в своих поползновениях по борьбе с печатью, на деле оказывалась бессильной, скованной юридическими нормами» [14; 20–20 об.]. Однако главными событиями здесь стали выступления самого Г. П. Федотова в присутствии 300 слушателей с докладом «Об утопии Данте» на заседании 27 ноября 1921 года, посвященном 600-летию этого выдающегося итальянского мыслителя, и с докладом «Государство перед судом церкви в Меровингскую эпоху» на одном из заседаний 1922 года. Думается, что о содержании этих докладов можно судить по публикациям в первом томе «Собрания сочинений Г. П. Федотова» [32; 124–153, 301–311].

Вернувшись в Петроград в 1922 году, Г. П. Федотов оказался в сложном положении, так как был принят 24 июля сотрудником 1-го разряда в Исторический институт Петроградского университета «сверх штата» [22; 54], да и то, судя по всему, ненадолго. Попытки найти в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга следы его деятельности в этом учреждении в 1923–1925 годах, то есть в период до отъезда из России, пока не увенчались успехом. Поэтому единственным свидетельством о его деятельности в это время остается упоми-

вание вдовой в воспоминаниях о его переводческой работе для частных издательств. Правда, в библиографии работ Г. П. Федотова нет указаний на результаты этой работы. Возможно, что сборник рассказов Дж. Джойса «Дублинцы», вышедший в 1927 году с предисловием Е. Н. Федотовой, был переведен им.

До сих пор речь шла об официальных документах, отложившихся в архивных фондах учреждений, так или иначе связанных с судьбой Г. П. Федотова. Но помимо их, к счастью, сохранились документы личного происхождения, прежде всего письма Георгия Петровича. Три его письма к И. М. Гревсу хранятся в Петербургском филиале архива РАН [18; 1–7 об.]. Одно из этих писем, посланное из Парижа в 1925 году, было опубликовано французской исследовательницей Д. Бон в «Вестнике РХД» (1998. № 177). Однако не менее важны и маленькая открытка, посланная из Парижа летом 1913 года, и письмо от 18 апреля 1921 года. Если первая подтверждает гипотезу о двухмесячной поездке Г. Федотова в Париж для работы в Национальной библиотеке задолго до эмиграции, то письмо позволяет понять мотивы его возвращения из Саратова в Петроград в 1922 году.

Самая большая коллекция писем Георгия Петровича – это его письма к Татьяне Юлиановне Дмитриевой (1884–1976), переданные вместе с другими бумагами семьи Дмитриевых в 1977 году в рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне – НИОР РГБ) ее бывшей гимназической ученицей, историком Е. Н. Кушевой. Среди корреспондентов Г. П. Федотова Т. Ю. Дмитриевой принадлежит особое место: долгие годы он был безответно влюблен в нее, а потому в письмах открывал ей все свои сокровенные мысли. Немаловажна длительность и интенсивность переписки, начавшейся в июне 1905 года и продолжавшейся с некоторыми перерывами вплоть до января 1920-го. Большая часть коллекции – 131 письмо – была опубликована с моим послесловием в 12-м томе собрания сочинений [33], что освобождает от их подробной характеристики. Здесь следует лишь отметить, что эти письма позволяют восстановить не только очень многие события «российского» периода биографии мыслителя, но и понять формирование его личности, на которое, по признанию самого Г. Федотова, оказала огромное влияние его возлюбленная. С одной стороны, именно Татьяна Дмитриева вовлекла его в пропагандистскую деятельность среди рабочих, содействовала его знакомству с саратовскими социал-демократами. С другой –

любовь к ней открыла Георгию красоту мира, что позволило преодолеть сформированную эстетическим нигилизмом радикальных демократов «душевную ненависть», подпитывавшую его первоначальные революционные устремления. Он с благодарностью воспринял ее влияние, не замечая до поры до времени, что оно не только обогащает духовно, но и разрушает целостность его мировосприятия, вызывает трещины в его душе. Впрочем, последнее не пугало его, тогда он еще не ведал страха, а воспринимал жизнь как праздник, где есть место и революции, и любви.

Однако со временем чувство любви вступило в противоречие с чувством общественного долга и революционными устремлениями Георгия, привело его к осознанию узости пропагандистской деятельности. Понимание необходимости преодолеть ее сдерживающие развитие собственной личности знаменовало кризис идентичности, воспринятый самим Г. П. Федотовым как метафорическая смерть. Но духовная смерть стала прологом душевного возрождения на совершенно иных путях, далеких от революционных схваток, которыми были обозначены начальные вехи XX столетия.

По техническим причинам в том вошли не все письма. Среди неопубликованных посланий наиболее важными являются пять, написанных в Берлине во время рождественских каникул в конце декабря 1906 года. На почти тридцати листах он воспронизвел «историю о том, как познакомились Жорж и Таня и что из этого вышло» [33; 67]. Эти послания подготовлены мною к печати, и первое из них вышло в «Историческом архиве» (2011. № 4).

Помимо писем Г. П. Федотова в фонде Дмитриевых сохранились сопутствующие им материалы: конспекты, наброски работ философского характера, переводы, литературные опыты и стихотворения. Часть их была мною опубликована [29], [33; 439–446], [34], [35], другая – подготовлена к публикации в журнале «Вопросы философии». Как представляется, в своей совокупности эти материалы позволяют лучше понять процесс становления мировоззрения Георгия Федотова в студенческие годы, от которых не осталось опубликованных работ.

Завершить обзор можно лаконично и лапидарно: воссоздание биографии Г. П. Федотова возможно только на основе скрупулезного изучения документального материала архивов и библиотек. Причем на данном этапе следует особое внимание обратить на зарубежные архивы и библиотеки.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Российской национальной библиотеки (далее – АРНБ). Ф. 1. Оп. 1 (1911–1917). Д. 197.
2. АРНБ. Ф. 1. Оп. 1 (1917). Д. 129.

3. АРНБ. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 1.
4. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8547.
5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7112.
6. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 143.
7. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1907). Д. 94.
8. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1909). Д. 64.
9. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1910). Д. 63.
10. ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29.
11. ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 230.
12. ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 250.
13. ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 178.
14. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 346.
15. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 349, 350, 362, 363, 366, 389.
16. ГАСО. Ф. 637. Оп. 2. Д. 834.
17. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 745. К. 4. Д. 17.
18. Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 707.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 114.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 490.
22. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765.
23. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244.
24. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16180.
25. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196.
26. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16216.
27. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 20. Д. 57.
28. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 20. Д. 64.
29. «Вторая муза историка» (стихотворения Г. П. Федотова) / Публ. А. В. Антощенко, Комент. Д. Д. Гальцына // Мир историка. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 400–404.
30. Мастера русской историографии: Георгий Петрович Федотов / Публ. А. В. Антощенко, С. С. Бычкова, Г. С. Петрушиной // Исторический архив. 2009. № 4. С. 104–119.
31. «Талантливый и оригинальный, увлеченный и трудолюбивый, очень ценный ученый» (эпизод из научной жизни Г. П. Федотова) / Публ. и комент. А. В. Антощенко // Мир историка. Вып. 6. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 394–403.
32. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Абельяр. Статьи 1911–1925 гг. / Сост., вст. ст., примеч. С. С. Бычкова, примеч. М. Г. Галахтин. М.: Мартис, 1996. 349 с.
33. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы / Сост., комент. А. В. Антощенко, С. С. Бычков. М.: Изд-во «Тэтис Паблিশн», 2008. 504 с.
34. Федотов Г. П. Deus sive Amor // Вестник РХД. 2011. № 198. С. 90–95.
35. Федотов Г. П. Каким образом пессимизм может быть основой жизни // Вестник РХД. 2012. № 199. С. 78–82.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

36. Акиншин А. Н. Воронеж в биографии Г. П. Федотова // Воронежская беседа на 1999–2000 гг. Воронеж, 2001. С. 92–99.
37. Антощенко А. В. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г. П. Федотова) // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 72–82.
38. Антощенко А. В. Трагедия любви (Путь Г. П. Федотова к Истории) // Мир историка. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 50–75.
39. Галямичева А. А. Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. 256 с.
40. Гусакова З. Е. Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89.
41. Гусакова З. Е. Штрихи к биографии члена ИСТАРХЭТ Г. П. Федотова // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: Труды Саратовского Обл. музея краеведения. Саратов: Локатор, 2006. С. 76–79.
42. Гусакова З. Е. Становление философа // Кто есть кто в Саратовской губернии? Личность, биография, призвание. Саратов: Приволжское изд-во, 2007. С. 205–208.
43. Гусакова З. Е. Георгий Федотов и Саратов // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов: Наука, 2008. С. 171–181.
44. Зайцева Н. В. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара: Самар. ун-т, 2001. 243 с.
45. Катков С., Лукин С. Возвращение (к биографии Георгия Федотова) // Годы и люди. Вып. 7. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1992. С. 37–41.
46. Киселев А. Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М.: Логос, 2004. 322 с.
47. Михеева Г. В. К биографии русского философа Г. П. Федотова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 100–102.
48. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России: Статьи 1918–1930. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1988. С. I–XXXIV.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
shumilov@karelia.ru

ПОЛИТИКА ФЕДЕРАЛИЗМА В ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, САМОБЫТНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ*

Рассматривается история зарождения и развития федерализма в России, отражается влияние национального вопроса на политику государства, что предопределило весь процесс формирования российской многонациональной цивилизации. Выявляется историческая преемственность и целесообразность единства российских народов в новых условиях развития.

Ключевые слова: государственный суверенитет, федерализм, национальная и этнокультурная политика, национальный вопрос, национальные образования

Распад Советского Союза и угроза сепаратизма России породили в научном сообществе активную дискуссию о причинах, значении и исторических последствиях происшедшего [34], [35], [36], [37], [40], [41], [46]. Так, известный ученый А. Н. Медушевский выявил семь теорий, характеризующих отдельные стороны этого исторического события. Однако автор отметил, что все они «не могут быть приняты как универсальные», и резюмировал, что «Советский Союз, возникший на руинах Российской империи, в отличие от нее умер естественной и тихой смертью. Чудом является не распад СССР, а столь длительное его сохранение», которое, по мнению ученого, заключалось «в сдерживающем факторе ядерного оружия» [32; 28]. Этот вывод представляется нам не вполне обоснованным. За последнее время отечественная и зарубежная историография пополнилась значительным числом новых монографий и коллективных трудов по национальной политике и межэтническим отношениям. Наиболее значительными являются исследования В. Н. Тишкова [44], [45], М. Н. Губогло [21], [22], Ю. Д. Гранина [23], В. Ю. Зорина [25], [26], [27], А. И. Вдовина [18], [19], [20], С. В. Чешко [48], [49], В. В. Третьякова [39] и др. Особое внимание уделяется наиболее острым и малоизученным проблемам, в частности вопросам федерализма и самоопределения наций.

Российский федерализм имеет давнюю и вполне уникальную историю, являясь важнейшей особенностью российской государственности [28], [42]. Уже на заре своего образования Русь представляла собой добровольный союз русских и близких им племен – «данников». В «Повести временных лет» упоминается о том, что Русь объединяла 14 этносов угро-финской и балтийской групп. При Петре I Россия превратилась в империю. Самодержавие проводило жесткую, но одновременно и щадящую национальную политику, укрепляя взаимосвязи русских

и «иногородцев». В то же время национальные окраины не всегда соглашались с действиями властей, что порождало серьезные конфликты и войны. Быстрое развитие капитализма в XIX веке способствовало вовлечению в российский рынок национальных окраин, пробуждалось национальное сознание и развивалось движение за национальное самоопределение. В результате в Манифест от 17 октября 1905 года было включено положение о гарантиях гражданских свобод, создании национальных партий и общественных организаций. Знаменательно, что в первую Думу вошли 220 нерусских и 270 русских депутатов. Самодержавие формировало в полиэтническом обществе веротерпимость и превращало религиозные учреждения в часть российской государственности. Февральская революция 1917 года изменила положение в стране. С разрешения Временного правительства началось введение областной автономии. Большевики, выступая с лозунгом самоопределения народов, 2(15) ноября подтвердили свой курс в Декларации прав народов России, а затем в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Этот призыв пробудил надежды на решение национальных проблем. После Октябрьской революции усилились центробежные тенденции в национальных районах. В Туркестане оформилось Временное мусульманское правительство, в Казахстане – Алаш-Орда, в Башкирии – центральный Совет, на Северном Кавказе – Союз горских народов и казаков, в Закавказье – Закавказская Федерация. В России в то время насчитывалось около 17 млн мусульман, из них около 1/3 – в Поволжье и на Урале. Отделения от России они не планировали, надеясь на осуществление национально-культурной автономии [29; 49]. В январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа как конституционный акт РСФСР. Этот акт определил форму правле-

ния в стране, которая была закреплена 10 июля того же года в первой российской Конституции, утвержденной V Всероссийским съездом Советов. Конституция не определяла национально-государственный состав государства, так как он был еще неизвестен, но заявляла о его федеративном устройстве. В составе РСФСР были образованы Татаро-Башкирская и Туркестанская Советские Республики. Гражданская война привела к распаду страны. РСФСР контролировала лишь центральные губернии. На остальной территории действовали нелегитимные национально-территориальные образования. Часть эсеров выступала за сохранение целостности России, признание культурно-национальной автономии и местное самоуправление. После окончания Гражданской войны новые республики и области создавались без учета границ проживания этносов. Форма правления и система власти на местах были произвольными. В мусульманских районах сохранялись ислам и религиозные традиции. В то же время местные руководители были заинтересованы в установлении деловых связей с РСФСР и другими национальными регионами, а также в переходе к новым правовым нормам. Наркомат по делам национальностей выступал за централизацию в национально-государственном строительстве. Вначале учитывалась национальная специфика, но в ходе развития сотрудничества требовалась унификация. В результате возник целый ряд недоразумений во взаимоотношениях между народами. На X и XII съездах партии при обсуждении национального вопроса говорилось о великорусском шовинизме, но в действительности русского давления в национальном вопросе не наблюдалось. С 1920 года стала вводиться централизованная схема союза наций на основе федерализма с предоставлением им государственной самостоятельности. Вводилась советизация как основа государственного устройства. Принцип федерализма позволял внедрять советизацию во всех национальных республиках. Тогда же руководство РСФСР стало переходить от заключения договоров о взаимосвязях с соседними национальными образованиями к союзу с ними на основе признания советского федерализма. В постановлении ВЦИК, опубликованном 15 февраля 1920 года, было признано одной из важнейших задач «установление нормальных отношений между РСФСР и входящими в ее состав автономными Советскими Республиками и вообще нерусскими национальностями» [3]. Были образованы Башкирская, Татарская, Казахская и Калмыцкая автономные республики, а затем в 1920–1921 годах РСФСР заключила договоры с 14 независимыми советскими государствами с признанием «независимости и суверенности каждой из договаривающихся сторон» [31; 305–307]. Одновременно готовились условия для образования

на федеративной основе союзного государства. ЦК РКП (б) утвердил Декларацию и Союзный договор об объединении в одно государство РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР, а I съезд Советов 30 декабря 1922 года провозгласил создание Советского Союза. Однако сразу же возникли разногласия между центром и местными органами власти. В 1923 году на XII съезде партии И. В. Сталин заявил, что все республики, входящие в его состав, в одинаковой степени пользуются общими благами и «в одинаковой степени отказываются от некоторых своих прав независимости в пользу Союза» [13; 242]. В. И. Ленин настоял на своем видении национальной политики, и XII съезд партии принял его поправку о праве республик на самоопределение вплоть до отделения. Но это право распространялось лишь на новые союзные республики и имело декларативный характер. Наиболее важным и принципиальным было то, что Сталин настоял на признании союзными только тех национально-территориальных образований, которые имели крайнее положение. Возвращаясь к этому вопросу на VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 году, Сталин сказал, что «если за Союзной республикой сохраняется право выхода из Союза ССР, то необходимо, чтобы эта республика, ставшая Союзной, имела возможность логически и фактически поставить вопрос об ее выходе из СССР. А такой вопрос может поставить только такая республика, которая, скажем, граничит с каким-либо иностранным государством и, стало быть, не окружена со всех сторон “территорией” СССР» [12; 528]. Следует признать, что в 1920–30-е годы в национально-государственном строительстве не учитывалась национальная специфика. Партия и правительство вели линию на унификацию и централизацию в национальных отношениях, сохраняя в ряде национальных образований племенные, семейно-родовые, религиозные обряды и обычаи. Шло непродуманное расселение и переселение для освоения новых территорий. В 1924–1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Казахстане и Средней Азии без учета мнения проживавших там народов, а на Северном Кавказе – разоружение горцев Чечни, Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии, репрессии против казачества. В ходе этих акций были нарушены интересы и права различных национальных групп. Одновременно правительство придерживалось политики так называемой коренизации, имевшей целью привлечь коренное население к участию в управлении на местах [39; 69–71].

Наиболее положительный результат дала культурная революция. Общий уровень культуры населения поднимался медленно, но по уровню грамотности достиг значительного успеха, так как государство ввело национальное равноправие и обеспечило массовое и бесплат-

ное начальное, среднее и высшее образование. Известные зарубежные ученые Т. Мартин [50] и А. Каппелер [30] называют 1920-е годы золотым периодом в культурной жизни России. В те годы СССР стал первым в Европе многонациональным государством, осуществившим масштабную программу культурного строительства. Советское правительство создало десятки тысяч этнотерриториальных, краеведческих и других объединений, развернуло обучение новых этнических элит, 48 этносов разработали свою письменность и ввели обучение на десятках языков малых народов Севера и Востока, периодическая печать выходила на 66 языках. Особое внимание уделялось подготовке кадров национальной интеллигенции, увеличению доли представителей коренной национальности в аппарате управления. А. Каппелер отмечает, что «была достигнута цель дополнительного привлечения на сторону партии и революции широких слоев нерусского населения» [30; 277]. Английский историк Дж. Хоскинг тоже подчеркивает колоссальное воздействие на пробуждение национального чувства общности «среди нерусского населения Союза, какого Россия при царях никогда не знала» [47; 122].

Не меньшее значение для развития федеративных отношений имела политика индустриализации, которая охватила не только промышленные центры, но и национальные окраины. Использование природных ресурсов национальных территорий для нужд государства было учтено правительством и региональными органами и включено в план хозяйственного развития. Это позволило ускорить «подтягивание» национальных республик к общему темпу развития. Особенно быстро шло строительство новых предприятий на Украине и в Казахстане (см. об этом [5; 134]). Активно развивалась промышленность во всех автономных образованиях РСФСР. Вместе с тем ущербной по последствиям оказалась коллективизация сельского хозяйства. Крестьянство, составлявшее 75 % населения, стало донором развития промышленности. Одновременно велось раскулачивание зажиточных крестьян. Наиболее трагично это отразилось на Украине, Северном Кавказе, в Центрально-Черноземном крае и Казахстане [39; 165]. Тем не менее политика индустриализации и коллективизации, несмотря на серьезные просчеты и упущения, способствовала выравниванию экономического уровня отсталых регионов. Во время Великой Отечественной войны каждая национальная республика внесла свой вклад в общую победу над фашизмом. После войны никто и нигде национальный вопрос не поднимал, хотя в 1944–1945 годах прошли без огласки неоправданные депортации отдельных народов Северного Кавказа, Калмыкии и Крыма, а затем крестьян Западной Украины и Прибалтийских

республик. В политических верхах сложилось мнение о том, что в Советском Союзе исключены национальные противоречия. Н. С. Хрущев в докладе о Программе КПСС на XXII съезде (1961 год) заявил, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты, – советский народ» [1; 153]. Л. И. Брежнев в докладе на XXIII съезде КПСС (1966 год) разъяснил, что речь идет об укреплении дружбы и единства «многонационального советского народа» [2; 104], а в принятой в 1977 году новой Конституции СССР уже утверждалось, что «на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность – советский народ». Конституция декларировала равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности и заявляла, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Однако упреки в тоталитаризме, непоследовательности в национальной политике имели место. В. А. Тишков считает, что советский народ, безусловно, существовал не только в гражданском обществе, но и в социально-культурном смысле [44]. Об этом говорил и председатель правительства В. В. Путин в декабре 2001 года: «...советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными и межконфессиональными отношениями... Это социалистическая идея. Даже придумали некую новую общность людей – советский народ. А у нас такого нет сегодня. Мы говорим: россияне, российский народ. Но это пока не то. Мы с вами не смогли найти эквивалента того, что было в Советском Союзе изобретено» [14]. Эта общность создавалась не одним поколением, а сформировалась многовековым развитием российской государственности и культуры.

В целом советская национальная политика отвечала требованиям государства и общества. Каждая национальная республика успешно развивалась и вносила свой вклад в общее дело. «Советская национальная политика способствовала расцвету наций, форсировала их консолидацию, связывая этничность с властью и территорией. Советское государство способствовало правовой институализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общности к реализации легитимного права на собственную государственность» [39; 76]. Народы действительно стремились сохранить единство и целостность советской федерации, верховенство федеральных основ Конституции и законодательства, общей внешней политики и безопасности, единой

финансово-кредитной системы. Вместе с тем в национальном движении проявлялись две объективные тенденции. Одна из них была направлена на унификацию и огосударствление всех сфер жизни и сближение этносов, а вторая – на сохранение самобытности и этнической обособленности. После войны в стране произошли крупные демографические сдвиги. Численность населения СССР с 1951 по 1987 год выросла на 100 млн человек, а РСФСР – на 42,4 млн. В 1987 году в РСФСР насчитывалось 145,3 млн жителей. Численность русских в составе населения СССР достигла с 1979 года 137,4 млн человек, в том числе в РСФСР – 113,5 млн. Резко возросла доля русских в союзных республиках, особенно на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане [6; 8, 98, 101–106]. В стране шла массовая миграция населения. Десятки миллионов граждан свободно меняли место жительства и трудоустраивались в различных регионах Советского Союза. По данным Д. Л. Златопольского [24; 321], Ю. В. Бромлея [17; 357], М. Н. Губогло [21; 16], в 1960-е годы за пределами «своих» национально-государственных образований проживали до 50 млн человек, а к концу 1980-х годов более 73 млн, то есть четверть всех жителей страны. Кроме того, шел активный процесс этнического перемешивания за счет роста национально-смешанных браков и семей. В 1970 году было около 8 млн национально-смешанных семей, а в 1979 году – почти 10 млн, что составляло 13–15 % всех семей страны [39; 206]. Все это способствовало развитию культурной интеграции, взаимному уважению обычаев и традиций разных народов. При этом ученые не выявили роста ассимиляции среди нерусского населения, исключая карелов и вепсов, которые признаются сегодня народами, подвергшимися частичной ассимиляции под влиянием национально-смешанных браков.

Одновременно в процессе урбанизации и послевоенного рождения национальных культур средний уровень образования в национальных республиках стал превышать общесоюзные показатели. Там выросла своя элита из гуманитарной и технической интеллигенции, которая претендовала на власть и собственность. Среди партийно-советского актива распространялась семейственность, допускалось использование служебного положения в корыстных целях. Центральным органам приходилось не раз пресекать незаконные действия руководителей республик Средней Азии, Закавказья, Молдавии и др. Не всегда соблюдались конституционные нормы и законодательство социалистической федерации. Не было также обязательного участия союзных республик в выработке и осуществлении наиболее важных вопросов политической, социально-экономической и культурной жизни страны. Не разрабатывались законодательные акты, гарантировавшие свободное развитие малых народов

и этнических групп, особенно Крайнего Севера, Дальнего Востока и Северного Кавказа, сохранение их традиций и самобытной культуры, не было общегосударственного органа по делам национальностей и межнациональным отношениям. Совет национальностей Верховного Совета СССР за все время своего существования не выполнял своих прямых функций, касающихся национальной политики. Подходящий момент для оживления оппозиционного движения и манипулирования общественным мнением наступил в конце 1980-х годов. Накопившиеся противоречия стали предметом обсуждения на XXVII съезде (1987) и XIX конференции КПСС (1988). В принятых резолюциях признавалась обоснованность протестного движения и необходимость срочного реагирования на упущения в этнонациональной политике. В 1988 году началась война между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Пришлось применять вооруженную силу в погашении конфликтов в Новом Узене (Казахстан), Фергане (Узбекистан), Кишеневе (Молдавия), Сухуми (Абхазия), Цхенвале (Осетия), Вильнюсе (Литва), Тбилиси (Грузия) и других местах. Народные фронты Прибалтийских республик потребовали выхода из состава СССР. Межэтнические столкновения вызвали поток русских беженцев, насчитывавший до 1 млн человек [43; 78–209]. Местный национализм стал орудием борьбы против советского центра. 8 декабря 1991 года руководители РСФСР, Украины и Белоруссии Б. Ельцин, С. Шушкевич и Л. Кравчук приняли нелегитимное Беловежское соглашение о прекращении существования Советского Союза, что послужило основанием для суверенизации всех советских республик и официального развала СССР. Такая же угроза нависла и над Российской Федерацией, объявившей 12 июня 1990 года о своей суверенности. Президент СССР М. С. Горбачев предложил тогда наделить российские автономии правами союзных республик, а президент РСФСР Б. Н. Ельцин призвал в августе руководителей автономий брать суверенитета «сколько смогут проглотить» [11; 164–166]. Этот призыв обернулся «парадом суверенитетов» автономий и ряда областей, а также Чеченской войной. Великая страна разваливалась на части. Чтобы сдержать начавшуюся сецессию России, 31 марта 1992 года состоялось подписание Федерального договора представителями всех субъектов РФ, кроме Чечни. Военный конфликт с Чечней стал для всех поучительным уроком. Развитие боевых операций на территории Чечни и Дагестана осложнило положение не только на Северном Кавказе, но и в стране в целом [33]. Все это вызвало массовую волну недовольства и противостояние Верховного Совета РФ с президентом Б. Н. Ельциным, которому удалось расстрелом Белого дома в начале октября 1993 года подавить

сопротивление оппозиции, упразднить Советы и упрочить свое положение. 12 декабря 1993 года Государственная дума приняла новую Конституцию РФ как основной закон, закрепивший президентскую форму правления, защиту прав и свобод граждан, государственную и муниципальную системы власти. В ст. 3 Конституции впервые заявлялось, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». Тем самым Россия переходила на международный принцип организации власти, согласно которому политика выстраивается по общегражданским приоритетам, чего не удалось сделать в Советском Союзе. Признавалось также федеральное устройство РФ с определением прав и полномочий ее субъектов.

Формирование новых федеративных начал шло непросто. Политическая реорганизация тормозилась отсутствием людей, способных ориентироваться в новой обстановке и проводить необходимые изменения в общественно-политической жизни. Советский период несвободы наложил свой отпечаток. Все это привело к торжеству популизма и безответственности в политической сфере. М. Н. Губогло, изучая начавшиеся преобразования в России, отметил, что, «приватизировав власть и собственность, команда реформаторов в начале трансформации оказалась без высококачественной власти. Она сама не знала, когда, как, куда и зачем идти и соответственно не смогла объяснить это народу. Именно отсутствие четкой программы действий стало ее ахиллесовой пятой» [22; 115]. В то же время в начале 2000-х годов удалось сдержать рост национализма на местах, а затем начать отмену решений, противоречащих принципу целостности России и правовым основам ее устройства. Все автономии признали Конституцию 1993 года и законодательство. Большие изменения произошли в культурно-языковой сфере, возрождении национальной самобытности малых народов [26].

Сегодня в условиях растущей социальной поляризации россиян особую актуальность приобретают задачи сплочения социума для совместной деятельности на благо своего Отечества и проживающих в нем больших и малых народов. Крайне важно то, что впервые в своей истории Российское государство заявило о готовности соблюдать гражданские, политические, социальные и культурные права и свободы человека, защищать права национальных меньшинств, коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Пережив трудный период демократического произвола и хаотизации, современное российское общество и власть накопили некоторый опыт взаимодействия и взаимоуважения, без чего немислимо дальнейшее

осуществление трансформационных процессов и реформ в России. Перед ними встали две важнейшие задачи: укрепление государственной власти и формирование гражданского общества. Их осуществление во многом зависит от выработки и реализации этнической политики. Было организовано Министерство по делам национальностей, преобразованное в 2004 году в Министерство регионального развития РФ. При нем создан Консультативный совет по делам национально-культурных автономий. Эти учреждения опираются на региональную «самоорганизацию и общественную инициативу заинтересованных граждан». В субъектах РФ созданы министерства, комитеты, департаменты по национальной политике или подразделения при органах местного самоуправления, департаментах внутренней политики, органах образования и культуры. Кроме того, в РФ работают 829 национально-культурных автономий, в том числе 16 федеральных, 221 региональная, 592 местных, более 360 национальных общественных объединений (ассоциаций, центров национальных культур, землячеств) [7; 13, 33–34]. В 60 субъектах Федерации разработаны целевые программы или подпрограммы в сфере этнокультурного развития народов, гармонизации межэтнических отношений. Отдельные общественные объединения в РФ стали действовать как экстерриториальные (Ассамблея народов России, Ассоциация финно-угорских народов РФ, Конгресс народов Кавказа, Российский союз молодежи, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и др.). Они выступают как координаторы, методические центры по урегулированию межнациональных отношений, взаимодействию с законодательными и исполнительными органами государственной власти, способствуют устранению возникающих противоречий в сфере межнациональных отношений. Проводятся этнические конгрессы и съезды представителей разных народов, успешно работают на этнокультурной основе театры, историко-культурные центры, клубы, устраиваются выставки, фестивали этнических культур, широко отмечаются традиционные праздники, увеличивается число местных музеев, восстанавливается большое число исторических памятников и духовных святынь, выпускаются научные издания на разных языках. Получили всеобщее признание среди населения принятый в 1999 году Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ [8], в 2000 году – закон об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [9], в 2001 году – закон о территориях традиционного природопользования этих регионов РФ [10]. В 2009 году правительство России утвердило Концепцию устойчивого развития коренных ма-

лочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которая стала федеральной целевой программой на 2009–2025 годы. В новых законах были определены зоны ответственности исполнительной власти на местах в соответствии с их полномочиями, порядок финансирования и сбора налогов. Созданы три типа органов местного самоуправления: сельские и городские поселения с численностью жителей до 1000 человек; муниципальные районы и городские округа [38]. В 2005 году в России насчитывалось 19,8 тыс. сельских и 1773 городских поселений, 1780 муниципальных районов и 521 городской округ [4; 25]. Несмотря на трудности в становлении российского местного самоуправления, пока нет иного механизма в решении вопросов местного значения.

Одновременно нарастает стремление к усилению этнической мобилизации в виде съездов финно-угорской и тюркской языковых групп, объединений Татарского общественного центра или Башкирского народного конгресса. Нарастает тенденция огосударствления религии. Но, к сожалению, стремление россиян к активной самоорганизации и позитивному взаимодействию с властями проявляется еще крайне слабо. Инициатива чаще всего исходит от лидеров этнической мобилизации, подчас преследующих свою выгоду. Этносоциологические опросы дают пока удручающую картину о представлениях взрослого населения России о своем будущем.

Политическое руководство страны во главе с В. В. Путиным и Д. А. Медведевым стремится укрепить многоэтническое сообщество россиян на новой правовой базе, положенной в основу государственного строительства [15], [16]. Однако не везде в регионах и тем более на местах созданы необходимые условия для совместного проживания народов России. На состоявшемся в

феврале 2011 года в Уфе заседании Президиума Государственного совета РФ по этой проблеме отмечались серьезные упущения в сфере межнациональных отношений в российском обществе. Говорилось о недостаточной координации в осуществлении национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, слабом реагировании центральных и местных органов власти на вызовы и угрозы в этнополитической сфере, отсутствии мониторинга и прогнозирования состояния межэтнических отношений, отсутствии финансовых ресурсов для эффективных мер в этой области. В своем решении Президиум Госсовета указал, что достижение поставленных задач возможно только при совместных усилиях федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и общественных объединений. Было обращено внимание и на неблагоприятные факторы современности: разобщенность граждан, этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм в молодежной среде, сложное состояние российского социума в условиях этнической идентификации русского и других народов, увеличение числа мигрантов и рост националистических настроений в среде русской молодежи [7]. Учитывая сложность положения и актуальность национальной политики президент РФ Д. А. Медведев в своем приказе от 27 февраля 2011 года призвал органы государственной власти к активной работе по вопросам гармонизации межэтнических отношений с участием религиозных организаций, общин и землячеств, а также национально-культурных объединений. Только сообща и при массовой поддержке граждан можно сохранить наш общий дом – Российскую Федерацию, обеспечить стабильность и укрепить гражданское единство россиян.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет: В 3 т. М., 1962. Т. 1. 608 с.
2. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет: В 2 т. М., 1966. Т. 1. 640 с.
3. Жизнь национальностей. 1920. 15 февраля.
4. Муниципальная власть. 2005. № 3. С. 25.
5. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1972. 848 с.
6. Население СССР. 1987: Статистический сборник. М., 1988. 436 с.
7. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. Доклад Президиума Государственного совета Российской Федерации. Уфа. 11 февраля 2011 г.
8. Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
9. Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.
10. Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
11. Союз можно было сохранить: Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007. 526 с.
12. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1945. 611 с.
13. Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
14. Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. <http://президент.рф/transcripts/9913>
15. Федеральная реформа 2000–2003. М., 2003. Т. 1: Федеральные округа.
16. Федеральная реформа 2000–2004. М., 2005. Т. 2: Стратегия, институты, проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

17. Бромлей Ю. В. Очерки истории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
18. Вдовин А. И. «Российская нация»: национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М.: Либрис, 1995. 248 с.
19. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.
20. Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX в. М.: Информ.-издат. агентство «Русский мир», 1998. 443 с.
21. Губогло М. Н. Укрепление единства национального и интернационального в образе жизни советского народа // История СССР. 1983. № 6.
22. Губогло М. Н. К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России: Замысел, методология и инструментарий исследования // Отечественная история. 2002. № 6. С. 110–129.
23. Гранин Ю. Д. Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования. М.: Издательский дом «Эйдос», 2002. 260 с.
24. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. М., 1967. 336 с.
25. Зорин В. Ю. Национальная политика России: история, проблемы, перспективы. М.: ИСПИ, 2002. 284 с.
26. Зорин В. Ю. Этничность и власть: Некоторые аспекты становления новой этнополитики в современной России // Свободная мысль XXI. 2003. № 6. С. 4–15.
27. Зорин В. Ю. Государственная национальная политика: новые вызовы и решения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2011. № 3 (116). С. 7–16.
28. История России XX – до начала XXI в. / Под ред. Л. В. Милова. М., 2006. 958 с.
29. Исхаков С. М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.) // Отечественная история. 1999. № 1. С. 47–63.
30. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
31. Карр Э. История Советской России: [В 14 т.]. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция, 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. 764 с.
32. Медушевский А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.
33. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегод. доклад, 2002 / Под ред. В. Тишкова, Е. Филипповой. М., 2003. 398 с.
34. Национальная идея: страны, народы, социумы. М.: Наука, 2007. 420 с.
35. Национальная политика в Российской Федерации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Липки, сентябрь 1992 г.) / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1993. 198 с.
36. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 378 с.
37. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века: Круглый стол // Отечественная история. 1996. № 6. С. 110–139.
38. Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
39. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / В. В. Трепавлов [и др.]; Отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 377 с.
40. Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. 452 с.
41. Россия в XX веке: реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. 657 с.; Т. 2. 543 с.
42. Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. М.: Славянский диалог, 2000. 320 с.
43. Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М.: Вече, 2007. 655 с.
44. Тишков В. А. Народ и символика // Независимая газета. 2000. 5 декабря. С. 9.
45. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 543 с.
46. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сборник докладов и материалов междунар. науч. конф. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.
47. Хоскинг Дж. История Советского Союза, 1917–1991: Пер. с англ. М.: Вагриус, 1994. 510 с.
48. Чешко С. В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 29–45.
49. Чешко С. В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 1996. 309 с.
50. Martin T. The Aftermath Action and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca, 2001.

ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ВИНОГРАДОВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

vinogt@onego.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ МЕСТНЫХ ГОСУЧРЕЖДЕНИЙ В XIX ВЕКЕ*

Формирование методов экспертизы ценности документов рассматривается на примерах документов из фондов «Олонецкого наместничества» и «Олонецкого губернского правления» Национального архива Республики Карелия. Проводится анализ деятельности комиссии по разбору архивных дел и проблемам сохранности архивных документов и состава фондов губернских административных учреждений Олонецкой губернии.

Ключевые слова: губернские комиссии по разбору архивных дел, экспертиза ценности документов, архивные описи, местные госучреждения

Система хранения документов в делопроизводстве местных государственных учреждений начала формироваться в России в XVIII веке. В ходе Петровских реформ местного управления на смену существовавшим здесь архивам при приказной и земской избах пришло множество архивов при вновь созданных учреждениях. Попытки верховной власти путем издания ряда законодательных актов [1], [2], [3] объединить местные канцелярские архивы в несколько публичных были безуспешны [13]. И в первой половине XIX века при каждом местном учреждении продолжали существовать свои архивы.

С проведением реформ государственного аппарата в конце XVIII – начале XIX века происходило увеличение объема документов как центральных, так и местных учреждений. Появились проблемы, связанные с хранением накопившихся в них дел. Их могли решать разными путями, например, дела передавали из переполненных архивов в другие, менее заполненные, или в пустые, но непригодные для этого помещения. Производилось уничтожение документов, потерявших практическое значение, но без специальных методов оценки, которые определяли бы ценность документа в том или ином отношении и позволили бы сохранить его.

Формально разбор и уничтожение дел должны были производить особые комиссии. В соответствии со ст. 300 «Учреждения губернских правлений» 11 июля 1845 года в Олонецком губернском правлении была учреждена особая «Комиссия для разбора архивных дел», в состав которой первоначально были включены советник отделения, губернский стряпчий казенных дел и дворянский заседатель Петрозаводского уездного суда. Основная обязанность комиссии – представить на рассмотрение губернскому правлению описи дел, подлежащих уничтоже-

нию, со времени решения которых прошло 10 лет [7; 7]. Десятилетний срок хранения был впервые признан обязательным для документов всех местных учреждений в 1845 году в «Учреждении губернских правлений». Здесь же определялись категории дел, подлежащих уничтожению: «1) все производства ревизионного стола; 2) запросы и справки; 3) дела по объявлению распоряжений других мест; 4) наряды ведомостей; 5) дела о бессрочно отпускных; 6) о передвижении и расквартировании войск; 7) о высылке лиц; 8) об арестантах; 9) по рекрутским наборам; 10) формуляры чиновников» [4].

Первый рапорт от комиссии был получен 14 июня 1846 года, после того как губернское правление потребовало от нее отчет о проделанной работе, выразив при этом желание о скорейшем ее завершении. Поскольку разбор дел в архиве губернского правления специально предназначенной для этого комиссией проводился впервые, а ей предстояло разобрать дела с 1784 года, момента образования Олонецкого наместничества, по 1845 год, а также принимая во внимание состав комиссии, малочисленный и неопытный, вполне понятно, почему затянулись сроки ее работы. Из рапорта следует, что за год ей удалось разобрать 20 тыс. дел, к 18 тыс. из них были составлены описи, при этом выделялись дела, «подлежащие уничтожению» и «оставленные для хранения».

В феврале 1847 года уже канцелярия губернатора просила правление уведомить, закончен ли разбор дел в архиве. Из отношения губернского правления в канцелярию губернатора видна еще одна причина, объясняющая задержку разбора архивных дел. В декабре 1846 года правление возвратило комиссии представленные ею 12 описей, предписав составить их заново. Правление указывало, что необходимо было составить отдельные описи для дел, подлежащих уни-

чтожению с разрешения министра внутренних дел, и дел, которые могли быть уничтожены по распоряжению губернского правления, а не так, как это сделала комиссия, объединив их [7; 17]. Таким образом, в результате работы комиссий должны были образоваться три категории дел: оставленные для хранения в архиве, подлежащие уничтожению по истечении 10 лет с разрешения министра внутренних дел, подлежащие уничтожению по распоряжению губернского правления.

В отчете олонецкого губернатора за 1849 год сказано, что комиссия разобрала 28 975 дел по 1825 год, из них только 549 дел, то есть менее 2 %, было оставлено для постоянного хранения. Архивные фонды губернского правления и губернатора могли быть и менее полными. В 1849 году министр внутренних дел, рассмотрев 20 описей дел Олонецкого губернского правления за 1784–1825 годы, выделенных к уничтожению комиссией, пришел к заключению, что «из дел с 1784 по 1800 годы некоторые, судя по заглавию, могут заключать в себе нужные по разным отношениям сведения или служить для справок по текущему делопроизводству» [7; 48]. В связи с этим министр направил реестр тех дел, которые должны были быть сохранены. Количество этих «некоторых» дел составило 1152 [11; 21]. Оставшиеся дела он разрешил уничтожить. «Впрочем, – писал министр, – если в них нашлись какие-либо сведения, любопытные в историческом, статистическом или другом отношении, то следует сделать о том надлежащие выписки, а в случае надобности сохранить и самые те дела, ровно надлежит оставить в архиве и подлинный указы Правительствующего Сената, находящиеся при уничтожаемых делах» [7; 48 об.].

Следует указать на высокое качество описей, составленных в первые годы функционирования комиссии. Подробные заголовки внесенных в описи дел фактически позволяют восстановить события, по причине которых заводились дела, определить, какими вопросами занимались местные учреждения. Высокая степень подробности описания дел придает сохранившимся описям особую информативную ценность¹.

Подробное описание уничтожаемых дел было просто необходимо, так как в распоряжении МВД и губернского правления, санкционировавших решения разборочной комиссии, находились только описи. Проведение экспертизы ценности документов основывалось, прежде всего, на анализе заголовков дел.

Возможно, именно это позволило многим делам 1784–1800 годов избежать уничтожения. Так, первоначально комиссия посчитала необходимым уничтожить дела «По указу Правительствующего Сената 1786 года об устройстве в государстве дорог», «О родившихся, бракосочетавшихся и умерших в Олонецкой губернии

в 1795 году» и «Мнения, доставленные в 1785 году из разных присутственных мест, на канцелярский обряд»². Статистическое же отделение Совета министра внутренних дел, рассмотрев описи, в которые были включены эти дела, потребовало предоставить их «для извлечения надлежащих сведений». Впоследствии данные дела были доставлены по месту требования.

Исследователи отмечают две основные черты, которые оказали влияние на судьбу и комплектование архивов государственных учреждений в первой половине XIX века [13], [14]. Уничтожение документов освободилось от контроля высшей власти. В XVIII веке работу архивов в России регулировали указы Сената, который сосредоточивал управление и контроль над архивной службой в государстве. После введения министерств стали появляться министерские регламенты архивной службы, противоречащие принципам архивного законодательства XVIII века, склонявшегося к централизации архивов. В министерских сферах возникает мысль об уничтожении «ненужных» архивных дел для освобождения канцелярских помещений от накопившихся бумаг. На первых порах разрешение на уничтожение документов необходимо было испрашивать у верховной власти через Комитет министров.

Постепенно уничтожение документов приобрело узковедомственный и произвольный характер и не регулировалось никаким общим законом. Право разрешать уничтожать документы получили министерства, оно распространялось и на их подведомственные учреждения. Соответственно, ту же черту – ведомственность – приобрели архивы в губерниях.

Законодательным актом, впервые разрешившим уничтожать государственные архивные материалы десятилетней давности, было, как уже говорилось, «Учреждение губерnskих правлений» 1845 года, XII глава которого посвящена «части архивной». Как отмечал Д. Самоквасов, первоначально министры и губернаторы «как будто боялись или стыдились приступить к его исполнению», и только в отчете министра внутренних дел за 1847 год появилось извещение, по которому «приведение в порядок дел, хранившихся в архивах, особыми комиссиями, учрежденными при губерnskих правлениях, привело к тому результату, что в 18 губерниях разрешено к уничтожению до 30 тыс. дел» [14].

В 1854 году в Положении Комитета министров от 5 октября МВД окончательно и официально предоставлялось разрешение уничтожать дела [5]. Вслед за МВД это право приобрели и другие министерства.

Как уже отмечалось, уничтожение документов производилось при отсутствии определенных научных приемов и условий. Самыми распространенными способами были сожжение и продажа старых дел с торгов. В г. Петрозаводске

первые торги состоялись в 1848 году. На торги пришли два человека, предлагалась цена от 60 до 80 коп. за пуд бумаги³. В 1849 году предполагалось продать 4056 дел владельцам бумажных фабрик, но на торги никто не явился. Позднее эти дела министр разрешил продать переплетным и другим мастерам. Необходимо отметить, что при продаже с покупателей брали обещание под расписку не употреблять дела иначе, как только «по своему мастерству». Предварительно дела приводились в такое состояние, чтобы нельзя было использовать в каких-либо целях заключающиеся в них сведения: дела расшивались, отдельные листы разбивались и перепутывались, иногда портились и т. д. Старые документы можно было увидеть и на рынках в качестве оберточной бумаги. Деньги, вырученные от продажи старых архивных дел, как правило, шли на канцелярские расходы, а также на пособия и вознаграждения канцелярским чиновникам и служащим, то есть это мероприятие становилось для них выгодным. Секретные дела в основном сжигались.

Еще одной актуальной для губернских архивов проблемой в первой половине XIX века были архивные помещения. Условия хранения документов оставляли желать лучшего. «Несмотря на неоднократные предписания построить для архивов “палаты каменные”⁴, архивы продолжали остро нуждаться в помещениях; ввиду этого материалы либо не сдавались канцеляриями по целым десяткам лет, либо, будучи сданы в архивы, сваливались в них, из-за недостатка места, в кучи, перепутывались, разбивались, рвались и гнили от сырости и пожаров» [13; 167].

По «Учреждению губернских правлений» 1845 года, обязанность наблюдать за работой архива возлагалась на одного из советников. О состоянии архива Олонецкого губернского правления можно узнать из записки, представленной в присутствии заведующим архивом советником правления А. С. Башинским в декабре 1852 года [7; 87–90]. В записке советник писал: «Архивы олонецкого губернского правления помещаются в комнатах подвального этажа в корпусе присутственных мест; они углублены в землю до одного аршина и, заключаясь между известковым фундаментом, на коем основано здание сие, содержат в себе по неимению печей чрезвычайную сырость, что много вредит хранящимся в архивах бумагам». И далее: «Чиновники, заведующие архивами, от сырости и необычайного холода, в особенности зимним временем, лишены всякой возможности заниматься как следует своею обязанностью и даже подвергаются простуде». При этом советник ссылается на требования, предъявляемые к содержанию архивов в «Учреждении губернских правлений» 1845 года. Согласно ст. 284, «помещение архива должно быть просторное, сухое, со сводами, с каменными или кирпичными полами, с отдушниками в

противоположном направлении, для очистки воздуха; а притом теплое, с духовыми или иного устройства печами, которые топились бы из подвалов, коридоров, или вообще вне самого помещения. Дела должны храниться, смотря по средствам, в шкафах или на полках, устроенных рядами, так, чтоб между ними был свободный проход» [4].

О непригодности помещения для архивов губернских присутственных мест в г. Петрозаводске и о строительстве для них «особого деревянного филиала простой архитектуры» губернатор А. В. Дашков писал в представлении министру внутренних дел в июле 1839 года. Но специального здания для архивов в Петрозаводске в XIX веке так построено и не было.

В ответном предписании министр, граф Строганов, предложил другое решение проблемы. Дело в том, что ранее А. В. Дашков представил в МВД проект постройки нового тюремного замка в Петрозаводске, в котором делал предложение о возможном размещении архивов в казенных флигелях (здания присутственных мест), которые пока занимала городская тюрьма. Поэтому министр предлагал ждать разрешения на осуществление данного проекта, который рассматривался в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. Разрешение между тем задерживалось, причина, конечно, заключалась в финансировании. Министерство внутренних дел, Министерство финансов и Главное управление не могли прийти к согласию об источниках покрытия расходов по устройству присутственных мест и тюрем. Пока же, считал министр, местному губернскому начальству нужно найти средства и временно разместить петрозаводские архивы, например, в нанятом для этого частном доме. Желающих отдать дом под архив в городе не нашлось. Позднее, уже в 1845 году, для архива дополнительно были наняты в гостином дворе две лавки купца Пименова, плата за каждую составляла 54 руб. серебром в год. С этого времени архивные дела хранились в пяти комнатах корпуса присутственных мест и двух лавках гостиного двора.

Ко времени написания записки, в декабре 1852 года, советник не знал, утвержден ли проект на постройку нового здания для тюрьмы в Петрозаводске и как решается дело о передаче занимаемых тюрьмой двух каменных флигелей под архивы губернских присутственных мест, поскольку сведений об этом в делах губернского правления не было. Не знал и губернатор (вступивший в должность в 1845 году Ю. А. Долгоруков), об этом говорит его карандашная помета («спросить стряпчего»).

Советник предлагал повторить ходатайство о скорейшем разрешении постройки новой тюрьмы и передаче двух флигелей под архивы губернских присутственных мест, предварительно

«приведа их в приличное для этой цели устройство», то есть согласно требованиям закона.

В записке А. С. Башинский излагал также свои замечания по поводу недостатков, найденных им при осмотре дел, и порядка их хранения. Не выполнялись требования «Учреждения» 1845 года, касающиеся архивного порядка в губернских правлениях. В настольных реестрах⁵ не отмечался номер полки, на которой хранилось дело; архивариус не вел общего указателя: за какие годы, каких учреждений, отделений и столов находились дела в архиве и в каких шкафах и полках; также архивариус не отмечал в настольных реестрах время сдачи дел; не за все годы были составлены алфавиты дел; дела до 1845 года, хранившиеся в пяти комнатах присутственных мест и двух лавках гостиного двора, находились в беспорядке, так как комиссия не закончила свою работу и, кроме того, бездействовала с начала 1851 года.

В связи с этим А. С. Башинский предлагал возобновить работу комиссии для окончания разбора архивных дел, без чего, считал он, «архивы не могут быть приведены в устройство»; для тех же дел, которые уже разобраны и должны оставаться для дальнейшего хранения, необходимо устроить полки в соответствии с требованиями «Учреждения». Эти же недостатки отмечались советником в его рапорте 1849 года [8; 3]. Причины их были просты. Номера шкафов и полок не отмечались в реестрах, так как их вовсе не существовало в архиве. По той же причине не велся указатель. Алфавиты не создавались вовремя, так как столы отделений опаздывали со сдачей дел в срок.

Судя по данным записки и другим материалам дела, архивариус губернского правления не справлялся со своими обязанностями, поэтому советник предлагал назначить на его место «более благонадежного чиновника, ибо Алексеев не только нерадив к своим обязанностям, но часто подвержен болезненным припадкам».

Присутствие согласилось с доводами А. С. Башинского. Архивариус Алексеев был уволен, а вот решить вопрос с помещением было не так легко и быстро. В ответ на запрос правления Олонецкая губернская строительная и дорожная комиссия сообщила, что проект постройки нового тюремного здания утвержден, но на его исполнение не ассигновано требуемой суммы. Поэтому помощнику архитектора было предписано составить проект и смету на ремонт помещения, занимаемого архивом в настоящее время. Однако ремонта архив тоже так и не дождался. Губернатор предложил утверждение сметы приостановить до получения разрешения от главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями на ассигнование суммы на капитальный ремонт корпуса присутственных мест [7; 118]. В итоге в 1855 году Дорожная комиссия заключа-

ет, что смету на ремонт нынешнего помещения архива, как временную только меру, но связанную со значительными расходами, «остановить без всяких последствий» [7; 152].

Хранение документов в непригодном для этого и необорудованном помещении привело к тому, что уже в 1857 году сама же комиссия (но в другом составе) докладывала, что дела губернского правления с 1784 года, ранее рассмотренные комиссией, «оказались в крайнем беспорядке разбросанными по полу и смешанными с делами и книгами господина начальника губернии, приказа общественного призрения и губернского прокурора так, что до отделения сих трех последних от дел, собственно губернскому правлению принадлежащих, не представлялось никакой возможности исполнить обязанность Комиссии» [11; 68 об.]. Таким образом, из-за несоблюдения простых правил хранения дел в архиве комиссии пришлось вновь разбирать уже систематизированные ранее дела⁶. Перипетии с помещением для архива сказались на и так плачевном состоянии дел.

Вернемся к проблеме критериев отбора дел. Рост документооборота и соответственно сложности с организацией хранения документов вынудили министерства и ведомства более детально заняться вопросами классификации и систематизации документов, выделением категорий документов в зависимости от их важности.

Как уже указывалось, описи дел губернских правлений и присутственных мест ведомства МВД, предназначенных к уничтожению, представлялись на утверждение в это министерство. Зачастую губернские комиссии по разбору старых дел не могли правильно определить важность того или иного документа и, соответственно, предотвратить во многих случаях его уничтожение. В описях, представленных из губерний, обнаруживалось, что очень часто и в значительных количествах в них вносились дела, которые, по мнению МВД, должны оставаться для постоянного хранения в архивах. В 1852 году МВД издало циркулярное предписание, вместе с которым разослало «расписание тех родов архивных дел, кои вообще не подлежат уничтожению» [6; 185]. Главным образом это документы, свидетельствовавшие о словесной принадлежности, доказывающие права на земельную собственность, а также сведения о торговле, промышленности, ценах, городах и народонаселении. Не подлежали уничтожению дела о «раскольниках» и секретные дела. Кроме того, в данном перечне учитывался критерий значимости события, и все документы об ополчении 1812 года и касающиеся Отечественной войны подлежали дальнейшему хранению. Таким образом, если раньше министерство после рассмотрения описей каждой губернии в отдельности выделяло из них дела, которые следовало

хранить, то теперь, по-видимому, ввиду того что губернские комиссии были не совсем компетентны в этом вопросе, оно переходит к практике составления и введения правил, общих для губернских учреждений своего ведомства. Пока это не отдельный законодательный акт, регламентирующий содержание, хранение и уничтожение решенных дел, а общие, возникающие по мере необходимости рекомендации, являющиеся, однако, важным шагом в становлении экспертизы ценности документов. Так, в циркуляре МВД от 9 декабря 1852 года указывалось, что при уничтожении архивных дел следует соблюдать крайнюю осмотрительность, чтобы не подвергнуть уничтожению такие дела, в которых впоследствии «может встретиться надобность, если не для текущих дел, то при составлении исторических, статистических и других ученых сведений». В описях дел нужно проставлять порядковые номера дел, дату начала и окончания, количество листов и «ясное, определенное заглавие» каждого дела – требования, актуальные и сегодня. Комиссии, занимающиеся разбором архивов, обязывались рассматривать соответствие заголовка дела его содержанию и «не находятся ли в деле документы, к нему не относящиеся». Указы Сената и другие правительственные предписания, которые могли бы служить руководством в будущем, должны были быть оставлены для хранения. По делам о выдаче документов и денежных взысканий следовало удостовериться, выданы ли первые по принадлежности и удовлетворены ли взыскания, о чем отмечалось в описи на полях, напротив каждого из таких дел. По-видимому, и такие дела могли сдаваться в архив не будучи законченными.

В описях обнаруживается значительное количество дел, которые в соответствии с «Расписанием» от 9 декабря 1852 года должны были оставаться на хранении в архиве Олонецкого губернского правления. В качестве примера можно выделить следующие дела:

1) о записи в купечество, мещанство и вообще о приписке и исключении из одного состояния в другое («О записке вольного человека из шведов А. Егорова в число крестьян Повенецкого уезда»; «О понуждении повенецкий земский суд к доставлению сведений в тамошнюю расправу, в которые годы крестьянские дети Осип и Кирила Федотовы переписались в петербургское мещанство»);

2) о приведении иностранцев к присяге на подданство («О шведском подданном мастере П. Лехском»);

3) о спорах по имениям и завладении имуществом («О завладении у крестьянина Иванова крестьянами Аврамом и Трофимом Ивановыми мельницей»);

4) о происшествиях («О сгоревших казенных магазинах»);

5) о ценах на предметы продовольствия («О возвышении цен купцами на припасы против прежнего года»);

6) о состоянии почт, дорог, мостов («О проложении для выезда из города Олонца дороги») и др.

Комиссия, занимавшаяся разбором архива Олонецкого губернского правления, определила к уничтожению немало дел, представляющих историческую ценность. Так, члены комиссии не посчитали необходимым сохранить дела, связанные с деятельностью первого правителя учрежденного в 1784 году Олонецкого наместничества Г. Р. Державина. В качестве таких дел можно назвать следующие: «Об усмотренных правителем наместничества Державиным по присутственным местам неисправностям по делам 1785 года», «О произнесенных дерзких словах советником правления Соколовым на правителя наместничества» [9] и др. Включение данных дел в описи свидетельствует о том, что критерии научной ценности дел еще не были разработаны.

Комиссия, учрежденная для единовременного разбора архивных дел Олонецкого губернского правления, закончила свою работу весной 1865 года. К этому времени ей удалось разобрать все дела с 1784 по 1845 год. (В итоговом рапорте комиссии не указывалось общее количество разобранных дел, но в 1857 году, по данным архивариуса, ей оставалось рассмотреть по описям до 1845 года еще 56 602 дела.) Правление сразу же приказало ей приступить «с наступлением удобного весеннего времени» к разбору архивных дел губернского правления с 1845 года. В результате разборочных действий комиссии к 1874 году на хранении в архиве Олонецкого губернского правления за 1784–1800 годы оставалось только 1411 дел, 146 книг журналов и постановлений присутствия правления и 21 книга указов Сената [10; 138]. В настоящее время 396-й фонд НА РК, содержащий созданные в процессе деятельности Олонецкого наместничества документы, включает в себя только 588 единиц хранения. Колоссальные массивы документации, которая могла бы быть затребована, были уничтожены.

В законодательных актах XVIII века уделялось большое внимание созданию архивов, улучшению их состояния, но в них не содержалось указаний на проведение оценки документов с целью их сохранения или уничтожения, так как в государственных учреждениях еще не возникла необходимость систематического уничтожения ненужных дел и, в связи с этим, издания соответствующих норм и правил.

Административные реформы начала XIX века привели к большому накоплению документов в ведомственных архивах, что, в свою очередь, привело к необходимости проведения экспертизы их ценности. «Учреждение губернских правлений» 1845 года вводило десятилетний срок хранения

для документов местных учреждений, оно же установило порядок уничтожения дел, отбором которых занимались специальные комиссии.

В Олонецкой губернии, как и в большинстве других, ощущался большой недостаток в опытных и грамотных архивных работниках. В разборочные комиссии привлекались чиновники губернских учреждений: прокуроры, ассесоры, стряпчие, заседатели и др., которые также не обладали необходимой компетенцией. В результате их действий происходило уничтожение большого количества документов, нередко не утративших еще своего справочного или научного значения.

Кроме случайного и некомпетентного состава комиссий не гарантировал от гибели докумен-

тальные материалы и перечень дел, подлежащих уничтожению в губерниях, составленный впервые в 1845 году. Он приводил к гибели документов, имевших историческое значение, а также тех, которые могли впоследствии понадобиться для наведения административных справок.

Выработка критериев экспертизы происходила скорее интуитивно. Учреждения вынуждены были искать пути освобождения своих архивов от части документов, утративших справочное значение. Однако неразработанность подходов к оценке значения документов, отсутствие общегосударственных правил разборки и уничтожения бумаг, относящихся к делопроизводству государственных учреждений, привели к массовому уничтожению дел на местах.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О том, что представляли собой составленные комиссией описи дел, выделенные к уничтожению, см. подробнее [12].
- ² В последнем из названных дел речь идет о проекте разработки в 1784 году единого законодательного акта, регламентирующего делопроизводство губернских учреждений, когда с мест были затребованы предложения по «скорейшему делопроизводству». Наибольшей подробностью отличались донесения генерал-губернатора Олонецкого и Архангельского Т. И. Тутолмина, которым был разработан и внедрен «новый канцелярский обряд», что послужило в дальнейшем причиной конфликта между ним и губернатором Г. Р. Державиным. В 1806 году, став московским военным губернатором, Т. И. Тутолмин упростил на основании своего «обряд» делопроизводство уже в московском губернском правлении.
- ³ В 1865 году за пуд давали 36 коп. Было продано 40 пудов и выручено 14 руб. 40 коп.
- ⁴ Например, указ Сената от 27 января 1736 года.
- ⁵ С 1845 года дела передавали в архив не по описям, а по настольным реестрам.
- ⁶ Новое здание городской тюрьмы было построено в 1862 году. Новое специальное здание для архива – только в 1962 году, куда, в том числе, были перевезены архивные дела из подвальных помещений здания бывших присутственных мест губернии.

ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание I. Т. 8. № 5333.
2. ПСЗ РИ I. Т. 25. № 19387.
3. ПСЗ РИ I. Т. 26. № 19456.
4. ПСЗ РИ II. Т. 20. Отд. 1. № 18580.
5. ПСЗ РИ II. Т. 29. Отд. 2. № 28529.
6. НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5/22.
7. НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4/75.
8. НА РК. Ф. 2. Оп. 40. Д. 13/350.
9. НА РК. Ф. 2. Оп. 41. Д. ¼.
10. НА РК. Ф. 2. Оп. 45. Д. ½.
11. НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 66/821.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Виноградова Т. В. Деятельность комиссии по разбору архивных дел олонцкого губернского правления в контексте проблем ведомственного хранения документов в первой половине XIX века // Делопроизводство. 2004. № 1. С. 95–102.
13. Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М.: Наука, 1960. 261 с.
14. Самоковсов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 2.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯКОВА

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института североамериканских исследований (под-проект CARELICA), Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация), доцент российской истории, Университет Восточной Финляндии (Йоенсуу, Финляндия)
 irina.chernyakova@onego.ru

PARAMETERS OF LIFE AND DEATH IN KARELIAN LOCAL PARISH COMMUNITY: YALGUBA AREA IN CONTEXT OF XIX CENTURY ARCHIVAL QUANTITATIVE DOCUMENTARY SOURCES*

In this second part of the article (the first part was published in the previous issue of the journal) the author's attention is focused on the analysis of archival historical documentary sources of parish origin: metric books. The task is to recreate a picture of the parish inhabitants' life expectancy through such parameters as birth rate and mortality characteristics. Two questions are under consideration: what the main death causes were and what the general spectrum of diseases during the two comparatively searched periods of parish community demographical development was.

Key words: XIXth century, metric books, life expectancy, spectrum of illnesses, gender ratio of deceased, church parish community, historical demography

OBSERVATIONS

As it was revealed in the first part of our article the demographic characteristics of the local parish community development during the XIXth century cannot be so easily explained. The data compiled in Table 1 clearly shows that before 1850 all Yalguba area villages were developing progressively. The next two double decades, then, seem to be core periods, with the population reaching its peak in 1873 and suddenly reducing in 1904. Hypothetically, some dramatic inner circumstances occurred there during the last quarter of the century. The number of population continued to increase only in two villages out of 14 (Berezovye Mosty and Yalgora), while one of them maintained almost the same number of inhabitants. One more village (Okulovskaya) underwent a short period of decline somewhere between 1850 and 1873 and grew to become the biggest one in 1905. Six other villages (four in the Suisar' area, as well as Emeliyanovskaya and Ankhimovskaya villages) obviously diminished after 1873. Five more villages: Sel'ga, Minki Babkina, Karpovskaya, Kullievskaya and Baraniy Bereg stopped to be mentioned as separate settlements even before that, somewhere after the middle of the century.

It should be additionally emphasized that the evident decrease of the population in Ankhimovskaya and Emeliyanovskaya villages happened notwithstanding the fact that inhabitants of Minki Babkina, Karpovskaya and Kullievskaya villages became the members of these two communities namely, in the vicinity of which the former villages were located (see Pict. 1).

As Table 1 clearly demonstrates, the population has reached its peak around 1873. The common dynamic in the number of parish inhabitants was still

positive, even though two villages bearing the status of pochinok (newly founded settlements), Sel'ga and Baraniy Bereg, disappeared between 1850 and 1873, which obviously implies the attenuation of progressive tendency in economic-household development. Nevertheless, the total number of population of the parish area continued to increase up to 1342 pers. of b. g. in 1873, and then, instead of growing further, decreased over the next decades to 1300 pers. of b. g. In order to understand when and why the progressive tendency in the parish population growth was disrupted, we should analyse data provided by *metricheskie knigi* (metric books) concerning the number of the newborn and the deceased over two decades preceding the peak registered in 1873 and compare it with the duration-matching period within the decrease phase of the total number of parish inhabitants to the level of 1904.

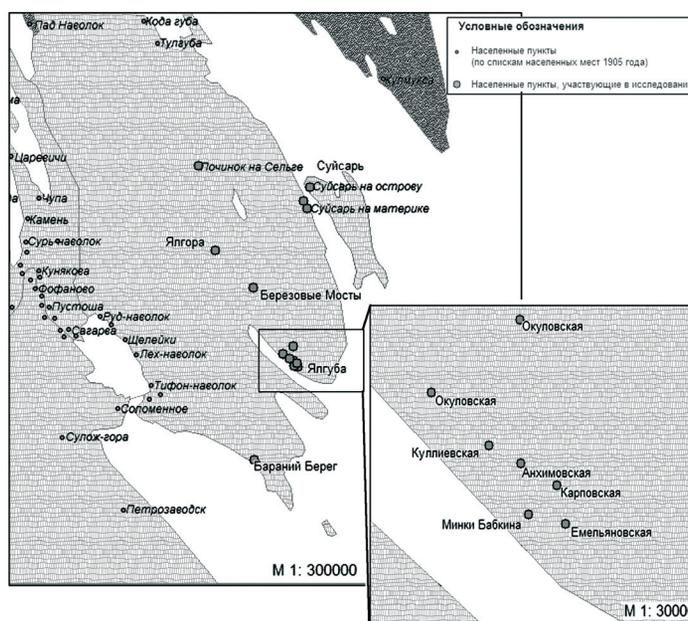
Our observations show the following. There were several time-periods during the 1860s when the number of deaths significantly exceeded the number of births: in 1863, and then in 1867–1868, while in 1864 the number of the deceased people and the number of the new-born children seems to be equal and quite high (more than 160 pers. of b. g. altogether). Extremely high mortality predominance was observed in 1872. The number of deaths (95) was almost twice as large as the number of births (65). It means a lot in the context of the coming 1873 peak in the population density of this particular parish territory (Fig. 1).

The situation within another two-decade period under our observation looks much more favourable. First of all, the birth rate evidently increased: the biggest number of the newborn children was 97 (1885), the lowest – 64 (1892). These numbers could be com-

pared to 81 and 48 in 1864 and 1867, respectively. At the same time, in 1889 and then again in 1904, the number of deaths was equal to the number of births (77 and 76, 82 and 83 pers. of b. g. respectively). The mortality rate exceeded the birth rate only twice: in 1894 and 1897, and in both cases differences were not significant. The difference detected in the birth-death ratio seems to be of the most importance: in the 1850s – the beginning of 1870s 88 deaths took place there per every one hundred births, but at the end of the century this measure decreased by 9 deaths (i. e., 77 deaths per 100 births). Nevertheless, the total number of births and deaths in Yalguba parish during twenty years at the end of XIXth – beginning of XXth centuries significantly exceeded corresponding figures for the same time period following immediately after the middle of the XIXth century: by 21 percent (N = 339 pers. of b. g.) and by 13 percent (N = 161 pers. of b. g.), respectively.

Table 1
Population of the Yalguba parish villages at the end of XVIIIth – beginning of XXth centuries

Village	1782	1816	1850	1873	1905
Okulovskaya	217	235	326	282	403
Berezovye Mosty (Mandera)	36	46	67	81	127
Yalgora (Tyur'mino)	17	45	63	71	72
Sel'ga	5	5	4	–	–
Minki Babkina	64	82	109	–	–
Suisar'	297	317	381	431	333
Emel'yanovskaya	135	120	133	290	215
Karpovskaya	38	37	53	–	–
Ankhimovskaya	85	79	103	187	150
Kullievskaya	56	67	76	–	–
Baraniy Bereg	–	4	–	–	–
Total	950	1037	1315	1342	1300

Pict. 1. The area of Saint Nicholas parish in Yalguba on the administrative Map of Volostnoe Delenie (division by districts), 1905 (This electronic map was created as part of the Interdisciplinary Project 05-07-97504 of ILLMiK and GIS department of PetrSU, sponsored by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in 2005–2007)

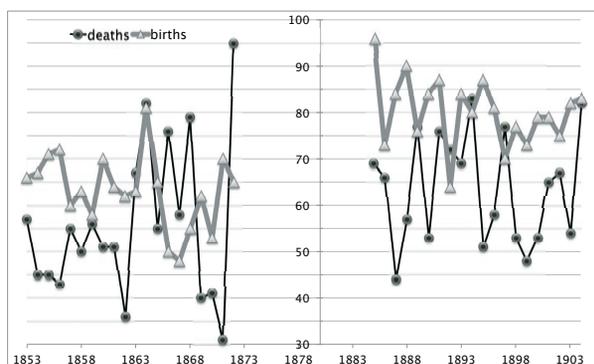

Fig. 1. Births and deaths in Yalguba parish in two periods: 1853–1872 and 1885–1905

In fact, over the two compared two-decade periods in Yalguba area more than 2860 pers. of b. g. were born and about 2400 died altogether (Table 2).

Table 2
General number of births and deaths over two two-decade periods in the second half of XIXth – beginning of XXth centuries

Years	Births	Deaths
1853–1872	1265	1113
1885–1904	1604	1274
Total	2869	2387

Observed closeness of demographic figures is suggestive of the fact that periods subjected to intent attention do reflect normal everyday course of life

of inhabitants in this part of Prionezhie. That is why the analysis of the number of deaths based on the data collected from two decades at the beginning of 1850s – beginning of 1870s and from the same time period in the middle of 1880s – beginning of 1900s (Table 3) promises to form an adequate idea about the most vulnerable age groups among men and women inhabiting the parish in the XIXth century.

Table 3

Number and age of the deceased in Yalguba parish during two periods: 1853–1872 and 1885–1904

Age	1853–1872			1885–1904		
	Men	Women	Total	Men	Women	Total
Before 5 years	352	322	674	459	378	837
6–15	27	36	63	22	29	51
16–25	33	25	58	20	26	46
26–35	15	21	36	12	22	34
36–45	31	27	58	19	20	39
46–55	16	23	39	19	23	42
56–65	30	61	91	27	26	53
66–75	35	39	74	55	53	108
76–85	19	30	49	19	36	55
86–95	5	10	15	4	5	9
Total	563	594	1157	656	618	1274

The presented data confirms once again our conclusion made primarily on the base of the general decrease in parish population. Demographic situation became more complicated at the end of XIXth century compared to its middle. Even without emphasizing the larger number of the deceased over the same period of time (1157 and 1274 pers. of b. g., respectively), one cannot avoid noticing that the most vulnerable social group – children under the age of five – whose mortality rate was already absolutely prevalent before, further increased in number proportionally.

During the analysed twenty-year time periods of the XIXth century the share of children who did not live to five years among all the deceased amounted to 58 % (N = 674 pers. of b. g.) in the middle of century and to 66 % (N = 837 pers. of b. g.) at its end.

Another fact, which attracts our attention, is a smaller share of long-livers – those who died after reaching the age of eighty-six. The elderly at the end of the century by far more seldom lived to such age. In the last decades of the XIXth century the increase in mortality of women of reproductive age – usually a priori considered to be vulnerable members of societies such as Yalguba parish – looks more evident. It should be noted though that our sources rarely mention cases of death while giving childbirth. Women in general lived longer, as can be concluded based on their numerical prevalence over men in the next to last age group of seventy-six to eighty-five year olds.

However, one cannot avoid paying attention to the fact that a share of persons that died at the age of fifty-six – seventy-five years old (a critical age

period for peasants, who traditionally worked hard and usually did not receive qualified medical help) turned out to be practically the same in both studied periods, reaching 14 % (N = 165 pers. of b. g.) and 13 % (N = 161 pers. of b. g.), respectively. Similarity in fluctuations of quantitative indexes in other age groups is also quite evident.

The number of deceased adolescent children remained quite high. At the same time, there has been some decrease in absolute figures for young boys, as they would be defined nowadays, which does not entirely conform to the conception of age gradations accepted in earlier times. Indeed, starting from the last third of the XVIIth century a person officially became a grown-up or an adult much earlier – at least in the view of the state. When registering fifteen-year old adolescents in tax records officials already considered them not as *nedorosli* (minors), but as so-called *rabotniki* (workers).

One more visible increase of absolute figures concerns the age of death by natural causes – closer to sixty, seventy and eighty years old. However, the main conclusion is that both studied periods are characterised by an overwhelmingly great share of deaths among children within the first five years of life.

Internal parish church recordings of such events depended largely on a good will and readiness of local priests to fill in stencilled reports more or less carefully and did not require obligatory apportionment of children who died before reaching their first year birthday when putting together final tables for a year. Our analysis of actual records containing this information has shown that a share of children which did not manage to overcome the five-year age point stayed approximately the same during the whole second half of the XIXth century and that within this group infants started to constitute a noticeably greater share at the centuries' threshold (Fig. 2).

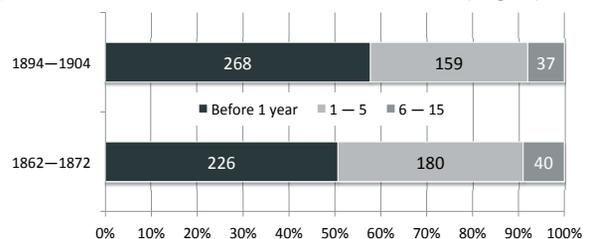

Fig. 2. Age groups ratio of deceased children in Yalguba parish in the middle of XIXth century and at the XIXth – XXth centuries' threshold

DEATH-CAUSING DISEASES

We assume that systematisation of information about diseases which caused deaths of peasants inhabiting this part of Prionezhie will allow us to make more specific observations about the reasons of demographic slump that took place in this area over the turning decades between XIXth and XXth centuries, therefore, we shall analyze the causes of death following the records of priests. Keeping such

records apparently was done on the grounds of words of other household members in every case when a burial service for a deceased person was conducted in a local parish church.

Three groups of death causes can be distinguished: diseases (general and infectious), accidents and natural death due to old age. It immediately becomes clear that these causes were not equally significant for the middle of XIXth century and for its last decades.

Graphically presented information from metric books for every studied period is quite demonstrable. In this case the records of Yalguba parish metric books in their part “*ob umershikh*” (about the deceased) for the periods of 1847–1862 and from years 1885, 1887, 1893, 1898, 1899, 1901–1905 were analysed (Fig. 3) [1].

Accidents with fatal outcomes happened very rarely and very few such records have been made. In dozens of records concerning the deceased only a few drowned persons were mentioned; sometimes accidents happened in the forest or at home: “*ushib derevom*” (injured by a tree), “*ushib golovoi*” (head contused), “*obzhog*” (burn); there is one mentioning of a woman who perished in a fire.

Evidently, in the end of 1840s – beginning of 1860s people lived long enough to die of old age – “*natural’no*” (naturally), as our source puts it – much more seldom than at the end of the century. Only one fifth of all the deceased in this period died of natural causes. On the other hand, at the end of the century it increased by one half.

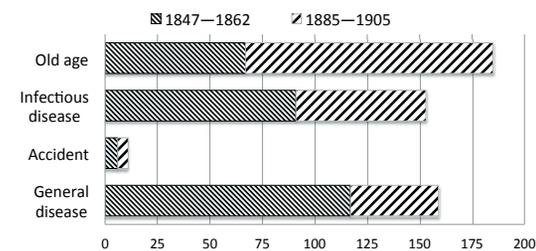

Fig. 3. Causes of death of adult population in Yalguba parish in two periods: 1847–1863 and 1885–1905

Share of deaths due to general diseases decreased extraordinarily – more than twice. As for infectious diseases, their share also diminished quite noticeably although not so significantly.

General spectrum of diseases and its changes that took place over half a century are demonstrated by the following diagrams (Fig. 4).

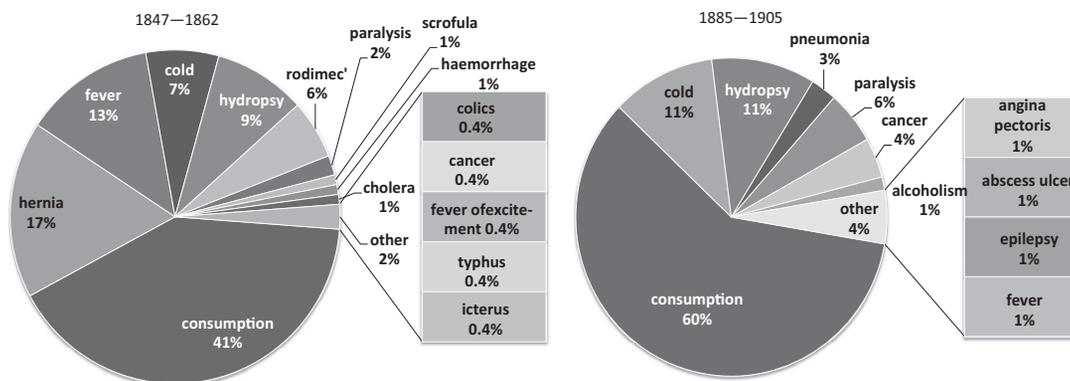

Fig. 4. Diseases that caused deaths of Yalguba peasants at the age from sixteen to ninety-five year old in two periods: 1847–1862 and 1885–1905

As is clear from the data presented, there were no records of deaths caused by *rodimec* anymore, as well as by typhus, hepatitis, cholera, scrofula in the last decades of the XIXth century. Undoubtedly, this can be seen as evidence of successful state policy as well as efforts of priests, who were imposed with the duty of carrying on propaganda for universal vaccination of population.

What attracts attention among causes of death revealed by our analysis of metric books is that consumption, or phthisis, was extremely widespread. At the same time, rate of morbidity due to lung tuberculosis among adult parish’s population at the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries looks much more significant than three or four decades earlier: a share of deaths caused by consumption has increased by 20 %.

The second most common disease was rupture (hernia), which, undoubtedly, serves as evidence

that people were forced to carry out hard physical work. However, it seems that by the end of the century doctors did learn to treat hernia by preventing its strangulation as this diagnosis has not appeared anymore.

Also, we should mention the frequency of dropsy, since in average every tenth of the deceased within the analysed time periods had *vodyanka* (literally water sickness), as this disease caused by heart or renal failure was called in those times.

It might be ascertained with some surprise that there was a significant number of people who did not manage to recover from ordinary cold, which then seemed to have developed into a fever. Following our documentary sources, we distinguish between these two diseases; although it might well be that the situation in question is one and the same, even more so since priests occasionally recorded it as *prostudnaya goryachka* (cold fever). At the end of the centu-

ry mere *prostuda* (cold) appeared to be the most frequent sickness. However, it is very likely that more serious illnesses of virus nature, perhaps influenza, may be hidden behind these definitions.

Women from Yalguba villages more often than men died of consumption (58 % – hereinafter among those died by the same disease), were much more likely to get dropsy (68 %) in the middle of the XIXth century and were almost as prone to this illness as men during the century's last decades (59 and 55 % respectively); they suffered more often from fever (67 %) in the middle of the century and died from catarrhal illnesses (75 %) at the end of it. The true curse for middle-aged men was hernia (78 %) until the cure for it was discovered.

CONCLUSION

Documented parish church statistics draws a picture of health condition of South-Karelian parish Yalguba inhabitants that is quite far from being optimistic. However, it gets even more aggravated when looking at the revealed data concerning infant mortality [4; 131].

Our attention is drawn to the fact that by the end of the century proportional weight of tuberculosis (consumption) in the spectrum of deadly diseases had evidently grown: from 41 to 60 % in the spectrum on the whole. The term *kolotie* (stitch), which might sound quite amorphous, was used by priests and deacons apparently to determine the first stage of tuberculosis [2; 42].

It is quite likely that what we observe is an evident lack of immunity of a great part of Yalguba parish population. Hypothetically, the evident narrowness of traditional marriage behaviour, that was discovered in our previous research of local demographical parameters on the example of Suisar villages and villagers life expectancy in the long perspective [3; 50–53], and was supported subsequently by a discovery of the fact that the absolute majority of the local population marriages in the XIXth century were entered into within a five-kilometre zone [5; 223–226], suggests an idea of probable genetic factors being an underlying cause of oppressive situation with population health status as it have been reflected in the documentary sources of local parish origin: metric books.

*Продолжение. Первую часть статьи см.: Чернякова И. А. Local Karelian parish community as object for social and demographic research: Yalguba area in the context of the XIXth century archival quantitative documentary sources // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 5 (126). С. 30–35.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00143а) и Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

REFERENCES

1. Metricheskie Knigi (Metric books) of the church of St. Nicholas in Yalguba parish from 1847–1862, 1885, 1887, 1893, 1898, 1899, 1901–1905 // National Archive of the Republic of Karelia (NARK). Fond (collection, hereinafter referred to as 'F.') 25. Opis' (catalogue, hereinafter referred to as 'Op.') 22. Delo (volume, hereinafter referred to as 'D.') 135, 141, 146, 150, 158, 364, 378, 425, 468, 482, 492, 500, 515, 518, 527.
2. Л о е в с к и й Ф. [М]. 1250 домашних средств по излечению всевозможных болезней: Полный настоящий простонародный русский лечебник. Днепропетровск: Сич, 1993. 232 с. [Первое издание: М., 1862.]
3. Ч е р н я к о в а И. А. Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура / Ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 25–60.
4. Ч е р н я к о в а И. А. От рождения до смерти: локальное крестьянское сообщество в Карелии в XVIII – начале XX в. (по материалам Ялгубского прихода) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 15–17 ноября 2005 г. / Сост. А. Ф. Андреев. Великий Новгород: Изд.-полиграф. центр Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2006. С. 123–133.
5. Ч е р н я к о в а И. А. Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX века в борьбе за выживание: стратегия или интуиция? // Российская история. 2009. № 3. С. 216–227.

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА БРУСНИЦЫНА
младший научный сотрудник Института северо-европейских исследований, преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
d.brusnitsyna@mail.ru

КОНФЛИКТ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНИЗАТОРОВ СЛУЖБЫ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ В КАРЕЛИИ XVII ВЕКА*

Рассмотрены некоторые аспекты повседневных взаимоотношений олонекского воеводы князя Федора Волконского и крестьянского «свюзчика» дворянина Василия Золотарева, на каждого из которых в 1649 году были возложены определенные обязанности по организации службы пашенных солдат в Заонежских погостах. Основной акцент делается на конфликте властных полномочий этих должностных лиц и его последствиях – нарушении срока исполнения царского указа.

Ключевые слова: история Карелии, XVII век, Заонежские погосты, Федор Волконский, Василий Золотарев, полки нового строя, пашенные солдаты, крестьяне

В 40-е годы XVII века в России проводилась масштабная модернизация вооруженных сил. Реформирование было вызвано осознанием того факта, что поместное и стрелецкое войска более не способны противостоять армиям западно-европейских стран, значительно уступая им по своим боевым качествам. В целях повышения боеспособности русского войска правительство приступило к формированию и обучению воинских соединений по образцам стран Западной Европы. Созданные полки получили название – полки иноземного (или нового) строя. Первоначально они полностью формировались из иноземных солдат и офицеров, но вскоре в ряды солдат, драгун и рейтар стали набирать русских людей различного социального происхождения, главное условие – чтобы претенденты были не из числа податного населения и не находились в холопстве. Таким образом, крестьяне не имели права записываться в полки нового строя. Однако нехватка ратных людей и необходимость охраны государственной границы от вторжений извне привели правительство к мысли поручить охрану границы крестьянам, проживавшим на соответствующей территории. Так, на юго-западе и северо-западе России появились полки, рядовой состав которых был полностью составлен из числа местных государственных крестьян. Офицерами, которые должны были обучить крестьян военным навыкам по западноевропейскому образцу, были иноземцы. Некоторые аспекты этого явления изучены в историографии [2; 144–145], [3; 63–64], [4; 207–228], [5; 67–76], [6; 126–140], [7; 83–90], [8], [9], [10; 269–274], [11; 3], [12; 120–122, 173–176].

Цель данной статьи – показать, как повседневные взаимоотношения должностных лиц – Василия Золотарева и Федора Волконского, направленных для решения различных задач по

организации службы пашенных солдат, могли помешать исполнению царского указа в срок. Источниками для исследования послужили архивные документы из фонда 141 «Приказные дела старых лет», хранящиеся в РГАДА [1].

Дворянин Василий Данилович Золотарев был направлен из Москвы в Заонежские погосты в 1647 году для подготовки этой территории к введению солдатской службы. Ему было поручено выполнить несколько важных задач. Во-первых, одновременно со сбором податей он должен был сообщить крестьянам о возможности освобождения от налогов тех, кто согласится записаться в солдаты. Во-вторых, Золотареву надо было решить проблему численности населения указанных погостов: крестьян, сошедших в прежние годы в другие уезды, он должен был сыскать и вернуть на прежние места жительства, а остальное население, и взрослых, и детей, переписать.

Осуществить эти задачи было нелегко. Золотарев сталкивался не только с нежеланием части крестьян давать согласие на службу, но также с нежеланием сошедших крестьян возвращаться на прежние свои участки, а представителей администрации различных уездов и городов – отдавать этих крестьян. Однако самый главный конфликт произошел у Золотарева вовсе не с противниками введения солдатской службы, а с должностным лицом, направленным в Заонежские и Лопские погосты для постройки города-крепости Олонца и для проведения мероприятий по формированию солдатских полков из местных крестьян, – с олонекским воеводой князем Федором Федоровичем Волконским.

Князь Волконский прибыл в Заонежские погосты 24 марта, а его помощник – Степан Парфеньевич Елагин – 31 марта 1649 года [1; 149–150]. В царском указе, который Волконский привез с собой, ему и Елагину было предписано, взяв

у Золотарева списки с его переписных книг, пересмотреть всех крестьян налицо и годных к службе записать в два полка – полковников Александра Гамильтона и Мартина Кармихеля [1; 20–21]. В свою очередь Золотарев, находившийся в Заонежских погостах, также был уведомлен царским указом о приезде воевод и необходимости передать им данные своей переписи [1; 22].

Однако получить списки крестьян от Золотарева Волконскому так и не удалось, и в июне 1649 года, не дождавшись сведений переписчика, воеводы сами приступили к смотрам крестьян, одновременно записывая их по полкам и ротам [1; 280–286]. Времени ждать у них больше не было, так как, во-первых, затягивалось исполнение царского указа, а во-вторых, иноземные офицеры, основной состав которых прибыл в Заонежские погосты в мае 1649 года для обучения крестьян солдатскому строю, получив свое жалованье за полгода, пребывали без дела.

Разобраться в сложившейся ситуации поможет реконструкция отношений Золотарева и Волконского, сделанная на основании их отписок, посылаемых из Заонежских погостов в Москву с марта по июль 1649 года.

Из отписки воеводы, посланной в мае 1649 года, известно, что о списках крестьян он неоднократно писал Золотареву, находившемуся тогда в Шуйском погосте, а именно 26 марта, 10 и 25 апреля, но по 7 мая ответа не получил [1; 179–181], а из другой отписки – что Золотарев не прислал списки по 24 июня [1; 279].

Царскими грамотами в этот период Золотареву неоднократно предписывалось завершить перепись крестьян Заонежских погостов «без мотчанья» и представить списки воеводам [1; 60, 87–88, 172–173, 243–255]. И каждый раз в своих отписках в Москву Золотарев сообщал, что перепись еще не завершена, так как Заонежские погосты и деревни в них расположены далеко друг от друга, добираться до населенных пунктов очень трудно, а он лично заезжает в каждую деревню и каждый двор, «не имея веры никому», ни старостам, ни попам [1; 207–216, 218–227, 257, 263, 266]. Оправдывая свой медленный способ переписи населения, Золотарев сообщал об обнаруженных им неучтенных недавней переписью 1646 года дворах и людях [1; 168–170].

Из упрека, высказанного Волконским, что Золотарев в три года не переписал крестьян [1; 58], следует, что приступить к переписи тот должен был еще в 1647 году и если не все погосты, то хотя бы несколько из них он должен был успеть посетить и переписать. Тем не менее Волконскому Золотарев поначалу не дал совсем никаких списков, а некоторое время спустя прислал ему сказки старост, которым, по его же словам, сам он не верил.

Возникает впечатление, что Золотарев был безответственным и неисполнительным челове-

ком и именно по его вине затягивалось введение солдатской службы в Заонежских погостах.

Однако жалобы Золотарева, содержащиеся в его отписках в Москву, рисуют несколько иную картину. По его словам, князь Волконский, приехав в Заонежские погосты, сразу же разослал всем старостам памяти, в которых распорядился крестьянам не слушаться Золотарева и подводить ему не давать [1; 209]. То же самое он повторял и позже [1; 240]. Золотарев сетовал, что, узнав об этом, крестьяне не только перестали повиноваться ему, но даже стали писать на него ложные челобитные якобы из-за того, что он «им ни в чем не потакнул и посульных денег у них не имал» [1; 231]. Таким образом, получается, что сам Волконский своими распоряжениями препятствовал Золотареву осуществлять возложенные на него обязанности по переписи крестьян.

Что толкнуло воеводу на такие действия, из сохранившихся в фонде РГАДА документов не понятно. Царские указы ничего подобного ему не предписывали. Возникает вопрос, а правдивы ли были обвинения самого Золотарева? Это также остается неизвестно, ни одна из сохранившихся отписок Волконского не содержит оправданий по этому вопросу.

Однако один из конфликтов, произошедший между Волконским и Золотаревым, мы можем проанализировать с привлечением отписок обоих должностных лиц, в которых содержится точка зрения каждого на случившееся.

Как сообщил в Москву Золотарев, в апреле 1649 года по приказу воеводы Волконского у него было отобрано судно, построенное им годом ранее, в 1648 году, для своих надобностей для поездок по погостам. Он построил судно на свои деньги силами нанятых им крестьян Юрьева монастыря в Пудоожском погосте. В деле сохранилась купчая Золотарева на карбасные канаты и якорь, купленные им 11 мая 1648 года у крестьянина Кижского погоста Захарки Кирилова сына Игумнова [1; 241]. В летний период Золотарев использовал карбас по прямому назначению, а на зимний период оставил судно на пристани Александро-Свирского монастыря на хранение. С началом навигации в апреле 1649 года он послал крестьянина Шунгского погоста Ондрюшку Одинцова за своим карбасом, чтобы тот доставил судно к нему. Однако когда крестьянин Одинцов шел на карбасе по реке Свири к Золотареву, на его пути встретились люди Волконского, которые его «с судна збили», а карбас забрали и передали воеводе. На просьбы Золотарева вернуть ему карбас Волконский ответил отказом [1; 228–230, 237]. Золотарева очень возмутил этот поступок воеводы, и он обвинил Волконского в желании «покорыствоватьца» его карбасом [1; 229–230].

Волконский в своем объяснении, направленном в Москву, отвечая на обвинения Золотарева,

не отрицал самого факта отобрания у крестьянина Одинцова карбаса. Однако ничего противозаконного в этом он не видел. Воевода написал, что, расспросив местных крестьян, есть ли здесь какое судно, чтобы он или его помощник могли ездить для государевых дел по погостам, он узнал, что есть карбас, на котором ездил в прошлом году Василий Золотарев. Местные жители якобы сказали ему, что карбас этот не Золотарева, а государев, так как строили его государственные крестьяне «миром». Таким образом, по словам Волконского, он взял карбас не из корыстных побуждений, а из желания поскорее исполнить царский указ и пересмотреть всех крестьян на предмет их годности к солдатской службе, для чего ему и было необходимо судно для поездок по погостам [1; 312–313].

К сожалению, никакого документа, исходящего из Москвы и проясняющего позицию центральной власти по отношению к этому конфликту, не сохранилось. Однако жалобы Волконского и Золотарева друг на друга продолжали поступать в Новгородскую четверть. Так, воевода в одной из своих следующих отписок обвинил Золотарева в непослушании царскому указу о переписи крестьян, из-за чего задерживается введение солдатской службы [1; 280]. Возмущенный таким обвинением Золотарев в своей отписке в Москву подчеркнул, что Волконский

подает на него ложные жалобы и делает это в отмщение за карбас, за то, что он – Золотарев – сообщил о незаконных действиях воеводы в Москву [1; 257].

Из слов Золотарева о том, что Волконский мстит ему за карбас, можно предположить, что именно Золотарев был признан владельцем судна и, вероятно, получил его обратно. Правда, в царском указе от 26 июня 1649 года Золотареву сделано замечание, что ему за воеводами смотреть не велено [1; 254]. По-видимому, власть не желала знать подробностей межличностных дрязг.

Естественно, после такого конфликта между этими двумя должностными лицами не могло быть и речи о взаимодействии и сотрудничестве. Возможно, поэтому Золотарев не торопился предоставлять воеводам списки крестьян. Следствием антипатии, возникшей между Золотаревым и Волконским, стало промедление с началом введения солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах на несколько месяцев. Таким образом, повседневные межличностные взаимоотношения должностных лиц могут оказывать влияние на срок и качество исполнения даже царских указов. В рассмотренном случае это было негативное влияние, ставшее результатом конфликта властных полномочий двух организаторов службы пашенных солдат.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Церковь и крестьянское сообщество в Карелии эпохи раннего Нового времени», № 11-31-00348а, и при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИК

1. РГАДА. Ф. 141: Приказные дела старых лет. 1649. Д. 29: Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для солдатских и драгунских полков Александра Гаменты да Мартина Кармихела. 368 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синодальная типография, 1909. 321 с.
3. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Синодальная типография, 1912. 311 с.
4. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.
5. Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656–1658 гг.: Препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск: КФАН СССР, 1978. 76 с.
6. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 176 с.
7. Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб.: Тип. гл. управления уделов, 1913. 496 с.
8. Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. № 1–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://illmik/petrsu.ru/2006news3/Ryzhkov2.html>
9. Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://illmik/petrsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>
10. Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всерос. науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 269–274.
11. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» 2000]. № 47 (646). 21 июля.
12. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ МАРКОВ

соискатель кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mcvcom@yandex.ru

ГЕРОИЧЕСКОЕ И ОБЫДЕННОЕ В ОБРАЗЕ СОВЕТСКОГО ВОИНА (по материалам пропагандистских изданий Карельского фронта 1941–1944 годов)*

Анализируется образ красноармейца, созданный пропагандистами на страницах военной печати Карельского фронта. В статье показана динамика представления о «героическом» и соотношении его с «обыденным» в этом образе в связи с изменением обстановки на фронте. Специальное внимание уделено смене идеологических установок, соотношению интернационального и национал-патриотического подходов в военной пропаганде на протяжении войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Карельский фронт, военная пропаганда, образ красноармейца

Целью данной работы является реконструкция образа бойца Карельского фронта и выявление соотношения в нем черт героического и обыденного. Для этого будут решены две взаимосвязанные задачи. Во-первых, рассмотрена динамика в представлении героического в образе советского воина в связи с изменением обстановки на фронте и сменой идеологических установок. Во-вторых, определено значение обыденного для формирования образа бойца и выявлено изменение соотношения героического и обыденного в пропаганде на протяжении войны.

Главным источником для данного исследования является военная печать Карельского фронта: газеты «Героический поход» 122-й сд, «Страж севера» 23-й гвсд, «Красный воин» 14-й сд, «На штурм» 313-й сд, «За Родину» 27-й сд и газета «Красноармейский удар», выходившая при штабе 26-й армии. Печать играла в пропагандистской работе очень большую роль и зачастую служила главным пособием для агитаторов, работавших на низовом уровне рот и батарей.

Военная печать рисовала образ советского воина в двух основных сферах его фронтовой жизни. Во-первых, это бой, описание которого позволяло представить те качества, которые должны проявлять в нем красноармейцы. Эту сферу можно условно обозначить как героическую. Во-вторых, это сфера фронтового быта и отдыха бойцов РККА. Ее освещение в пропаганде можно охарактеризовать как обыденное. Помимо этого содержательного разделения значимым был еще один уровень пропаганды, а именно ее идеологическая направленность, в которой на протяжении войны существовали два аспекта: классово-интернациональный и национал-патриотический.

В начальный период войны, с июня по декабрь 1941 года, больше всего внимания уделялось упорной обороне и связанному с ней героизму. Даже названия статей, посвященных боевым действиям, в основном содержат эпитеты «бес-

страшный» «храбрый», «мужественный», «отважный» в отношении рядовых красноармейцев [2], [15] и «волевой» для описания командиров подразделений [5]. Традиционные сюжеты в пропаганде были связаны в основном с эпизодами крупных боев, в которых использовалось разнообразное вооружение, и поэтому внимание газет было обращено практически в равной мере на все воинские специальности. Основной мотив пропаганды в этот период определялся лозунгом: «Советский боец презирает смерть» [11].

В период стабилизации фронта, в 1942–1943 годах, сменился и основной фокус пропаганды. Новая ситуация позиционной войны с активным использованием снайперов и диверсионных групп внесла существенные корректировки в образ красноармейца. Теперь примером для подражания становились не только мужественные бойцы, но и наиболее активные и умелые. Фронтальная пресса в этот период широко освещала деятельность снайперов и разведчиков, получивших почетное звание «истребителей» немцев или белофиннов [17], [21].

В период наступления на Карельском фронте летом 1944 года вновь произошли изменения в образе красноармейца. В новых условиях главным героем стал пехотинец, умеющий взаимодействовать с другими родами войск в ходе крупной наступательной операции. Красноармеец теперь изображался как профессионал своего дела, способный решать боевую задачу с минимальными потерями [20], [22], [23], хотя мотив самопожертвования полностью не ушел из пропаганды и сохранялся в ограниченных масштабах.

В начальный период боевых действий пропаганда уделяла относительно мало внимания фронтовой повседневности. Материалы, которые повествовали о фронтовом быте или отдыхе красноармейцев, были достаточно редки и отодвинуты на второй план. Однако в период установления стабильного фронта в газетах увеличивается количество таких материалов, что

было связано в первую очередь с изменением характера боевых действий: бойцы должны были находиться в постоянной боеготовности, для чего были необходимы налаженный быт и возможность полноценного отдыха. Это обусловило повышение внимания пропаганды к сфере «обыденности» во всех ее основных проявлениях.

Пропаганда подчеркивала, что красноармеец одет и обут и получает горячую пищу, в отличие от противника. Газеты говорили о важности бытовой культуры и представляли положение дел таким образом, что все проявления бесхозяйственности и безалаберности выглядели исключениями из общего правила [12]. Образ землянки, где можно прочесть книгу или газету, встречался в большом количестве статей [7], [12], [16]. Не меньшим вниманием пользовалась и красноармейская самодеятельность во всех ее формах: от танцев и песен до декламации стихов. Такое внимательное отношение к культурному отдыху было отнюдь не случайно, так как оно помогало создать образ бойца РККА как защитника культуры и прогресса от варварства и деградации.

На трансформацию образа советского воина влияли также изменения в идеологических установках пропаганды на протяжении войны, развившиеся в переосмыслении значения ее классовых и национальных аспектов. Эти вопросы поднимались в работах Е. С. Сенявской [26], [27], которая пришла к выводу о том, что классовые мотивы практически полностью были заменены национально-патриотическими. Иное мнение выражает Ф. Л. Синицын [25], который указывает на рост национально-патриотических мотивов в пропаганде на протяжении 1941–1943 годов, но отмечает и противоположную тенденцию – возвращение значительной части интернациональных и классовых установок с 1944 года. В данном случае более взвешенной представляется вторая позиция, хотя скорее можно говорить не о полном изъятии классовых мотивов из пропаганды, а о перемещении их на второй план и соединении с национал-патриотическими сюжетами в причудливой форме. Эта тенденция в пропаганде достаточно отчетливо выразилась в обращении к сюжетам дореволюционной истории.

С использованием в пропаганде образов дореволюционной культуры все было более или менее просто, так как значительная часть деятелей культуры в той или иной степени была оппозиционна к царскому режиму. Так, например, изображался А. С. Пушкин [19]. В статье о нем интересно еще и то, что новые враги – фашисты – были напрямую связаны со старыми классовыми врагами в лице царского правительства. Такая увязка, использовавшаяся в начальный период войны, постепенно исчезла из пропаганды, так как реальность оказалась намного страшнее. Во всех материалах, связанных с культурой, можно выделить один общий момент: красноармеец

в них предстал защитником всех культурных достижений в зависимости от контекста – советских, европейских или вообще мировых.

Пересмотр соотношения классовых и национально-патриотических мотивов в пропаганде сопровождался обращением к дореволюционным военным традициям. Образы государственных деятелей, зарекомендовавших себя на военном поприще, в значительной мере были очищены от классовой оценки. Тем самым создавалась возможность для «опрокидывания» политики в прошлое. Образы исторических деятелей осовременивались, также как и мотивы их деятельности. Знаменитым средневековым деятелям приписывались национальные устремления, характерные скорее для XIX века. Осовременивались и события. Так, например, в материалах, посвященных Александру Невскому и Дмитрию Донскому, упоминались ополченцы [3]. Это явно не соответствует историческим реалиям, зато позволяет, с одной стороны, связать РККА с древней воинской традицией, а с другой – показать, что войны выигрывал вооруженный народ [4]. Таким образом, при обращении к дореволюционной истории внимание, помимо выдающихся исторических деятелей, было направлено на народные массы, позиция которых в конечном итоге определяла успех военного или государственного деятеля. А знаменитый военачальник, в свою очередь, был успешен настолько, насколько мог подняться над интересами своего класса и опереться на народные массы. Несмотря на то что классовые характеристики дореволюционных военных героев затушевывались, во всех пропагандистских материалах исторического характера оставался некоторый задел для возвращения на рельсы классового подхода.

Нельзя сказать, что пропаганда совсем отказалась от использования классовых символов. В военной печати периодически появлялись статьи, повествовавшие о важных вехах коммунистического и рабочего движения (например, статья о Парижской коммуне [18]). Не исчезло и обращение к сюжетам антифашистской борьбы, особенно это относилось к гражданской войне в Испании. Тем самым красноармейцам внушалась мысль, что они являются не только защитниками СССР, но и всей прогрессивной революционной традиции в истории.

Постулируя тезис о том, что Красная армия – это армия дружбы народов, пропаганда связывала это положение с достижениями социалистического строя. В пропагандистских материалах газет подчеркивалось равенство всех красноармейцев независимо от их национальности, что противопоставлялось отношениям господства и подчинения между немцами и их союзниками. В условиях Карельского фронта подчеркивалось неравноправие финнов в коалиции с Германией [5], [6], [13]. На многочисленных примерах пропаганда старалась

показать, что финны были обижены поведением немцев, которые вели себя в Финляндии не как союзники и гости, а как полноправные хозяева.

Пропаганда единства народов СССР присутствовала как в героической, так и в обыденной ипостасях. Согласно специальной директиве ГЛАВ ПУ РККА [1], которую приняли к исполнению в частях Карельского фронта в октябре 1942 года, следовало максимально пропагандировать героические образы воинов нерусской национальности, включая тем самым интернациональную по сути установку в героический аспект пропаганды. По мере выполнения директивы в прессе активно использовались материалы, посвященные боевой деятельности воинов разных национальностей [10], [14], [24]. Пропаганда не уставала напоминать, что именно благодаря Октябрьской революции и строительству социализма народы СССР смогли жить в мире и согласии. В итоге образ красноармейца нельзя охарактеризовать как образ, формируемый на односторонних идейных основаниях. Он основывался, с одной стороны, на части дореволюционной традиции, очищенной от неприемлемых для новой власти черт, с непременным подчеркиванием во всех событиях роли народных масс. С другой

стороны, обращение к героическим моментам революционного движения, как русского, так и зарубежного, сохраняло определенные позиции в пропаганде. Кроме того, в таком многонациональном государстве, как СССР, образ защитника приобрел единые интернациональные черты и изначально был построен вокруг общих для всех национальностей ценностей, а потом был конкретизирован для каждой из них в отдельности.

Таким образом, образ бойца Карельского фронта и соотношение в нем героического и обыденного менялись в зависимости от положения дел на фронте. Наибольшее значение сфере обыденного придавали в период стабилизации фронта, а в периоды активных боевых действий на первый план выходила героическая компонента. Содержательная сторона образа была в своей героической части жестко привязана к событиям на фронте, а содержание обыденной части эти события почти не затрагивали. Идейная основа героической части образа отражала усиление национально-патриотической тенденции, но сохраняла черты классового подхода. Обыденная составляющая образа основывалась прежде всего на образцах, связанных с послереволюционной историей и классовым подходом.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 218. Л. 97.
2. Вайсбейн Ю. Бесстрашие комсомольцев Лагутина, Степанова, Дударева // Героический поход: красноармейская газета. 1941. 7 августа. С. 1.
3. Великие предки. Александр Невский // За счастье Родины: красноармейская газета. 1941. 2 октября. С. 2.
4. Великие предки. Минин и Пожарский // Героический поход: красноармейская газета. 1941. 4 декабря. С. 2.
5. Волевой командир // За Родину: красноармейская газета. 1941. 14 ноября. С. 2.
6. Голодная зима в Финляндии // На штурм: красноармейская газета. 1941. 28 декабря. С. 2.
7. Грищенко В. В часы затишья // Страж севера: красноармейская газета. 1942. 5 февраля. С. 2.
8. Деркачев Ф. Шила в мешке не утаишь // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 13 января. С. 2.
9. Деркачев Ф. Снайперская пара // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 16 сентября. С. 2.
10. Деркачев Ф. Так сражается с немцами Михаил Мурадян // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 18 сентября. С. 2.
11. За Родину: красноармейская газета. 1941. 22 ноября. С. 2.
12. Захаров Ф. Здесь живут бойцы // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 5 января. С. 1.
13. Клейнерман Ю. Финляндия глазами немца // Красноармейский удар: красноармейская газета. 1943. 16 октября. С. 2.
14. Константинов В. Коммунист казах Истлуев // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 12 октября. С. 2.
15. Ладов А. Отвага ездового Хаджиева // Героический поход: красноармейская газета. 1941. 3 августа. С. 2.
16. Лампферт В. В Ленинских землянках // Красноармейский удар: красноармейская газета. 1942. 23 октября. С. 2.
17. Множить счет истребленных оккупантов // На штурм: красноармейская газета. 1942. 14 марта. С. 1.
18. Парижская коммуна // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 18 марта. С. 2.
19. Рожанский И. Наш Пушкин // Героический поход: красноармейская газета. 1942. 12 февраля. С. 2.
20. Сибириков В. Будем драться лучше // За Родину: красноармейская газета. 1944. 11 июля. С. 2.
21. Сколько ты истребил фашистов? Боевое соревнование снайперов // Страж севера: красноармейская газета. 1942. 3 февраля. С. 2.
22. Смыслов В. Огнем и колесами // На разгром врага: красноармейская газета. 1944. 6 октября. С. 1.
23. Терещенко И. В. В лесном бою: из опыта пулеметчика // Красноармейский удар: красноармейская газета. 1944. 10 июня. С. 1.
24. Шапоренко М. Разведчик Галушко // Красный воин: красноармейская газета. 1942. 28 сентября. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

25. Сеницын Ф. Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года // Отечественная история. 2009. № 6. С. 40–53.
26. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
27. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ЕРШОВА

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационно-измерительных систем и физической электроники физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ershova@psu.karelia.ru

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НАЗАРОВ

доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общей физики физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nazarov@psu.karelia.ru

СИСТЕМА СЕТЕВОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНЦЕПЦИИ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Рассмотрены дополнительные принципы открытого образования. Определены структурные элементы системы сетевого обучения и проанализированы их функции в образовательном процессе. Показаны возможности сетевого обучения для реализации требований федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: система открытого образования, сетевое обучение, электронная информационно-образовательная среда

В образовательном поле Российской Федерации наряду со специализированными высшими учебными заведениями действуют классические вузы, осуществляющие подготовку по многим направлениям и профилям бакалавриата, магистратуры и иногда специалитета при разных формах обучения. Именно для таких вузов актуальна разработка системы сетевого обучения, в рамках которой в полной мере возможно выполнение требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) к результатам освоения основных образовательных программ (ООП). Это достигается главным образом за счет предоставления доступа к мировым источникам информации и уникальному оборудованию; формирования и поддержки индивидуальных образовательных траекторий на основе достижений инновационных технологий в педагогике и технике; обеспечения оперативного взаимодействия между всеми субъектами образовательного процесса.

К настоящему времени уже определены основные преимущества информационных технологий в системе открытого образования [8]:

- индивидуализация учебного процесса при сохранении его целостности и системности;
- обеспечение комплексного восприятия и активизации познавательной деятельности посредством использования мультимедийных технологий представления учебной и учебно-методической информации;
- реализация деятельностного подхода на всех этапах процесса обучения;
- организация системы оперативного управления информационно-методическим обеспечением образовательного процесса;

- формирование открытой образовательной среды;
- предоставление свободного доступа в сеть из любого учебного заведения, библиотеки, дома и других мест.

Эти преимущества дают возможность применить технологический подход к проектированию и реализации процесса обучения исходя из заданных установок: образовательных ориентиров, целей и содержания обучения, требований профессиональной подготовки, социального заказа. При этом, следуя принципу «обучение через всю жизнь», система открытого образования реализует возможность переподготовки и оперативного реагирования на изменения, происходящие на рынке труда.

Базовые принципы открытого образования на современном этапе дополняются новыми [3]. Так, *деятельностный принцип* отражает факт формирования профессиональных компетенций вокруг основных видов деятельности обучающегося посредством комплектования содержания учебных и оценочных материалов в открытой информационно-образовательной среде. *Принцип интерактивности* подразумевает осуществление оперативного регулярного взаимодействия субъектов образовательного процесса, в том числе с информационной образовательной средой. *Принципы индивидуализации и идентификации* проявляются в проведении оценки стартовых знаний обучающегося, результатах текущего, промежуточного и итогового контроля успешности освоения образовательной программы, выполнения самостоятельной работы и корректировки на основании вышеперечисленного собственной траектории обучения.

Принцип регламентности обучения выражается в обеспечении автоматизированного контроля и планирования учебного процесса и имеет два аспекта. Это собственно *регламентность процесса обучения*, для обеспечения которой в настоящее время широко используются многофункциональные автоматизированные системы управления вузом, предоставляющие доступ в рабочее пространство зарегистрированным пользователям из любой точки мира, и *регламентность результатов обучения*, заданная в ФГОС в виде перечня общекультурных и профессиональных компетенций выпускника. Реализации этого принципа в немалой степени способствует регулярное проведение самообследования вуза по согласованным критериям для оценки стратегии его развития. Как правило, достоверность такого обследования в немалой степени обусловлена хранением актуальной информации в базах данных высшего учебного заведения и оперативностью ее предоставления по соответствующим запросам.

Вышесказанное приводит к необходимости качественных изменений в концепции открытого образования и позволяет вести речь о формировании системы сетевого обучения.

Под *сетевым обучением* мы будем понимать комплексную реализацию учебного процесса, осуществляемую с использованием сетевых технологий на основе принципов открытого образования, балльно-рейтингового метода оценивания деятельности студентов, средств оперативного тестирования знаний, технологий реализации удаленного и распределенного экспериментов.

Любая система представляет собой совокупность элементов, объединенных в одно целое для достижения определенной цели. При этом под целью понимается множество результатов, определяемых назначением системы. Чтобы описать систему, необходимо определить ее функцию и структуру.

В соответствии с возможностями сетевого обучения к числу основных структурных элементов системы отнесены:

- субъекты образовательной деятельности, разделенные на определенных этапах обучения в пространстве и времени;
- электронная информационно-образовательная среда (ИОС) как основное средство обучения и организации образовательного процесса;
- сетевые технологии как средство сопровождения основных образовательных программ.

Рассмотрим указанные элементы в плане их функций. В системе сетевого обучения значительно изменяется роль преподавателя как субъекта образовательного процесса и появляются новые функции. Традиционно преподаватель выполняет две основные функции: источника готовых истин и контролера усвоения этих ис-

тин. Уже в системе открытого обучения он становится персональным учителем-консультантом, способствуя средствами предмета развитию личности учащегося, его профессиональному становлению. И как партнер-помощник он анализирует, разъясняет, способствует расширению самостоятельно приобретаемого учащимся опыта в разных видах деятельности. Кроме этого в системе сетевого обучения преподаватель существенно влияет на самостоятельную образовательную и познавательную деятельность учащихся, становится инициатором творческой деятельности, которая опирается на дополнительные возможности новых средств обучения, организатором распределенных во времени и пространстве дискуссий в предметной области. Поэтому важным является, во-первых, повышение педагогической компетентности самого преподавателя, выражающееся:

- в использовании в учебном процессе современных образовательных технологий, активных и интерактивных форм проведения занятий;
- в разработке конкретных форм и процедур текущего и промежуточного контроля знаний по своим дисциплинам;
- в составлении комплекса оценочных средств для проверки степени овладения общекультурными и профессиональными компетенциями.

Во-вторых, важно развитие преподавателя в профессиональной сфере.

Вследствие этого в современных условиях наукоемкого общества существенно возрастает роль научной работы преподавателя. Особенно значимым является вовлечение студентов в сложившийся творческий научный коллектив, где кроме профессиональных формируются и универсальные компетенции выпускников, такие как коммуникативные навыки, способность эффективно работать в команде, умение проводить обучение и консультирование, способность управлять проектами [2].

В модели сетевого обучения, в отличие от традиционной системы образования, наряду с преподавателем активными участниками, инициативно действующими субъектами учебного процесса становятся студенты. Весь образовательный процесс, главной целью которого является формирование личности, становится студентоцентрированным. «Именно учащийся служит источником информации об эффективности и качестве учебного процесса, его результатах в зависимости от стартовых условий обучения, выбранных методик и средств. Как субъект, он выступает полноправным участником формирования процесса обучения в его процессуальном и содержательном аспектах» [7].

Студент выполняет функции, присущие современному этапу развития образовательных технологий:

- выбирает цели учебной деятельности и пути для их достижения, мотивируя себя к учению;

- осознает личностный смысл и социальную значимость культурных ценностей;
- участвует во всех видах деятельности, практически применяя полученные знания, умения и навыки, формируя профессиональную компетентность;
- занимается исследовательской деятельностью, выполняемой в рамках совместных проектов;
- оценивает результаты обучения в зависимости от стартовых условий, выбранных методик и средств;
- формирует портфолио своих достижений.

Деятельностное обучение позволяет учащимся раскрыть их творческий потенциал, выявить и развить личностные качества, в полной мере сделать учащихся субъектами образовательного процесса, вовлекая их не только в процесс активного обучения, но и давая возможность ощутить причастность к информационной среде, в которой этот процесс происходит [9]. Активная жизненная позиция учащегося в образовательном процессе проявляется в его самостоятельной поисковой учебной деятельности, организации коллективно-диалоговой деятельности и т. д., в том числе в реализации возможности продолжения обучения в других вузах. Для высшего учебного заведения такой подход требует разработки программ по направлениям подготовки, организации обмена студентами, ставит задачу формирования умений работать в информационной среде (в частности в среде другого вуза) и навыков использования сетевых технологий.

Электронная ИОС вуза – это интегрированная среда цифровых образовательных ресурсов (электронные библиотеки, обучающие системы и программы), программно-технических и телекоммуникационных средств, правил ее поддержки, администрирования и использования, обеспечивающая едиными технологическими средствами информационную поддержку и организацию учебного процесса, научных исследований, профессиональное консультирование обучающихся в вузе [1]. Таким образом, ИОС – это многокомпонентная система, напрямую связанная с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ).

В системе открытого образования в полной мере раскрываются возможности, которыми обладают ИКТ в методическом, дидактическом и организационном аспектах, их функции приведены в работах [5], [7]. При сетевом обучении эти функции развиваются и приобретают новое наполнение. Так, любые электронные образовательные ресурсы становятся доступными благодаря использованию облачных технологий, не предъявляющих особых требований к техническим характеристикам компьютера пользователя. Оперативное распространение научной информации происходит через представление в сети Интернет электронных научных журналов,

публикаций сборников научных трудов и докладов конференций и т. д. Преподаватели и студенты могут объединяться в коллективы по подготовке современных по своему содержанию и формам представления учебных изданий, используя возможности оперативного обмена информацией, синхронного и асинхронного диалога. Занятие совместной образовательной деятельностью может быть разделено пространством и временем, но происходить в режиме онлайн. Создание сетевых курсов создает новую образовательную среду, с развитием которой увеличивается и степень вовлечения обучающихся в образовательный процесс. Расширяется набор специализированных технологий и средств контроля результатов обучения. Использование информационных и GSM-технологий позволяет создавать распределенные информационно-исследовательские системы с удаленным доступом, предназначенные для изучения сложных объектов и явлений с возможностью моделирования практически в любой области естественно-научного образования [4].

Отметим, что реализация большинства функций электронной информационно-образовательной среды непосредственно направлена на актуализацию профессиональной подготовки студентов, связанную с инновационным развитием. Кроме вышеперечисленного, открытая ИОС предоставляет широкой общественности доступ к основным образовательным программам вузов, создавая механизм обратной связи образования и общества, формируя внешнюю оценку образовательной действительности. Таким образом, в ИОС происходит объединение социальных и образовательных функций системы обучения.

Анализ значимых форм представления учебной информации в разных системах образования позволяет выделить дополнительные возможности интерактивного взаимодействия, предоставляемые учащимся сетевыми технологиями. Так, наряду с использованием электронных версий учебников, монографий, научных статей, материалов конференций и т. д. сетевые технологии обеспечивают:

- многообразие способов обмена текстовой, и/или мультимедийной информацией в синхронном режиме с использованием стандартных программных средств;
- участие в дискуссиях в специализированных чатах, вебинарах, что повышает профессиональную компетентность студентов;
- обсуждение проблем в асинхронном режиме: диалог и обмен учебной и научной информацией посредством электронной почты, спутникового Интернета или с помощью файлообменников. Эти инструменты позволяют вести прием и передачу больших по объему файлов с высокой скоростью в установленное время;
- функционирование виртуальных музеев, позволяющих увеличить количество имеющих

ся в распоряжении преподавателя наглядных пособий.

Электронный учебно-методический комплекс дисциплины, в котором используется интеграция звука, движения, образа и текста, в рамках сетевого образовательного модуля дополняется:

- интерактивными формами организации учебных занятий и самостоятельной работы студентов, например, в виртуальных аудиториях;
- средствами онлайн-контроля результатов обучения;
- возможностью ведения электронного журнала посещаемости с балльно-рейтинговой оценкой разных видов деятельности студентов, что в полной мере реализует требование ФГОС об «использовании в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий» [10].

Процесс обучения становится действительно открытым благодаря сочетанию различных форм

диалога с возможностью активного и пассивного обращения к сетевому образовательному модулю. Диалоговый характер обучения позволяет достичь высокой степени диагностичности уровня знаний, сформированности коммуникативной компетентности на базе динамического использования полученных умений и навыков, самомотивации к учению.

Таким образом, использование сетевых технологий в полной мере способно удовлетворить требования ФГОС к условиям реализации ООП. В целом же функциональные свойства элементов системы сетевого обучения позволяют охарактеризовать среду обучения как открытую информационную коммуникационную образовательную среду, которая не ограничивается рамками конкретного вуза [6], а может поднять образовательный процесс на уровень активного социального творчества, интегрируя в себе все ценное, что выработала мировая наука.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б р о с и м о в А. Г. Современные информационные технологии в организации самостоятельной и неаудиторной работы студентов вузов // Вестник РУДН. Сер. «Информатизация образования». 2004. № 1. С. 37–45.
2. Е р ш о в а Н. Ю., М о щ е в и к и н А. П., К и п р у ш к и н С. А. Формирование профессиональных компетенций специалистов в области информационных технологий // Высшее образование сегодня. 2012. № 3. С. 24–27.
3. И б р а г и м о в И. М. Критерий «знание под деятельность» и модель открытого образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2010/07/14/model_otkrytogo_obrazovaniya.html
4. К у р с к о в С. Ю., Е р ш о в а Н. Ю., Ж и г а н о в Е. Д. Дистанционное изучение систем программно-управляемой электроники на базе сервера доступа к оборудованию // Дистанционное и виртуальное обучение. 2011. № 9.
5. Н а з а р о в А. И. Информационные и коммуникационные технологии в системе открытого обучения физике в региональном вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005.
6. Н а з а р о в А. И., Х а н и н С. Д. Информационно-образовательная среда как средство повышения эффективности обучения физике в вузе // Физическое образование в вузах. 2003. Т. 9. № 4. С. 14–29.
7. Н а з а р о в А. И., Х а н и н С. Д. Модель системы открытого обучения физике // Открытое образование. 2005. № 6 (53). С. 33–45.
8. Образование и XXI век: Информационные и коммуникационные технологии / Под ред. А. Н. Тихонова. М.: Наука, 1999. 191 с.
9. С а в е л ь е в а К. М., С а в е л ь е в М. А. Принципы формирования образного мышления // Проблемы эффективности и безопасности функционирования сложных технических и информационных систем: Материалы Всероссийской науч.-техн. конф. Серпухов, 2012. С. 92–96.
10. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по специальностям и направлениям обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petsu.karelia.ru/Abit/doc_FGOS/index.html/

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ИГНАТОВИЧ
кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории непрерывного образования, заместитель
директора Института непрерывного образования, Петро-
заводский государственный университет (Петрозаводск,
Российская Федерация)
ignatovich@sampo.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КЛАСТЕРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Анализируются перспективные направления развития кластера ДПО в контексте комплексной системной целенаправленной государственной политики. Предложены три вероятностных сценария развития традиционной системы ДПО в ближайшие пятнадцать лет.

Ключевые слова: кластер дополнительного профессионального образования; государственная политика, маршруты и сценарии развития

Всероссийский кластер дополнительного профессионального образования (ДПО) – один из динамично развивающихся секторов отечественной системы образования – в последние десять лет часто выступает объектом социологических, психологических, экономических исследований. Вместе с тем практически отсутствуют системные научные социально-педагогические исследования в области современного дополнительного профессионального образования, связанные с прогнозированием трендов развития кластера ДПО в контексте современной социально-экономической ситуации, международной, государственной политики, реальной ситуации, складывающейся в организациях, реализующих программы ДПО.

В 2010–2012 годах Образовательно-инновационным центром факультета повышения квалификации Петрозаводского государственного университета проводилось исследование перспективных тенденций развития системы ДПО в России, основные результаты которого представлены в данной статье. В качестве основных инструментов исследования выбрана система методов: анализ теоретического и эмпирического материала, включая документы, отражающие приоритеты государственной политики, анализ противоречий, системный анализ результатов наблюдения, изучения массового опыта, сравнения, сопоставления структурных элементов кластера, этапов их развития, содержания и ресурсного обеспечения, в том числе в контексте развития системы основного профессионального образования, и др. Мы исходили из того, что стратегическое прогнозирование – это научно обоснованная деятельность, направленная на исследование возможных преобразований, тенденций развития и перспектив субъектов и объектов педагогической деятельности. Прогноз представляет собой вероятностную оценку будущих результатов и путей развития системы ДПО, а так-

же ресурсов и организационных мероприятий, необходимых для его осуществления [3; 51].

Опираясь на определение кластера (от англ. cluster) как группы объектов с общими признаками, объединенных в систему, в рамках данного исследования под «кластером ДПО» понимается сегмент социально-образовательной среды Российской Федерации, объединяющий государственные и частные образовательные учреждения и организации, реализующие дополнительные профессиональные образовательные программы (традиционный сектор ДПО); предприятия и организации, реализующие внутрифирменные программы профессионального развития (повышения квалификации) кадров (корпоративный сектор ДПО).

Анализ показал, что в последние два года произошла существенная перестройка внутри кластера ДПО, изменяется качество, внутренний и внешний характер взаимосвязей его компонентов. Как показывают результаты исследования, происходящие изменения обусловлены перераспределением внутренних и внешних связей между четырьмя группами субъектов, влияющих на развитие кластера: 1) государством в лице органов государственного управления образованием (федеральный, региональный, муниципальный уровни); 2) структурами ДПО, реализующими программы ДПО (разработчики программ, исполнители); 3) образовательными учреждениями, направляющими кадры на программы ДПО (работодатели, заказчики программ); 4) потенциальными и включенными в систему ДПО слушателями. Происходящие изменения обусловлены в большей степени внешними факторами, к которым следует отнести ориентацию России на развитие инновационной экономики; выстраивание системы непрерывного образования как социально-экономический принцип; международные контексты, государственную политику в области образования, изменяющую-

ся нормативно-правовую базу; развитие технологий и скорость их внедрения в систему ДПО.

Внутренние факторы связаны с комплексом назревших внутри кластера потребностей, вызванных комплексом противоречий: в развитии методологии и технологии ДПО, андрагогики как методологической, технологической и практической основы для обновленной системы ДПО; ресурсным обеспечением кластера кадрами, инновационной инфраструктурой, актуальным содержанием программ, современной учебно-методической документацией; в формировании нового социального капитала. Большое влияние оказывают изменения, связанные с развитием основного профессионального образования: введение уровневой системы, кредитно-модульной, балльно-рейтинговой технологий и др.

В рамках данной статьи остановимся на анализе перспективных изменений в отечественном кластере ДПО, связанных с реализацией государственной политики. Важное место в развитии кластера ДПО играет системная комплексная сбалансированная государственная политика в области ДПО. Ориентир России на систему непрерывного образования изменил роль и функции программ ДПО в отечественной системе образования. С одной стороны, вслед за широкой международной практикой государство сделало акцент на развитии ДПО как важного компонента системы непрерывного образования. В межведомственной целевой программе 1997 года указано, что инвестиции в систему ДПО позволят «России войти в XXI век одной из самых образованных и профессионально подготовленных стран» [4]. С другой стороны, в Болонском процессе (2003 год) ДПО отнесено не к обязательным, а лишь дополнительным параметрам, что определяет и то место, которое программы ДПО занимают в общей системе образования с позиций государственного финансирования и ресурсного обеспечения, и степень государственного участия в контроле и развитии этого сектора.

Анализ стратегических документов [2], [4], [5] позволяет сделать вывод о том, что формирование концепции и реализация стратегий в развитии кластера ДПО шли и продолжают идти по модели концентров – выделенные в межведомственной целевой программе 1997 года [4] основные направления и стратегии государственной политики в области ДПО на протяжении последних 15 лет получили новое смысловое наполнение, технологическое решение и развитие в документах последующих лет [2], [5]. Сравнительный анализ указанных документов позволяет выделить ряд универсальных тенденций в развитии кластера ДПО с участием государства, которые заявлялись в том или ином виде во всех анализируемых концептуальных или программных документах начиная с 1997 года, но не внедрены в систему ДПО в полной мере и по этой

причине, вероятнее всего, будут актуальными в следующие 10–15 лет:

- создание и развитие институтов изучения спроса на дополнительные образовательные услуги в регионах и в целом по стране для развития эффективной системы формирования государственного, индивидуального и бизнес-заказа на программы ДПО;
- совершенствование нормативно-правовой базы в области ДПО до уровня, обеспечивающего режим наибольшего благоприятствования в деятельности образовательных учреждений этой сферы различной подчиненности, формы собственности и ориентации [4];
- снижение степени участия государства в контроле качества содержания дополнительных образовательных программ, создание условий для повышения степени участия работодателей в формировании заказа на программы, оценке их результативности;
- создание гибкой, устойчивой системы профессионального развития кадров для ДПО;
- создание и развитие форм профессионального консультирования и профориентации специалистов на всех этапах их профессиональной карьеры;
- развитие андрагогики и инновационных образовательных практик в кластере ДПО;
- развитие широкого международного сотрудничества по всем направлениям ДПО.

Начиная с 2005 года государство не реализует целевых программ в области развития ДПО. Часть системных изменений в кластере ДПО запланирована в «Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» (раздел «Развитие образования», 2008 год), в проекте Государственной программы «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009–2012 годы» (2008 год), в проекте «Концепции непрерывного образования» (2011 год). Концептуально в указанных документах система ДПО противопоставляется базовому (основному) и рассматривается как важнейший элемент в развитии непрерывного образования [6]. В этой связи наблюдается две тенденции. С одной стороны, система ДПО начинает приобретать уникальные характеристики, связанные с внедрением новых механизмов, технологий, актуальных на данном этапе именно в этом кластере: поддержка организаций, предлагающих качественные программы непрерывного образования; внедрение сертификации квалификаций на основе квалификационных рамок; система бюджетных финансовых сертификатов на услуги дополнительного образования, когда каждый специалист может самостоятельно, имея соответствующий сертификат, выбрать необходимую для него бюджетную услугу и др. [6].

С другой стороны, система ДПО должна выстраиваться по модели открытого непрерывного

образования с учетом основных принципов и характеристик: образование как ядро профессиональной карьеры; возможность выбора маршрута (пути) профессионального развития; кредитно-модульные, балльно-рейтинговые технологии; компетентностный подход; возможности влиять на содержание, технологии, все элементы образования через полноценную обратную связь; электронные образовательные ресурсы как одно из продуктивных средств обучения в сети; новая сеть образовательных учреждений; сетевые программы; нормативно-подушевое финансирование; финансовый механизм «деньги в обмен на обязательства»; общественно-профессиональная аккредитация и аттестация и др. [6].

Указанные характеристики определяют образ системы ДПО на ближайшие годы, позволяют спрогнозировать основные уникальные направления ее развития:

- развитие вариативных образовательных моделей внутри кластера ДПО, направленных на обеспечение выбора маршрутов профессионального развития кадров;
- повышение качества программ ДПО, в том числе за счет реализации новых образовательных технологий;
- развитие электронных и дистанционных форм ДПО;
- развитие устойчивых механизмов обратной связи внутри кластера;
- участие специалистов ДПО в разработке профессиональных стандартов, квалификационных рамок и др.;
- расширение спектра услуг и функций ДПО (в том числе сертификация, аттестация и др.), направлений программ ДПО, качества программ;
- персонифицированные механизмы финансирования повышения квалификации кадров;
- модель сетевого взаимодействия реализации программ ДПО в регионах; привлечение инновационных кадров к разработке и реализации программ и др.

Часть приведенных характеристик внедряется в систему ДПО бессистемно, в основном под влиянием базового профессионального образования и серьезно зависит от него. Таким образом, развитие основного (базового) профессионального образования как системная государственная задача является вторым условием, определяющим тенденции и перспективы развития российского кластера ДПО в части технологий дополнительного профессионального образования, структуры дополнительных образовательных программ, механизмов управления качеством, финансовых механизмов и др.

Данные тенденции зафиксированы несмотря на тот факт, что на уровне государственной политики наблюдается тенденция дальнейшей дифференциации платформы основного и дополнительного образования, нормативно закреп-

ляемая в проекте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [7].

В соответствии с четвертой версией проекта закона, дополнительное образование детей и взрослых и ДПО (глава 10, статьи 79, 80), профессиональное обучение (глава 9, статьи 75–78) вынесены за рамки образовательных цензов и рассматриваются как потенциальные маршруты продолжения каждого из уровней образования без повышения образовательного уровня обучающегося. В интегрированном законе статьи о дополнительном образовании детей и взрослых и ДПО объединены в одну главу, что отражает государственный подход к пониманию сущности дополнительного образования по отношению к базовому (основному), механизмам разработки и реализации программ, управлению кластерами.

В проекте закона вводится возможность освоения программы ДПО в форме самообразования и др. Этот маршрут развития программ ДПО является перспективным и согласуется со всеми общемировыми тенденциями в контексте формального, неформального и информального образования. Кластеру ДПО предстоит в ближайшее время разработать модели учета форм самообразования в системе ДПО, наработать опыт в этой области. Решение данной задачи сближает программы дополнительного и основного профессионального образования. Именно поэтому внедрение технологий и инструментов проектирования и реализации основных образовательных программ можно рассматривать как перспективную тенденцию развития кластера. Речь идет о компетентностном подходе, кредитно-модульных, балльно-рейтинговых технологиях, позволяющих выходить на персонифицированную накопительную систему профессионального развития. Можно предположить, что современные программы ДПО с использованием указанных подходов и технологий раньше других будут реализовываться на базе вузов, накапливающих положительный инновационный опыт реализации основных образовательных программ в условиях Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), Федеральных государственных требований (ФГТ). Это связано с тем, что в системе ДПО уже есть опыт реализации модульных образовательных программ, но он не всегда укладывается в модели, предлагаемые современными ФГОС. Для развития преемственности программ в системе непрерывного образования важно выработать общие подходы как для базового, так и дополнительного образования, которые позволят более эффективно использовать ресурсы интеграции кластеров.

Важным определяющим условием для развития системы ДПО является введение уровневой системы профессиональной подготовки в высшей школе. Возможность продолжения обучения в системе ДПО – один из альтернативных

маршрутов непрерывного профессионального образования выпускников бакалавриата. Профили основных образовательных программ вуза на основе ФГОС – потенциальные направления ДПО для выпускников бакалавриата, специалитета и, в некоторых случаях, магистратуры. Многоуровневая модель высшего образования – это широкое поле потенциальных программ ДПО, которое еще только начинает формироваться и наполняться с содержательной, кадровой и технологической точек зрения. В идеале в каждом регионе должно появиться достаточное количество разноаспектных программ ДПО, которые будут решать задачи подготовки кадров для социальной и экономической сфер, то есть выполнять ту миссию, с которой изначально связывались целевые характеристики кластера ДПО [2], [4], [5]. В этой связи в вузовской среде происходит переосмысление самого понятия «дополнительная профессиональная образовательная программа», ее роли в выстраивании региональных образовательных систем непрерывного образования, создаются естественные предпосылки для привлечения новых высококвалифицированных кадров, высвобождающихся в связи с переходом на уровневую систему и готовых к разработке и реализации ДПО. При таком инновационном векторе развития, когда система ДПО выступает инновационной и экспериментальной площадкой профессионального развития кадров по актуальным и востребованным направлениям, еще не нашедшим отражения в основных образовательных программах, интеграция основного и дополнительного профессионального образования крайне благоприятно скажется на развитии обоих кластеров и экономики в целом.

Третьим условием эффективного комплексного системного развития кластера ДПО выступает активное участие работодателя в качестве заказчика программ, участника разработки и реализации программ, эксперта качества процесса и результатов. Слабое участие работодателя в системе ДПО в последние 20 лет привело к параллельному существованию в практике российского образования двух систем ДПО – внутрифирменного (корпоративного) обучения на базе крупных предприятий и коммерческих организаций по модели зарубежных и традиционной системы ДПО на базе государственных и негосударственных учреждений.

Развитие внутрифирменного обучения – результат внедрения на российских предприятиях технологий управления человеческими ресурсами (Human Resources Management, HR-менеджмент, HR-технологии), что, с одной стороны, связано с адаптацией в отечественном бизнесе эффективного международного опыта, а с другой – с отсутствием продуктивного диалога между бизнесом и образованием. Невозможность использования ресурсов аутсорсинга, связан-

ных с организацией профессионального обучения на базе вузов и образовательных организаций ДПО, привели к необходимости создания учебных центров и служб на базе предприятий, обращение в зарубежные коммерческие тренинговые, образовательные центры и др. В системе корпоративного обучения накоплен уникальный отечественный и интегрирован зарубежный опыт профессионального развития кадров, в том числе формального, неформального и информального образования, который может быть использован в развивающемся кластере ДПО. Одна из современных тенденций – освоение образовательными организациями, в том числе вузами и школами, технологий внутрифирменного обучения, HR-технологий работы с персоналом, что положительным образом скажется на развитии традиционной системы ДПО.

Необходимость активизации участия работодателя в традиционной системе ДПО связана с тремя ключевыми взаимосвязанными позициями: 1) формированием заказа на программы; 2) предоставлением ресурсов (кадровых, материально-технических, стажировочных и др.); 3) экспертизой качества процесса и результатов. С внесением поправок в действующий Закон «Об образовании» (1992 г.), связанных с отменой процедуры аккредитации дополнительных образовательных программ, на которые отсутствуют ФГТ, с ноября 2010 года структуры ДПО фактически лишились государственного признания качества реализованных и реализуемых программ, в том числе возможности выдавать документы государственного образца. Внесенные изменения повышают роль и степень ответственности как структур ДПО, так и заказчиков программ, тем самым происходит перераспределение позиций субъектов влияния на развитие кластера: государства, структур ДПО, слушателей и работодателей. Эти изменения требуют новых механизмов и инструментов взаимодействия внутри кластера, включения работодателя во все этапы проектирования, реализации и оценки результатов дополнительных образовательных программ. Пути решения этой задачи должны быть найдены уже сегодня – в противном случае в ближайшие 10 лет будет по-прежнему активно развиваться альтернативная система корпоративного обучения, а традиционная система ДПО будет обслуживать лишь государственный заказ, в котором государство выступает посредником между структурами ДПО и бизнесом. Этот сценарий для каждой отрасли будет индивидуальным, так как в целом ряде секторов экономики активность работодателей в системе ДПО растет.

Подводя итоги вышесказанному, предложим три вероятностных сценария развития кластера ДПО в ближайшие 15 лет.

Сценарий развития по традиционной модели. Традиционная компонента, вокруг которой

встраивается современная система ДПО, – 72-часовые курсы повышения квалификации, которые по-прежнему остаются нормативной основой организации деятельности кластера. Если планируемые изменения будут строиться вокруг этой «меры системы ДПО», то в ближайшие 10 лет принципиального преобразования кластера не произойдет. Параллельно с системой ДПО будет активно развиваться система корпоративного обучения, конкурентоспособность которой будет расти. Возможно, центры корпоративного обучения со временем начнут расширять направления и перечень образовательных, консультационных и профориентационных услуг, выходя на новую аудиторию и вытесняя традиционные программы ДПО. Традиционный сценарий также связан с разработкой ФГТ к программам профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки и возвращением к процедуре государственной аккредитации программ ДПО, что существенно сократит количество возможных программ и снизит конкурентоспособность традиционной системы, снизит роль и степень участия работодателя. Отметим, что несмотря на пессимистические прогнозы, этот путь развития системы ДПО поддерживается большей частью профессионального сообщества.

Сценарий естественных преобразований связан с выделением общественно-государственных ориентиров развития системы ДПО и продвиже-

нием к ним в том темпе, который выберет сама система в естественных социально-экономических, организационно-управленческих, психолого-педагогических условиях. В сущности, по этому сценарию кластер ДПО развивается с 1997 года, когда декларируемые цели и векторы развития не получают должного ресурсного обеспечения. Этот сценарий будет работать, если будет совершенствоваться нормативно-правовая база; созданы условия для развития и привлечения кадров в систему ДПО; сформированы устойчивые модели формирования общественно-профессионального заказа на дополнительные образовательные программы; развиваться теория и методика ДПО и др.

Инновационный сценарий связан с реализацией всех запланированных изменений на уровне государственной политики и должен изменить качество участия в развитии кластера ДПО всех основных субъектов влияния, включая государство, работодателей, потенциальных слушателей, организации и структуры ДПО. Это наиболее сложный путь, так как в системе ДПО недостаточно ресурсов для быстрой перестройки под реальный социально-экономический запрос, поэтому запланированные инновационные изменения [1], [2], [4], [5], [6], [7], [8] будут достигнуты только при условии реализации комплексной программы мероприятий и интеграции ресурсов всех основных субъектов влияния.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Д а в ы д е н к о Т. М. О проекте концепции непрерывного образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/8282/11.02.22-neper-da>
2. Концепция развития дополнительного профессионального образования в Российской Федерации на 2000–2005 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.snfpo.ru/help/articles/concept.htm>
3. К р а в ц о в С. С., М а р е е в В. И., К а р п о в а Н. К. Стратегическое прогнозирование устойчивого развития образования: методологический аспект // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2012» Вып. 1. Т. 15. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012 С. 51–61.
4. Межведомственная целевая программа «Развитие системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов в России на 1997–2000 гг.». Приказ Минобразования РФ от 29.09.1997 № 1961 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ug-akty/y6v.htm>
5. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 15.12.2002 № 39-52-85ин/39-20 «О программе развития дополнительного профессионального образования в Российской Федерации на 2002–2005 гг. и перечне мероприятий по ее реализации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/157551>
6. Проект Государственной программы «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009–2012 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <data/590/394/1235/program.doc>
7. Проект Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2474>
8. Проект закона «Об образовании в Российской Федерации», версия 3.0.4 от 27.03.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2058>

НАТАЛИЯ КОНСТАНТИНОВНА ДМИТРИЕВА
старший преподаватель кафедры иностранных языков
технических факультетов, Петрозаводский государствен-
ный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nataliadmitrie@yandex.ru

ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN PROCESS OF PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING*

The article is concerned with the problem of academic mobility understood as an integral personal quality. Establishment and concurrent development of academic mobility in students in the process of professionally oriented foreign language learning and acquisition is considered. Pedagogical environment facilitative in the enhancement of the targeted integral entity is identified and substantiated. A five-step model of the modified educational technology pursuing realization of the three-tiered goal inclusive of academic mobility development is described.

Key words: Academic mobility, targeted integral entity, professionally oriented foreign language, pedagogical environment, educational technology

The latest reforms in the area of higher professional education, induced by the globalizing economy and subsequent demand for highly qualified specialists, have created special opportunities for academically mobile individuals aspiring to meet the challenges of dynamically changing social and professional environment.

Academic mobility has turned into a unique instrument facilitative in the enhancement of the European Higher Education Area [1], [7]. Purposeful promotion of academic mobility by the Ministers of European higher education and Rectors of European universities contributed greatly to its victorious penetration into the area of pedagogical research.

In the frames of the Bologna Process, academic mobility is understood as a free and equitable access to educational institutions, equitable approach in assessment of skills, knowledge and competencies, and equal employment rights [8]. Realizing the value and constructive power of academic mobility, the Counsel of Europe has elaborated a set of mechanisms called to promote and advance academic mobility among students and staff residing on the territory of the countries-signatories of the Bologna Process. One of the mechanisms called to support academic mobility, Common European Framework of Reference, which is instrumental in the assessment of language competency and widely used to describe achievements of foreign language learners, gives us a substantial reason to ascertain that every academically mobile individual is required to have a good command of one or more foreign languages. High foreign language competency, on the one hand, assists academically mobile students in becoming beneficiaries of the emerging opportunities provided by the open society and, on the other hand, helps in satisfying their personal and professional needs.

In light of the latest educational research, foreign language communicative competency is understood as a personal trait intrinsic to the academically mo-

bile individual. Which in turn brings us to a conclusion that academic mobility can be viewed both as a social phenomenon (ability to move freely across borders) and as a personal quality (ability and readiness to function in new cultural, social, academic, and professional environment). Such approach is shared by a number of scholars [5], [6] closely involved with the research pertaining the problems and challenges arising from new educational practices.

We in our research define academic mobility as an integral personal quality, characterized by its dynamic nature, driven to assist an individual in the process of adaptation and integration into the altering and versatile environment for the purpose of personal growth and subsequent transformation of both an individual himself and a society he lives in. Academic mobility is a prerequisite for key and professional competencies development [4].

The level of foreign language proficiency sufficient for communication and interaction in social and professional environment with students and professorial staff of foreign universities is a targeted learning outcome of foreign language teaching provided by the university. A required mastery can be achieved in the process of language acquisition. Foreign language teaching aimed at language proficiency development is instrumental in the establishment and enhancement of targeted personal qualities [3]. Therefore, targeted development of academic mobility, as a personal integral quality, can be achieved in the process of language acquisition.

According to our research, academic mobility, as an integral personal quality, can be represented by a dynamic structure, consisting of the four interrelated components. The approach to view academic mobility as a dynamic structure is based on the personality development theory of the Russian researcher and psychologist K. K. Platonov. Every component of academic mobility has its own indicator:

- value-based component: motivation of affiliation and motivation of success;
- cognitive component: cultural knowledge, knowledge of grammar, phonetics, and vocabulary inclusive of professional terminology; ability and readiness to employ obtained language knowledge and developed language skills;
- task-based component: independent study skills and team-work skills based on tolerance;
- reflexive component: skills of critical thinking assistive in self-assessment process and evaluation of incoming information.

All components of academic mobility are interrelated and, therefore, interdependent. Enhancement of one of them is correlated with the progress of the others and vice versa. It has already been stated that all character traits develop in the process of active engagement. A driving force of any activity is motivation, which is understood as needs, desires, or drives within individuals. It is a process of stimulating people to actions to accomplish the goals. People are social beings and a need for socialization, communication is inherent to them, because verbal and nonverbal interactions are learning styles helping individuals to realize who they are and understand their life goals.

To overcome language barriers an individual needs to be motivated to achieve positive outcomes. On the other hand, determination to become successful encourages communication aimed at getting new information and new experience. An academically mobile person is driven to promote himself socially and professionally. To gain valued outcomes he has to be motivated for both affiliation and achievement. Interaction (affiliation) is a process involving one or several people. Successful cooperation is based on the ability to work in teams and demonstrate respect, tolerance, and mutual support. On the other hand, personal growth and ability to make intellectual investments requires well-developed self-study skills and independent thinking skills. Assessment of the achieved outcome, given by the educator or peers, is very important for every studying individual, though true enhancement and progress of the individual character traits occurs in cases when critical assessment of personal progress is provided by the individual himself. Analysis of the performance, achievements, and failures helps students to learn better planning and avoid the same mistakes in the future, which in turns enhances their motivation for achievement and success, makes them more open for communication and learning.

It is necessary to stress that separate components making up academic mobility receive due attention from both students and instructors at different classes and courses provided by the university curriculum and, therefore, become subjects of development and improvement. However, establishment and enhancement of academic mobility as a targeted integral entity, inclusive of foreign language competency, can

be achieved during the course of professionally-oriented foreign language teaching.

The process of professionally oriented foreign language teaching is understood as a process of organized orientation of the goals, curriculum content, forms, and methods of teaching toward expectations of the future profession, as well as at purposeful development of professional skills and enhancement of personal qualities required performing social and professional tasks effectively.

Achievement of the defined objective is feasible in case necessary learning environment is provided. Having analyzed the essence and characteristic features of academic mobility it seems reasonable to suggest that the following requirements should be observed in the process of language teaching aimed at academic mobility development:

1. Integration of student-centered and competence based approach – creates learning environment instrumental in personal growth and independent study skills development (I. S. Yakimanskaya, I. A. Zimnyaya, I. L. Bim, V. I. Baidenko and others).

2. Context-based teaching – models professional situations (A. A. Verbitskiy, O. G. Larionova and others).

3. Advanced and differential methods of teaching – advances new concepts, helps to differentiate content depending on individual skills and interests (L. S. Vigotskiy, S. N. Lisenkova, I. S. Yakimanskaya and others).

4. Interactive methods of teaching – involves into independent and creative activities (N. D. Galskova, N. I. Gez, V. V. Kraevskiy, A. V. Khutorskoy and others).

Development of particular individual qualities is perceived as a development of the individual as a whole, as a change in his dynamic structure and content under the influence of internal and external factors. All character traits and individual qualities develop in the process of active engagement or task-oriented activity. The process of language learning and acquisition aimed at foreign language competency development is characterized by active involvement of language learners into learning activities.

One of the tools greatly contributing to the establishment of cooperative and dynamic learning environment characterized by active involvement of language learners are pedagogical (educational) technologies.

A purpose driven, goal oriented, based on scholarly approach, pedagogically managed, diagnosed at different stages process of active interaction directed at the achievement of pedagogically-substantiated objectives is understood as a pedagogical technology [2]. The basic value of pedagogical technology is founded on the fact that it guarantees achievement of the targeted objective in case certain steps in the process of active engagement are observed.

Considering that, we elaborated a modified pedagogical technology grounded on the principles of project teaching. The modified technology is aimed at realizing three goals:

- enhance foreign language competency development;
- utilize the above mentioned conditions of the learning environment as a single set;
- develop academic mobility as a personal integral quality.

The proposed modified technology based on project teaching principles (purposefulness, problem solving, personal interest, independence, teamwork, active involvement, productivity) consists of five steps.

1. Value-based step – provides establishment of internal motivation directed at academic mobility development and positive motivation for mutual cooperation and project-based team work;

2. Orientation step – provides students with a model of project based team work aimed at academic mobility development;

3. Affirmative step – implies organization of the joint project-based cooperation and team-work directed at the understanding and acceptance of the “image of the future product”;

4. Presentation step – implies public demonstration of the mutual product, discussion of the problem, defense of the position;

5. Critical assessment step – stimulates critical assessment of personal achievements, learning outcome, and progress.

Pedagogical technology modified for the purpose of academic mobility development is realized by means of different interactive methods of teaching. For example, during the first stage of technology re-

alization, a method “alphabet” is employed to help students define the category of “academic mobility”. A method of “brain storm” is used to identify the most problematic issues that interest language learners and discuss possible ways of solving problems. A role-play method is utilized in the course of presentation and assessment

Employment of interactive methods in the process of project based teamwork helps to engage students into purpose-driven activities aimed at solving professionally oriented problems; to actualize obtained knowledge and skills; to reveal knowledge gaps and find ways of problem solving; to overcome language barriers and, therefore, promote linguistic performance; to set cooperative environment and by this promote enhancement of motivation of success and affiliation [9]. Teamwork oriented at solving professionally oriented problems facilitates in the development of tolerance and acceptance in case opposing opinions arise. A right to choose the topic and participation in problem solving projects promotes independent study skills and increases personal responsibility for the results of the project. Critical assessment carried out by peer students and by a participant of the project himself is conducive to the development of critical thinking skills, which in turn helps to reveal failures and identify achievements and progress, to avoid the same mistakes in the future.

In conclusion, we would like to stress that establishment and enhancement of academic mobility as a personal integral entity can be achieved in the process of professionally oriented foreign language learning and acquisition in a purposefully organized educational environment which is realized by means of a modified educational technology.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

REFERENCES

1. Байденко В. И. Болонский процесс: курс лекций. М.: Логос, 2004. 208 с.
2. Бабакова Т. А. Образовательные технологии в высшем образовании. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 174 с.
3. Борзова Е. В. Иноязычное личностно ориентированное образование в старших классах средней школы. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2009. 172 с.
4. Дмитриева Н. К. Содержание и компоненты академической мобильности как интегративного личностного качества // Нижегородское образование. 2011. № 3. С. 76–82.
5. Гладкая О. А. Профессиональная мобильность как ведущая характеристика современного учителя // Вопросы педагогического образования. Иркутск: ИПКРО, 2002. № 13. С. 44–55.
6. Горюнова Л. В. Составляющие профессиональной мобильности // Естественные и гуманитарные науки. 2005. Т. 2. № 5. С. 8–11.
7. Vaidenko V. I. The Bologna Process: Structural Reform of Higher Education in Europe. Moscow: Research Centre of Quality of Professional Training. Russian New University, 2002. 126 p.
8. Varblan A. Academic Co-operation and Mobility in Europe: How It Was and How It Should Be // Journal of the European Higher Education Area. 2002. № 1, 2.
9. Richard-Amato P. A. Making it happen. From interactive to participatory language teaching. Third edition. N. Y.: Pearson Education, 2003. 562 p.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПИТУХИНА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

*pitukhina@petsu.ru***ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА СЕРОВА**

кандидат технических наук, начальник отдела баз данных и программирования Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

larisa@petsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРА ДАННЫХ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ ВЫПУСКНИКОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ*

Анализируется система сбора данных по трудоустройству выпускников в странах Северной Европы. В основу анализа были положены данные статотчетности Департамента ООН по статистике, Бюро европейского сообщества, Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, статистические данные профсоюзов, которые были рассмотрены с качественной и количественной сторон. Это позволило выявить сходства и различия стран по показателям трудоустройства в свете таких факторов, как педагогический и институциональный. Результаты анализа легли в основу разработки рекомендаций для Минобрнауки России с целью совершенствования рынка труда посредством системы образования.

Ключевые слова: трудоустройство выпускников, мониторинг, статистическая отчетность, разработка рекомендаций

У стран Северной Европы много общего: геополитическое положение, многовековая история, эффективное функционирование политических (демократических) и экономических институтов, нордический менталитет их жителей. Данные факторы в своей совокупности способствовали тому, что регион Северной Европы на сегодняшний день является активным актором в международных отношениях, характеризующимся устойчивым развитием, отсутствием военных конфликтов, широким перечнем свобод, соблюдением прав человека, сотрудничеством в самых разнообразных сферах, в том числе в институциональной. Так, ежегодно статслужбы Швеции, Норвегии, Дании выпускают совместный сборник статистической информации по странам Северной Европы – *The Nordic Statistical Yearbook* [3]. Такое тесное сотрудничество обусловлено очень схожей политической системой, в рамках которой все вышеперечисленные институты активно развивают взаимодействие с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Департаментом ООН по статистике, Бюро европейского сообщества, Международной организацией труда.

В данной работе акцент сделан на сравнительном анализе опыта межведомственного взаимодействия по сбору данных трудоустройства выпускников в странах Северной Европы. Исследование проводится по качественным параметрам – педагогическому и институциональному, включающим также количественные

индикаторы, и основывается на документах, определяющих методологию исследования:

- Доклады ОЭСР «Взгляд на образование: показатели ОЭСР» за 2010 и 2011 годы. Доклад за 2011 год стал доступен 13 сентября 2011 года на официальном сайте ОЭСР [26],
- Статистические данные Департамента ООН по статистике [26],
- Статистические данные Бюро европейского сообщества [16],
- Данные национальных статистических бюро, органов исполнительной власти, профсоюзов, крупных институтов, занимающихся сбором и анализом статистической информации в Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции.

В условиях глобализации все большее значение приобретает деятельность ОЭСР как крупного международного центра по сбору и обработке статистической информации. ОЭСР в соответствии со ст. 1 Конвенции об образовании ОЭСР 1960 года стремится к достижению таких целей, как «высокий и устойчивый экономический рост и повышение жизненного уровня стран-членов, а также не входящих в ОЭСР стран, идущих по пути экономического развития» [4]. Членами ОЭСР на сегодняшний день являются 32 страны, включая Данию, Норвегию, Швецию, которые подписали Конвенцию об образовании ОЭСР 14 декабря 1960 года в Париже. Позже, 28 января 1969 года, к организации присоединилась Финляндия. ОЭСР подготавливает ежегодные отчеты, с помощью которых возможно сравнить состояние национальных образовательных систем

с результатами, достигнутыми в других странах. Отчет содержит большой массив сопоставимых и актуальных показателей образования и представляет собой консенсус профессиональных позиций в том, как измерить текущее состояние образования в международном масштабе. Представленные в отчете индикаторы показывают, какие акторы участвуют в образовании, сколько на это расходуется средств и как системы образования работают. Они также демонстрируют широкий спектр образовательных результатов, сопоставляя, например, достижения учащихся в ключевых областях и влияние образования на заработок и шансы успешного трудоустройства. Эти данные собираются персоналом ОЭСР, затем анализируются, и на этой основе принимаются решения и вырабатываются рекомендации.

Доклады ОЭСР «Взгляд на образование: показатели ОЭСР» за 2010 и 2011 годы имеют схожую структуру и предоставляют данные по целому ряду вопросов в области образования. Доклад состоит из 4 частей (А, В, С, D): Индикаторы А – «Результативность образовательных институтов и влияние образования»; Индикаторы В – «Финансовые и кадровые ресурсы, инвестируемые в образование»; Индикаторы С – «Доступ к образованию, участию, прогрессу»; Индикаторы D – «Образовательная среда и школы». Эти индикаторы освещают занятость и трудоустройство, корреляцию спроса и предложения, зависимость трудоустройства от уровня полученного образования. Для нашего исследования особую значимость представляют Доклад ОЭСР за 2011 год (индикатор А6 «Как навыки, приобретенные в ходе обучения, влияют на конкурентоспособность на рынке труда?») и Доклад ОЭСР за 2010 год (индикатор С3 «Насколько студенты успешны в поиске работы?» [3]).

В процессе исследования кроме Докладов ОЭСР были использованы данные Департамента ООН по статистике, осуществляющего унификацию статистики в глобальном масштабе. Основные функции Департамента заключаются в «сборе, обработке, распространении статистической информации; стандартизации статистических методов обработки информации, стандартизации классификаций, дефиниций; развитии сотрудничества в рамках перечисленных направлений; координации международных статистических программ и деятельности» [26]. Департамент ООН по статистике регулярно публикует данные в Ежегодном статистическом сборнике, а также книги, отчеты и перечень используемых статистических методов. Кроме того, «Ежемесячный бюллетень статистики онлайн» в режиме реального времени позволяет ознакомиться с разнообразными показателями (уровень безработицы, уровень молодежной безработицы, ВВП, ВВП, импорт, экспорт, затраты на экологию, здравоохранение и т. д.) любой из

стран – членов ООН. В табл. 1 приведены данные Департамента ООН по безработице выпускников в странах Северной Европы [26].

Таблица 1
Уровень безработицы выпускников в странах Северной Европы (данные Департамента статистики ООН)

Страна	Год		
	2007	2008	2009
Швеция	18,9	19,4	25
Норвегия	7,3	7,5	9,2
Финляндия	15,7	15,7	20,5
Дания	7,9	7,6	11,2

С развитием Евросоюза большее значение стало придаваться гармонизации статистических методов, используемых странами – членами ЕС, а также странами-кандидатами. Данные о трудоустройстве выпускников можно также найти в европейской статистической службе ЕВРОСТАТ, которая непосредственно не собирает статданные (эта работа выполняется статистическими службами стран), а обрабатывает информацию, приводит к единым стандартам и публикует. По данным ЕВРОСТАТа [5], уровень безработицы выпускников в странах Северной Европы представляется следующим (табл. 2)

Таблица 2
Уровень безработицы выпускников в странах Северной Европы (данные ЕВРОСТАТа)

Страна	Год		
	2008	2009	2010
Швеция	20,2	25	25,2
Норвегия	–	–	–
Финляндия	16,5	21,5	21,4
Дания	7,6	11,2	13,8

Данные по странам Северной Европы из табл. 1 и 2 в целом совпадают количественно. Небольшие погрешности в статистических данных – это нормальная практика. Расхождения по статданным Северной Европы находятся в рамках нормы. Для создания полной картины трудоустройства выпускников в странах Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии необходимо использовать единую методику. При этом следует учитывать, что необходимые данные по трудоустройству не всегда можно найти по Норвегии (табл. 2).

По данным ЕВРОСТАТа и Департамента ООН по статистике, во всех странах Северной Европы отмечен рост безработицы среди выпускников, несмотря на то что показатели трудоустройства здесь значительно выше, чем в среднем в странах ОЭСР. Так, в Норвегии этот уровень превышает 90 % [5]. Особо следует отметить, что в исследуемом регионе обучение не заканчивается с получением диплома о высшем образовании и многие продолжают обучение по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки в течение всего периода своей рабочей деятельности. Так, дополнительное

профессиональное образование (ДПО) в странах Болонской системы и России принято подразделять на профессиональную переподготовку (выполнение нового вида профессиональной деятельности свыше 500 часов аудиторных занятий и не менее 1000 часов трудоемкости) и повышение квалификации (освоение новых способов решения профессиональных задач с объемом почасовой нагрузки от 72 до 500 часов) [1].

Ежегодно по программам дополнительного профессионального образования показатель варьируется: 60 % в Швеции и Финляндии [4], в то время как в странах ОЭСР – не более 40 %. Кроме того, образовательный процесс в Дании и Финляндии в среднем длится 8–9 лет, а в странах ОЭСР – 6–8 лет. Это приводит к тому, что продолжительность безработицы в Северной Европе составляет в среднем меньше 6 месяцев [3], в то время как в ОЭСР – от 0,7 до 1,2 года.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Благодаря повышению процентного охвата безработными программ профессиональной переподготовки, а выпускниками – программ повышения квалификации в странах Северной Европы создаются более благоприятные условия для насыщенности рынка труда квалифицированными и востребованными кадрами. Однако, к сожалению, в Докладе ОЭСР «Взгляд на образование» нет информации о процентном соотношении ДПО. Любопытно было бы узнать процентный состав выпускников, прошедших повышение квалификации, и безработных, задействованных в программах профессиональной переподготовки в странах Северной Европы.

2. При тщательном анализе компетенций в экономике становится очевидно, что наиболее конкретные и детализированные компетенции приобретаются в ходе обучения по программам дополнительного образования. Компетенции, прописанные в магистерских программах, недостаточно конкретные и в большей степени агрегированные.

Одним из наиболее важных аспектов при изучении трудоустройства выпускников образовательных учреждений стран, расположенных в Северной Европе, является взаимодействие различных институтов: ключевых министерств, национальных статистических агентств, других крупных акторов, занимающихся сбором и анализом статистики, профсоюзов. В табл. 3 приведен перечень институтов, участвующих в сборе данных и мониторинге трудоустройства выпускников в странах Северной Европы.

Институтами, занимающимися сбором данных по трудоустройству выпускников, являются министерства, статистические агентства, крупные институты статистики и профсоюзы.

В Финляндии мониторинг безработицы производится в первую очередь с помощью «Исследований рабочей силы», подготавливается Статистическим агентством Финляндии. Данные вырабатываются путем сбора и комбинирования индивидуальных данных, имеющихся в распоряжении агентства. Основным источником данных о выпускниках является Регистр завершеного образования и степеней [26], который формирует Статистическое агентство. Источником данных о продолжающих обучение является Студенческий регистр, также ведущийся Статистическим агентством Финляндии. Статистика занятости и трудовых ресурсов собирается в Финляндии из различных источников. К ним относятся: Генеральная информационная система центра регистрации населения; различные информационные файлы Налогового управления; федеральные и региональные пенсионные службы и др. Вопросы социальной статистики и социальными аспектами безработицы занимается Институт социального обеспечения Финляндии [23]. Министерство занятости и экономики Финляндии также собирает обширную статистику о безработице и ежемесячно объявляет численность безработных соискателей работы, а также численность людей, участвующих в предпринимаемых мерах по улучшению ситуации на рынке труда. Эти данные издаются раз в месяц в «Бюллетене занятости» [8].

Таблица 3

Институты, участвующие в сборе данных и мониторинге трудоустройства выпускников в странах Северной Европы

Страна	Министерство	Статистическое агентство	Крупные институты статистики	Профсоюзы
Финляндия	Занятости и экономики	Статистическое агентство	Институт статистики Аландских островов, Институт социального обеспечения Финляндии	Центральное объединение профсоюзов Финляндии, Центральное объединение служащих, Центральное объединение работников с высшим образованием
Норвегия	Труда	Статистическое агентство	–	Норвежская конфедерация профсоюзов
Швеция	Занятости	Статистическое агентство	–	Конфедерация профсоюзов Швеции, Центральная организация рабочих Швеции
Дания	Занятости	Статистическое агентство	Институт статистики Фарерских островов	Конфедерация профсоюзов Дании, Конфедерация профессионалов Дании

Главным агентством, отвечающим за сбор статистики по трудоустройству, в том числе выпускников, в Швеции является также национальное Статистическое агентство. Главная задача службы – предоставлять статистическую информацию правительству с целью принятия решения, ученым – с целью перспективных исследований и т. д. В основном статистикой пользуется правительство Швеции, в частности Министерство занятости. Статистическое агентство самостоятельно собирает данные по стране, однако бывают случаи, когда определенные данные могут быть предоставлены правительством. Таким образом, взаимодействие между шведскими институтами по сбору статистических данных осуществляется самым тесным образом. Информация, которая обрабатывается Статистическим агентством Швеции, делится на следующие группы: статистика по индивидам; по компаниям; по прогнозированию; статистика, предоставленная правительством.

Важной отличительной чертой статистики стран Северной Европы является ее информационная доступность. «Чем быстрее статистика обнародуется, тем более качественное знание мы приобретаем об обществе – общество находится в постоянном развитии. Времени нужны цифры, цифры должны быть вовремя» [13], – так свою миссию определяет Статистическое агентство Дании. В соответствии с датским законодательством Статистическая служба собирает, обрабатывает социальную и экономическую статистику по стране, а также сельскохозяйственные данные и данные по НИОКР. Статистическая служба Дании была признана ЕВРОСТАТОм в 2007 году «лидером в Европе по эффективности и дружескому отношению к пользователям статистической информации» [13]. Непосредственно данные по трудоустройству выпускников Статистической службой берутся из «Исследований рабочей силы» [9], подготовленных Министерством занятости Дании, которые проводятся раз в год. Также данные собираются агентством с помощью опроса / интервью 22 000 человек по телефону каждый квартал.

Статистическое агентство Норвегии основывается на данных, собранных самостоятельно, а также поступивших из государственных институтов, в том числе Министерства труда [11]. Национальное статистическое агентство Норвегии работает в соответствии с установленными международными стандартами классификации статистической информации, однако большая часть статистики в Норвегии приводится на норвежском языке, в отличие от других стран Северной Европы. Информация на английском языке включает в себя только формы электронных отчетов и руководства к заполнению.

При анализе институтов, участвующих в сборе данных и мониторинге трудоустройства

выпускников, особое внимание следует уделить профсоюзам. Самые высокие рейтинги популярности у профсоюзов были в Швеции в 1980–90-е годы, когда 80 % всей рабочей силы страны входило в состав профсоюзов; в Норвегии это число достигало 65 %. В этот же период сформировалась «Система Гент», которая осуществляла сбор информации о трудоустройстве, распределяла пособия по безработице и в целом играла более значимую роль, чем правительственные источники [7], так как имела тщательно отрегулированный механизм сбора статистических данных. В связи с рядом глобальных процессов, происходящих в XXI веке, роль профсоюзов уменьшилась. На сегодняшний день предоставленные ими данные не являются всеобъемлющими, хотя занимают определенное место в общем объеме информации.

В заключение можно отметить, что преимущество системы ведения статистического учета в странах Северной Европы заключается в ее независимости. Это обуславливается тем, что информация в систему поступает из различных зависимых и независимых от системы профессионального образования источников – профильных министерств, национальных статистических агентств, крупных институтов статистики, профсоюзов, пенсионных фондов и налоговых служб. Вследствие этого статистическая информация является более полной и достоверной, в отличие от статистической информации в РФ.

Сложившаяся система сбора и обработки статистических данных позволяет оценить количественные и качественные показатели трудоустройства выпускников. Данная методика является общей для всех стран Северной Европы. Это сходство объясняется педагогическими и институциональными факторами.

В ходе анализа источников статистической информации было выявлено, что уровень образования в странах ОЭСР является ключевым параметром конкурентоспособности выпускников на рынках труда. При этом показатели стран Северной Европы в среднем намного выше, чем у стран ОЭСР. Опыт стран Северной Европы по сбору данных о трудоустройстве выпускников при развитии рынка труда необходимо использовать в России. Мы предлагаем следующие рекомендации для Минобрнауки.

- Создать более благоприятные условия для увеличения степени насыщенности рынка труда России квалифицированными кадрами путем прохождения программ профессиональной переподготовки безработными; прохождения программ повышения квалификации выпускниками.
- Повысить достоверность данных о трудоустройстве выпускников учреждений профессионального образования по полученной специальности путем разработки и создания

Федерального реестра выпускников по всем уровням образования (высшее, среднее, начальное, послевузовское и дополнительное), который является аналогом Регистра завершеного образования и степеней Финляндии [26].

• Разработать и создать систему независимого мониторинга трудоустройства выпускников РФ на основе обработки информации независимых от системы профессионального образования источников информации (институтов статистики, пенсионных фондов, налоговых служб).

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (на 15 июля 2011 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/>
2. Convention on the Organization for Economic Co-operation and Development [Electronic resource]. Access mode: http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_201185_1915847_1_1_1_1,00.html
3. Education at a glance – OECD indicators (2010) [Electronic resource]. Access mode: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance_19991487
4. Education at a glance – OECD indicators (2011) [Electronic resource]. Access mode: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2010_eag-2010-en;jsessionid=764j3rjnan8nc.epsilon
5. EUROSTAT [Electronic resource]. Access mode: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php?title=File:Table_youth_unemployment_MS.png&filetimestamp=20110831062823
6. The Danish Confederation of Trade Unions [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ftf.dk/om-ftf/fakta/thats-ftf-in-english/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. A Nordic saga? The Ghent system and trade unions (Report) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-171535932.html>
8. Ministry of Employment and the Economy of Finland [Electronic resource]. Access mode: <http://www.tem.fi/?l=en>
9. Ministry of Employment of Denmark [Electronic resource]. Access mode: <http://uk.bm.dk/>
10. Ministry of Employment of Sweden [Electronic resource]. Access mode: <http://www.regeringen.se/sb/d/8281>
11. Ministry of Labour of Norway [Electronic resource]. Access mode: <http://www.regjeringen.no/en/dep/aid.html?id=165>
12. Nordic Statistical Yearbook [Electronic resource]. Access mode: <http://www.norden.org/en/publications/publications/2010-001>
13. Report on Statistics Denmark [Electronic resource]. Access mode: <http://www.dst.dk/pukora/epub/upload/15295/profi.pdf>
14. Report on Statistics Norway [Electronic resource]. Access mode: http://www.ssb.no/english/yearbook/yearbook_2010.pdf
15. Standard Industrial Classification [Electronic resource]. Access mode: <http://www.sec.gov/info/edgar/siccodes.htm>
16. Statistics and Research Eland [Electronic resource]. Access mode: <http://www.asub.ax/start.con?iLan=2>
17. Statistics Denmark [Electronic resource]. Access mode: <http://www.dst.dk>
18. Statistics Faroe Islands [Electronic resource]. Access mode: http://www.hagstova.fo/portal/page/portal/HAGSTOVAN/Hagstova_Foroya
19. Statistics Finland [Electronic resource]. Access mode: http://www.stat.fi/index_en.html
20. Statistics Norway [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ssb.no/english/>
21. Statistics Sweden [Electronic resource]. Access mode: http://www.scb.se/default_2154.aspx
22. The Norwegian Confederation of Trade Unions [Electronic resource]. Access mode: <http://www.lo.no/language/English/?tabid=1735>
23. The Social Insurance Institution of Finland [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kela.fi/in/internet/english.nsf/NET/101008091337AS?OpenDocument>
24. The Swedish Confederation of Trade Unions [Electronic resource]. Access mode: <http://www.lo.se/>
25. Trade Unions of Finland [Electronic resource]. Access mode: <http://www.artto.kaapeli.fi/unions>
26. UN Statistical Division [Electronic resource]. Access mode: <http://unstats.un.org/unsd/mbs/app/DataSearchTable.aspx>

ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
libellule_26@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ДИНАСТИИ КАРОЛИНГОВ*

Анализируется система личных имен королей династии Каролингов. Раскрывается этимология имен французских королей и принятые в изучаемую эпоху принципы и особенности именования.

Ключевые слова: личное имя, прозвище, принципы и способы наделения именем

Имянаречение королей династии Каролингов представляло собой систему, основанную на определенных принципах. Как указывают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, «одним из главных правил выбора имени в родовом мире, о какой бы конкретной культуре ни шла речь, – это наречение новорожденного в честь предка» [2; 136]. В системе именования Каролингов доминирует принцип буквального воспроизведения имени предка: чаще всего сыну передавалось имя отца или деда. Название самой династии Каролингов восходит к имени Карл, которое носили ее первые представители, включая Карла Великого, по-латыни *Carolus Magnus*, и его деда Карла Мартелла. При этом Мартелл – это прозвище, которым его наделили за военные успехи, бесстрашие и решительность в сражении с сарацинами при Пуатье в 732 году (Мартелл означает *molot / martel = marteau*).

Каролинги представляют династию франкских королей, правивших в Западной Европе с 750 года по X век. Историки нередко называют их Пипинидами (фр. *Pépinides, Pippinides*, от «Пипин») по имени трех франкских майордомов: Пипина I Ланденского (*Pépin de Landen*), Пипина Геристальского (*Pépin de Herstal*) и Пипина Короткого (*Pépin le Bref*), основателей каролингской династии.

Родоначальником Пипинидов считается Арнульф Мецкий (нем. *Arnulf*, фр. *Arnoul*; 580/582–641), также известный как Святой Арнульф (Saint Arnoul) – франкский политический и церковный деятель, епископ города Меца, прародитель династии Каролингов, канонизированный католической церковью. Он был не единственным святым в этом роду. Итта, жена Пипина I Ланденского, франкского майордома Австразии (585–639), является святой Римско-католической церкви, как и ее дочери – святая Гертруда Нивелская и святая Бегга. Святостью наделили и самого Пипина I Ланденского: в XI веке будет составлена «Жизнь святого Пипина».

С незапамятных времен франкские короли основывали свою легитимность на магической силе королевской крови потомков Меровея. Церковное таинство миропомазания придава-

ло законность новой династии: по примеру библейских царей Пипин Короткий был помазан священным елеем в Суассоне. Три года спустя эта процедура была повторена в базилике Сен-Дени уже самим папой римским, причем вместе с Пипином были помазаны оба его сына – Карл Великий и Карломан. Это означало, что королевская власть обрела небесное покровительство, которое напрямую зависело от церкви [1; 22–23].

Как в шутку замечает Жан-Луи Бокарно, потомки Пипинидов проявили неблагодарность, когда предпочли святому имени Пипина более скромное имя Карл (*Charles*), означающее «сильный, мужественный» на языке франков [5; 21]. Действительно, исторически точное название династии франкских королей Пипиниды не прижилось в литературе. За ними прочно закрепилось название Каролинги, которое подчеркивает роль и значение правления Карла Великого (768–814) не только для Франции, но и для всей Западной Европы.

Сын Пипина Короткого Карл Великий назван в честь своего деда Карла Мартелла. Имя Карл было дано также Карлу II Лысому (823–877) и Карлу III Толстому – внукам Карла Великого, Карлу III Простоватому – правнуку Карла Великого. Распространенным в Каролингской династии было имя Людовик. Его носили Людовик I Благочестивый – сын Карла Великого; Людовик II Немецкий, основатель династии немецких Каролингов, сын Людовика I Благочестивого; Людовик II Заика – сын Карла II Лысого; Людовик IV Заморский – внук Людовика II Заики; Людовик V Ленивый – внук Людовика IV Заморского. Как известно, имя Людовик имеет латинскую этимологию – *Ludhovicus, Lodhvicus, Chlodovicus* – и ведет свое начало от германского имени *Hladowig* (от *hlod* «слава» и *wig* «бой, битва»). От *Chlodwig* было образовано имя *Clovis* (*Хлодвиг*), которое носил основатель франкской монархии *Хлодвиг I / Clovis Ier* (ок. 465–511).

Любопытным является факт, что начиная с династии Каролингов к имени правителя стали добавлять прозвище. Французский исследователь Даниэль Апприу объясняет это тем, что та-

ким образом с давних времен решалась проблема идентификации членов общества. Так, еще у римлян количество использовавшихся в обиходе имен было ограниченным, поэтому к имени нередко добавляли одно или несколько прозвищ, например *Caïus Superbus Maximus*. Такая особенность именование была распространена главным образом среди верховных правителей, имя которых часто передавалось от отца к сыну, а прозвище позволяло их различать [4; 17]. Интересен также тот факт, что прозвища имели короли почти всех европейских стран: Англии, Германии, Дании, Шотландии, Швеции и т. д. [3; 75].

Прозвищами были наделены уже предки Каролингов. Так, Пипина Ланденского именовали Старшим (*Pépin le Vieux*), а Пипина Геристальского – Младшим (*Pépin le Jeune ou de Herstal*). Карл Мартелл, как уже говорилось, вошел в историю с прозвищем «Молот». Основателя Каролингской династии звали **Пипин Короткий** (*Pépin le Bref*, по латыни «маленький»).

Сын Пипина Короткого, **Карл I**, или **Карл Великий** (*Charles Ier, Charlemagne, Charles le Grand* от латинского *Carolus Magnus*), как пишут историки, был действительно высокого роста, около двух метров, что для той эпохи было исключительным явлением. Его также прозвали Седобородым императором (*L'Empereur à la barbe fleurie*) [6; 80]. Карл Великий отличался неутомимой энергией, которая была направлена на расширение королевства. Почти всю жизнь Карл провел в походах, стремясь участвовать в захвате новых территорий или в усмирении непокорных областей. Он проявил не только блестящие военные способности, но и выдающиеся качества администратора, изменив сложившуюся при Меровингах систему управления. Изданные им капитулярии охватывали все стороны жизни страны. Но Карл I был не только великим завоевателем. Он окружил себя образованными людьми, представителями творческих профессий, которым оказывал поддержку. Испытывая почтение к римским образцам, он способствовал возрождению интереса к античной культуре. При дворе он создал «Академию», где обсуждались теологические и философские вопросы, а также творения античной литературы. По настоянию Алкуина, англо-саксонского ученого, которого называют «министром образования империи», Карл издал «Капитулярий о науках» (ок. 787 года), который предписывал каждому епископу и каждому монастырю открывать школу для обучения латинской грамоте и письму, счету, псалмам, пению. Монастырям вменялось в обязанность содержать свои библиотеки и скриптории. При правлении Карла I развиваются и расцветают искусства и культура.

Карл Великий уделял огромное внимание вопросам веры – обращение новых народов в христианство и битвы с неверными принесли ему

славу ревнителя веры. На Рождество 800 года в соборе Святого Петра папа Леон III лично возложил на голову Карла императорскую корону. Так была провозглашена Франкская империя, объявившая себя преемницей Западной Римской империи.

Неудивительно, что прозвище «Великий» Карл получил еще при жизни. Его авторитет среди людей Средневековья был столь велик, что, подобно тому как римские императоры присваивали себе титул «Август», уподобляясь первому императору Октавиану Августу, правители многих европейских стран стали впоследствии называть себя королями – по имени Карла [1; 27–28]. Карла Великого считают одним из отцов-основателей Европы. Слава Карла Великого распространялась веками благодаря средневековым поэтам, которые сделали его героем многочисленных рыцарских эпосов, наделив несметным количеством достоинств. Принято считать, что «поэтическая история» Карла началась с «Песни о Роланде» и продолжалась до конца Средневековья, когда появились «Хроники и завоевания Карла Великого», преподнесенные Давидом Обером (1458) герцогу Бургундскому. После смерти 28 января 814 года император быстро становится мифическим персонажем [9; 260].

Карломан (ок. 751–771) был королем франков вместе со своим старшим братом Карлом Великим (768–771). После преждевременной кончины Карломана его жена Герберга нашла убежище у короля лангобардов Дидье (Дезидерия), а сыновья были заточены своим дядей в монастырь.

Преемником Карла Великого на троне стал его третий сын, единственный оставшийся в живых. Его звали **Людовик I Благочестивый** (*Louis Ier le Pieux ou le Débonnaire*). Он был императором Запада (814–840). Людовик Благочестивый, как пишут историки, считал, что его основная задача – «очищение» империи: «... великие завоевания прекратились, а важно было теперь удержать и привести в порядок завоеванное. Отныне император выступал скорее не как воин, а как гарант мира, судья, ответственный за соблюдение Божьих законов и за спасение душ всего христианского народа, составлявшего империю» [1; 31]. Его прозвище – «Благочестивый» / *Débonnaire* – означает добрый и уступчивый вплоть до мягкотелости [4; 295]. Ему ни разу не удалось проявить силу характера своего отца Карла Великого. Он с удовольствием подражал своим подданным, копируя их стиль в одежде. Полный добрых намерений, Людовик I Благочестивый не смог установить свой авторитет и противостоять разорению казны. Посчитав лежащую на себе ответственность слишком тяжелым грузом, в 817 году он решил поделить империю между своими сыновьями – Лотарем, Пипином и Людовиком, издав капитулярий «О порядке в империи» (*Ordinatio imperii*). Этот раздел привел к восстанию, поднятому Бернар-

дом, королем Италии, – его племянником и внуком Карла Великого. Бернард был захвачен в плен. В порыве гнева Людовик Благочестивый выколол ему глаза, отчего тот скончался. Однако преследуемый угрызениями совести, император принес публичное покаяние в Аттиньи в 822 году, что только ослабило его престиж. Когда в 838 году умер его второй сын Пипин, Людовик I Благочестивый вновь решил поделить империю уже в пользу своего третьего сына Карла, родившегося от второго брака с Юдифь Баварской. Это привело к войне с остальными сыновьями императора, которая продолжилась и после его смерти.

Карл II (823–877) был королем Западно-Франкского королевства и императором Запада (875–877). Он получил прозвище Лысый (Charles le Chauve). После смерти Людовика I Благочестивого он объединяется со своим братом Людовиком Немецким против их старшего брата Лотаря, ставшего императором. Они победили его в битве при Фонтене-ан-Пиюизе в 841 году и скрепили свой союз Страсбургскими присягами в 842 году. Верденский договор, заключенный братьями в 842 году, окончательно разделил империю. Согласно Верденскому разделу, Карл Лысый получил западную часть империи (Francia occidentalis). Он также сумел завладеть Италией, став ее королем. Папа Иоанн VIII короновал его императорской короной (875 год). Весь период правления Карла Лысого был отмечен набегами викингов, которые производили страшные опустошения, а также интенсивным развитием феодализма.

Людовик II Немецкий / Louis II le Germanique (804/805 – 876), сын Людовика Благочестивого, был королем Восточно-Франкского королевства (843–876), королем Баварии (817–843), королем Лотарингии (870–876). Он явился основателем династии немецких Каролингов. Все это объясняет данное ему прозвище.

Людовик II Заика / Louis le Bègue родился в 846 году и умер в 879-м. Он был королем Франции (877–879). Старший сын Карла Лысого не смог установить свой авторитет в силу слабого здоровья и заикания. Он скончался на 33-м году жизни после всего двухгодичного правления.

Людовик III (ок. 863–882), старший сын Людовика II Заики, король Франции с 879 по 882 год. Со своим братом Карломаном он был вынужден отдать Лотарингию Людовику Младшему, сыну Людовика II Немецкого. Король разбил норманнов в местечке Сокур-ан-Виме (Saucourt-en-Vimeu) в 881 году. Эта победа, в которой погибли 8000 викингов, прославила имя Людовика III в народной песне «*La chanson de Louis*» / *Ludwigslied*, или *Rithmus Teutonicus*, написанной на древнем верхненемецком языке:

Je connais un souverain, le roi Louis, fidèle au culte de Dieu qui le récompense de sa foi.

Jeune encore, il perdit son père. Dans ce malheur, Dieu lui-même l'accueillit et voulut devenir son guide.

Il lui donna pour compagnons des chevaliers intrépides; il lui donna un trône dans le pays des Francs. Puisse-t-il en jouir de longues années!

Louis partagea le trône avec Carloman, son frère, par un accord équitable et loyal.

Après ce pacte, Dieu voulut l'éprouver; il voulut voir s'il supporterait les peines.

Il permit que les guerriers païens envahissent ses états, que les Francs devinssent leur esclaves.

Les uns se perdirent aussitôt, les autres furent vivement tentés; quiconque s'abstenait du mal était accablé d'outrages.

Chaque brigand armé, enrichi de rapines, enlevait un château et devenait ainsi noble.

L'un vivait de mensonge, l'autre d'assassinat, l'autre de défection; chacun s'en glorifiait.

Le roi était troublé, le royaume en désordre; Christ étant irrité permettait ces malheurs.

Mais Dieu eut pitié de nous; il connaissait notre détresse, il ordonna à Louis de marcher en toute hâte.

O roi Louis! secours mon peuple, car les Normands l'oppriment avec dureté.

Louis répondit alors: Seigneur, je le ferai; la mort ne m'empêchera pas de suivre tes commandements.

D'après l'ordre de Dieu il leva l'oriflamme, il marcha par la France au devant des Normands.

Il rendait grâces à Dieu, en attendant sa venue, il disait: Seigneur, nous voici pour t'attendre.

Alors l'illustre Louis s'écria d'une voix forte: Courage, guerriers, compagnons de mon sort!

– Dieu m'a conduit ici; mais il faut que je sache si c'est d'après vos vœux que je marche au combat.

– Je m'exposerai à tout, pourvu que je vous sauve. Qu'ils me suivent tous ceux qui sont fidèles à Dieu!

– Cette vie nous est acquise tant que Christ nous l'accorde; nos corps sont sous sa garde, c'est lui qui veille sur nous.

– Quiconque, servant Dieu avec zèle, sortira vivant de cette lutte, aura de moi une récompense; s'il meurt, ce seront ses enfants.

Il s'arme à ces mots de l'écu et de la lance, il vole sur son coursier pour punir ses ennemis.

Il ne fut pas longtemps à trouver les Normands. – Dieu soit loué! s'écrie-t-il, en voyant ceux qu'il cherche.

Chevauchant vaillamment, il entonne l'hymne sacré, et tous chantent ensemble: Seigneur, aie pitié de nous!

L'hymne fut chanté, le combat commencé, le sang baigna le visage des Francs qui jouaient de leurs armes.

Les chevaliers se vengèrent, mais surtout le roi Louis. Prompt et intrépide, telle était sa coutume.

Il frappait l'un, il perçait l'autre; il abreuvait ses ennemis d'amertume, et leurs âmes s'échappaient de leurs corps.

Bénié soit la puissance de Dieu! Le roi Louis fut vainqueur. Grâce soient rendues à tous les saints! A lui fut la victoire.

Le roi Louis fut heureux; autant il était prompt, autant aussi il fut ferme dans l'épreuve. Maintiens-le, ô Seigneur, dans toute sa majesté!

Текст песни передает христианские ценности. В нем набеги викингов представлены как божественная кара: Господь сделал так, чтобы люди Севера пересекали моря и напоминали франкам об их грехах, и Он вдохновляет Людовика вступить в войну, чтобы помочь своему народу. Людовик молится Господу до и после битвы. В песне прославляется набожность короля. Однако в целом эта песня представляет собой *Prieslied* (германская песня в честь воина), распространенную в устном творчестве германских народов [7].

Людовик III не получил ни при жизни, ни после смерти прозвища, что было редкостью для Каролингов. Он умер, не оставив наследников.

Карломан / Carloman (867–884), второй сын Людовика II Заики, делил корону со своим братом Людовиком III с 879 по 882 год. Единично управлял Францией после его смерти до 884 года. Он боролся с норманнами. Карломан погиб на охоте, не оставив наследников. Его имя имеет франкское происхождение: Carloman, от Karl «Charles» и man «homme» [8; 72], оно означает «смелый человек». Это имя носили сын Карла Мартелла, майордом Австразии (741–747), и сын Пипина Короткого, младший брат Карла Великого.

Карл III Толстый / Charles III le Gros (839–888), третий сын Людовика Немецкого, был императором Запада (881–887), королем Германии (882–887), королем Франции (884–887). Своим прозвищем он был обязан крупному телосложению. Карл III был вынужден бороться с норманнами, но его слабость и некомпетентность привели к тому, что он был свергнут на имперском сейме в Трибуре в 887 году.

Карл III Простоватый / Charles III le Simple (879–929), младший сын Людовика II Заики, родившийся через пять месяцев после смерти своего отца. Его не короновали в 884 году после

смерти брата Карломана по причине малых лет. Вместо него на трон взшел Карл III Толстый. В 888 году ему снова не позволили стать королем, отдав трон графу Парижскому Эду. Он был, наконец, коронован в 893 году, однако его свергли в 923 году.

Людовик IV Заморский / Louis IV d'Outremer (ок. 921–954), сын Карла III Простоватого, правил Францией с 963 по 954 год. После свержения с престола отца он в 923 году был увезен матерью в Англию. Отсюда его прозвище – Заморский. Он был коронован благодаря герцогу Гуго Великому. Однако большую часть своего царствования Людовик IV был вынужден бороться с ним за трон. Король рано умер, упав с лошади. Ему на смену пришел Лотарь.

Лотарь / Lothaire (941–986), старший сын Людовика IV Заморского, был королем Франции (954–986). Его правление отмечено восхождением клана Робертинов во главе с Гуго Великим, а затем и его сыном Гуго Капетом. Свое имя он мог получить в честь Лотаря I, сына Людовика Благочестивого, а также в честь Лотаря II, сына Лотаря I, короля Лотарингии.

Людовик V Ленивый / Louis V le Fainéant (ок. 967–987), сын Лотаря, взшел на престол в 986 году. Он умер через год, в 987 году, после падения с лошади, не оставив наследников. Его смерть приписывали и отравлению. Вместе с ним угасла французская ветвь Каролингов. На троне Франции Людовика V сменил Гуго Капет.

Таким образом, практически каждый король династии Каролингов вошел в историю с прозвищем. По способу образования их прозвища являются субстантивными или адъективными. С точки зрения семантики они имеют как положительную, так и отрицательную коннотации. В основе наречения каролингских королей прозвищами лежат такие принципы, как обыгрывание внешности властелина (указание на физические и внешние особенности), его черт характера, наиболее ярких свойств личности, образа жизни. Как один из типов антропонимов они выполняют номинативную, идентифицирующую, эмоционально-экспрессивную функции.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю. История Франции. М.: Дрофа, 2005. 481 с.
2. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Варьирование родового имени на русской почве. Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М.: Индрик, 2003. С. 136–183.
3. Природина У. П. Прозвище как средство именованья человека в ономастическом пространстве (на примере шведского языка) // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 74–78.
4. Arprieu D. Des surnoms pour l'histoire. Du petit caporal à l'homme de fer. P.: Le pré aux clercs, 2002. 486 p.
5. Beaucarnot J.-L. De César à Sarkozy. L'étonnante histoire des noms de pouvoir. P.: Éditions J'ai lu, 2009. 160 p.
6. Bascuart M. Dictionnaire anecdotique des surnoms et des sobriquets. P.: MA Éditions, 1986. 272 p.
7. Chant de Louis III [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://remacle.org/bloodwolf/germains/anonymes/chants.htm>
8. Chérillo d A. Dictionnaire étymologique des noms d'hommes et de dieux. P.: Masson, 1988. 498 p.
9. Dictionnaire du Moyen Âge / Sous la direction de C. Gauvard, A. de Ribera, M. Zink. P.: Quadrige/PUF, 2002. 1548 p.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 gy1a4@yandex.ru

ВАРИАНТЫ СОЧЕТАНИЙ ТИПА *ЧЕТЫРЕ КОРАБЛЯ ВОЕННЫХ – ЧЕТЫРЕ КОРАБЛЯ ВОЕННЫЕ* В ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА*

Рассматривается вопрос о формальной вариативности присубстантивных определений в сочетаниях с числительными 2, 3, 4. Требования современной литературной нормы сопоставляются с данными языковой теории и практики XVIII века.

Ключевые слова: словосочетания с числительными, грамматическая вариативность, русский литературный язык, историческое развитие

Авторы известного словаря «Грамматическая правильность русской речи» констатируют, что вариативность в выборе падежной формы присубстантивного определения (И. п. – Р. п.) в сочетании с числительными *два, три, четыре* наблюдается в литературном употреблении до настоящего времени и обуславливается в целом двумя факторами – позицией, которую занимает атрибут в словосочетании, и родом существительного [2; 40–41]. Так, определение, стоящее перед количественно-именным сочетанием, в современном русском языке «обычно употребляется в форме И. п. мн. ч.: *за последние три месяца, за эти две недели*»; в случае его расположения между числительным и существительным при субстантивах м. и ср. р. оно «выступает, как правило, в форме Р. п. мн. ч.: *два разбитых ящика... два двухэтажных здания*», при существительных же жен. р. одинаково допустимы обе падежные формы: ср. *три столовых ложки – три столовые ложки*, за исключением лишь тех случаев, когда субстантив при числительном отличается по ударению от соответствующей формы И. п. мн. ч., например *три высоких горы'* (но! *высокие горы*) – в этом случае предпочтительнее становится Р. п. прилагательного или местоимения [2; 40–41].

По данным современной исторической морфологии, изменения в грамматическом облике атрибутивных форм в рассматриваемых конструкциях (изначально здесь выступал только И. п. дв., мн. ч.) начинают отражаться в письменности уже с XIII века, когда при количественно-именных сочетаниях с лексемами '2'–'4' под влиянием конструкций с другими числительными начинают употребляться формы определений в Р. п. мн. ч. (см. пример А. А. Шахматова – *12 жонкѣ въицихъ*). Считается, что форма Р. п. атрибутивов при существительных м. р. становится, безусловно, господствующей уже в деловых памятниках XV–XVII веков (В. Егоров, А. Е. Супрун, Л. И. Станкевич, Г. А. Хабургаев), вытес-

няя тем самым соответствующие образования И. п. дв., мн. ч.

Соответствие данного результата современной языковой системе, по-видимому, поставило точку в исследовании этого вопроса: дальнейшие экскурсы в историю рассматриваемых форм фактически прекратились. При этом такой подход не объясняет, почему столь устоявшееся, по мнению лингвистов, в литературном языке употребление имен прилагательных зачастую отсутствует в текстах XIX века, а предпочтение, каким бы ни был род субстантива, нередко отдается формам И. п.: ср. *Два голубя, как два родные брата, жили* (И. А. Крылов); *Я лучше за ширмами послушаю, как вы, два умные человека, будете говорить* (А. Ф. Писемский); *Только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде* (М. Ю. Лермонтов).

В настоящей статье предпринимается попытка проследить динамику указанных форм, сделав предметом исследования их функционирование в литературной практике XVIII века.

Для рассматриваемого периода нами было установлено порядка 168 употреблений имен прилагательных в сочетаниях числительных *два, три, четыре* с субстантивами м., ср. р.; 128 подобных конструкций зафиксировано с существительными ж. р. (выборка производилась из авторитетных для своего времени художественных, научных, публицистических текстов – см. источники примеров в скобках). Количество генитивных образований на этом фоне до конца столетия остается ничтожно малым: главенствующее положение в литературном языке исследуемой эпохи, безусловно, принадлежит конструкциям с определениями в номинативе.

См. примеры для м., ср. р. (155 конструкций): *«два сопровѣтные непрѣятели»* (Э. Браун. Артиллерия); *«два единогласные эксемляра сочинены»* (Указы Петра); *«въ три оныя мѣсяцы»* (Варениус. География генеральная); *«три великіи острова»* (Герман. Сокращение математическое); *«три его*

главѣйшія сочиненія) (Фонтенель. О множестве миров); *«два музыкальны хора»* (Тредиаковский. Аргенида); *«четыре Коряцкіе острожка»* (Крашенинников. Описание Камчатки); *«два кубическіе дюйма»* (Изв. АН. 1780); *«два малыя судна»* (Радищев. Путешествие); *«три латинскія письма»* (Карамзин. Письма рус. путешественника. Ч. 2); *«тебѣ два ясныя представитъ предложенья»* (Княжнин. Чудаки); *«два украденныя мѣшка хлѣба»* (Вольтер. Человек в пер. Богдановича) и т. д.; *для ж. р.* (122 случая) – *«двѣ запалныя дыры»* (Э. Браун. Артиллерия); *«3 пушечныя боіницы»* (Кугорн. Крепостное строение); *«четыре генеральныя аффекціи»* (Варениус. География генеральная); *«двѣ послѣднія луны Сатурновы»* (Фонтенель. О множестве миров); *«двѣ небольшіяжъ внутренныя губы»* (Крашенинников. Описание Камчатки); *«двѣ параллельныя линѣи»* (Гост. Искусство флотов); *«на три равныя части»* (Изв. АН. 1779); *«двѣ славыя Династіи»* (Карамзин. Похвальное слово).

В связи с этим вряд ли можно признать справедливым утверждение А. Е. Супруна о том, что «не очень редки конструкции с родительным и в произведениях XVIII века» [2; 63]. В частности, пример, отмеченный им у А. Сумарокова (*два костеных шарика*), среди употреблений с аналогичным следованием частей (числительное – определение – существительное (ЧОС)) и родом субстантива – большая редкость (в нашем материале только 5 таких случаев на 89 структур с определениями в номинативе). Добавим, что в своей докторской диссертации, посвященной славянским числительным, исследователь высказывается на эту тему уже более осторожно. Так, в художественной литературе, по его наблюдениям, «именительный падеж определения вообще преобладает для всех трех родов», хотя фактологические данные, которые приводит автор для этих источников, значительно разнятся с нашими: по его наблюдениям, употребление определения в Р. п. при существительных м. р. фиксируется в одной трети всех случаев таких сочетаний, для ж. и ср. р. – в одной шестой. В нашем материале – гораздо реже.

Безусловное господство подобных сочетаний в литературной практике рассматриваемого периода подтверждается в том числе и их широкой жанрово-стилистической дистрибуцией (см. источники примеров), чего нельзя сказать о соответствующих образованиях с генитивными формами определений. Так, употребление Р. п. прилагательного в большинстве примеров с существительными всех родов конструктивно ограничено постпозицией определения по отношению к существительному: *«4 кварталы краковскихъ»* (Магницкий. Арифметика); *«на двѣ части равныхъ»* (Тредиаковский. Езда в остров любви); *«4 лисицы красныхъ»* (Крашенинников. Описание Камчатки); *«волкъ вытерпель два уда-*

ра такихъ» (Фонвизин. Басни); *«найлены были два тѣла мертвыхъ человѣческихъ»* (Изв. АН. 1779) и некоторые другие.

Однако и в данном случае формы И. п. в наших источниках занимают не последнее место: *«два слова азбучныя»* (Герман. Сокращение математическое. Ч. 1); *«два Квадранта стѣнные»* (Делиль. Предложение); *«два хохла бѣлые»* (Крашенинников. Описание Камчатки); *«два пятна черныя»* (Радищев. Путешествие); *«два характера сходныя»* (Карамзин. Письма русского путешественника) и др. Характерно, что довольно резко уже в первой половине столетия сужается сфера употребления сочетаний с данным порядком слов: из 22 зафиксированных примеров для всех родов 15 имеют отношение к Петровской эпохе, в дальнейшем подобные конструкции в образцовой литературной практике используются очень редко.

Таким образом, грамматический облик сочетаний с *два, три, четыре*, безусловно, уже сложившийся к XVIII веку в живом языке (с преобладанием генитивных форм присубстантивных определений), не был по ряду причин воспринят литературной практикой указанного столетия. Одной из таких причин, на наш взгляд, следует считать сохранение традиционного осмысления количественно-именных сочетаний с этими нумеративами под влиянием книжно-славянской письменности, когда существительное, понимаемое как форма И. п., требовало такой же формы согласуемого определения.

К разряду других объективно-языковых факторов, повлиявших на судьбу рассматриваемых сочетаний, необходимо, по всей видимости, отнести вытеснение из употребления модели этих соединений по типу *числительное – существительное – определение* более новой конструкцией, когда определение ставилось после числительного. По всей вероятности, это было обусловлено использованием таких оборотов, как *два обруча железных, 3 лисицы красныхъ*, в разговорном языке и деловой письменности, далекой в соотношении со вкусами эпохи от эталона литературной речи, ориентировавшейся на книжно-славянскую норму. Получавшие же распространение сочетания иного типа (ЧОС) могли в силу меньшей связи с указанными источниками попасть под прямое воздействие тенденций, складывавшихся в письменности на этот момент.

Несмотря на то что М. В. Ломоносов в своей грамматике регламентирует употребление обеих нумеративных конструкций (*четыре корабля военных – четыре корабля военные*) [4; 188], в литературной практике XVIII века это варьирование фактически не прижилось. Действительную норму, оформившуюся в нормированной письменной речи указанного периода, впервые, по нашим данным, отмечает А. А. Барсов, говоря о том, что

«к существительному в единственном родительном сочиненному, т. е. после *два, две, три, четыре* прилагательное **правильнее** приобщается в именительном, а **иногда** (выделено мною. – И. Д.) и в родительном множественном» [1; 173].

Любопытно, что совершенно иная картина возникает перед исследователем, обратившимся к письменности XVIII века, продолжавшей традиции разговорно-делового языка донационального периода. Как известно, в этих источниках в эпоху, предшествующую образованию национального языка, преобладающей нормой количественно-именных сочетаний с присубстантивными определениями становятся конструкции типа «*две пуговицы хрустальных*», «*три мерины добрых*», «*четыре торелки оловянных*» и подобные (как правило, именно на основе таких примеров делаются уже упоминавшиеся выше научные заключения в работах В. Егорова, Г. А. Хабургаева, А. Е. Супруна и др.).

Р. Ф. Титова, изучавшая деловую письменность рубежа XVII–XVIII веков, также указывает на преобладание в языке Нового времени родительного падежа прилагательных в рассматриваемых конструкциях, при этом она иллюстрирует сделанное заключение соединениями того же порядка слов – *числительное – существительное – определение*: «*три бревна сосновых*», «*две пищали медных турецких*», «*три хомутика ветхих*» и др. [7; 91].

Знаменательно, что изучение аналогичного рода источников середины XVIII века приводит нас, по сути, к тем же самым выводам. Несмотря на активное вытеснение из литературной практики уже в первой половине столетия подобных конструкций, канцелярско-деловой язык по-прежнему продолжает оказывать им предпочтение. См. примеры из челобитных: «*покрадено... три рубашки женскихъ цена по пятнатцети копѣек, три рубашки мускихъ цена по пятнатцети ж копѣекъ*» (Памятники московской деловой письменности, № 263, 1741 год), «*пограбили... два кулгана оловянных ценою каждой по два рубли*» (там же, № 264, 1741 год); «*реэстръ что чего покрадено... три рубашки муских миткальных с манжетами по пять рублевъ три рубашки женских на три рубли... две простыни полотняныхъ с кружевомъ заморскимъ на десять рублевъ...*» (там же, № 266, 1747 год); «*кражею от меня снесли... три блюда больших аловянных же цена восемь рублевъ три платка талиянских ценою каждой по два рубли... три калпачка серебряныхъ ис которыхъ пють вотку цена три рубли...*» (там же, № 282, 1747 год) и др. [5]. Формы присубстантивных определений И. п. мн. ч. в сочетаниях существительных с числительными '2'–'4' в указанных источниках

большая редкость: «*двѣ рубашки с порты алле- ные*» (там же, № 264, 1747 год), порядок слов, как можно видеть, при этом остается тем же.

Заметим, что новая литературная норма расположения компонентов в сочетаниях подобного типа почти неизвестна и исследованному нами «Соловецкому летописцу», памятнику севернорусской региональной письменности конца столетия: «*по углам построены четыре престола предельных*», «*2 колокола зазвонные*», «*две стопки серебряные да три ложки серебряные*», «*два пруда каменные делал*», «*две пищали девятипядные медные, да две пищали полуторные медные*», «*пожаловал 4 пищали затинных*», «*пожаловал две пищали полуторных медных*», «*две пушки медные полуторные*», «*3 покровы служебные*», «*две цки серебряные чеканные*», «*два престола предельные*», «*построено две часовни каменные*» [3]. Однако в данном источнике, если говорить о сочетаниях с '2'–'4', весьма ощутимое преимущество оказывается (в отличие от памятников московской деловой письменности) за И. п. определений, который употребляется параллельно с Р. п., по всей видимости, без какой-либо содержательно-стилистической подоплеки. Безусловно, интересны в «Летописце» примеры, известные разговорно-деловому языку донациональной поры (типа *4 лапки лисьих красные*), когда И. и Р. п. используются в пределах одного количественно-именного сочетания: «*4 судна мореходных, называемые лодыи*», *два подсвещника церковных больших выносных на литиях, чеканной работы, серебряные, золочены, с чернью*».

Всего в «Соловецком летописце» на 30 описанных структур с постпозицией определения приходится всего лишь один случай, отражающий современный порядок слов в этих конструкциях: «*две каменные плиты*».

Исходя из проанализированных данных, можно утверждать, что установившаяся в авторитетной литературной практике изучаемого периода норма словосочетаний с '2'–'4', достаточно последовательно соблюдаемая уже с начала столетия, пока не находит применения (по крайней мере в первой половине XVIII века абсолютно точно) в обиходно-деловой письменности, ориентированной на традиционные речевые стандарты, сформировавшиеся в данной языковой сфере еще в донациональную эпоху.

С известными оговорками это замечание, по всей видимости, можно отнести и к источникам регионального происхождения, хотя относительно этих текстов наше предположение, несомненно, нуждается в куда более тщательной проверке на основе фактов, различных как по локальным, так и по жанрово-стилистическим характеристикам.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Браун. Артиллерия – Браун Э. Новейшее основание и практика артиллерии. М., 1710.
Варениус. География генеральная – Варениус Б. География генеральная: Небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа. [М.], 1718.
Вольтер. Человек – Вольтер Ф. Человек в 40 талеров / Пер. П. И. Богдановича. СПб., 1792.
Герман. Сокращение математическое – Герман Я., Делиль Ж.-Н. Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России: В 2 ч. / Пер. И. С. Горлицкого. СПб., 1728.
Гост. Искусство флотов – Гост П. Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях / Пер. И. Голенищева-Кутузова. СПб., 1764.
Делиль. Предложение – Делиль Ж.-Н. Предложение о мерянии земли в России / [Пер. В. К. Третьяковского]. СПб., 1737.
Изв. АН, 1779, 1780 – Академическая известия на 1779 (1780) год, содержащая в себе историю наук и новейших открытий оных: В 6 ч. СПб., 1779 (1780).
Карамзин. Письма – Карамзин Н. М. Письма русского путешественника: В 3 ч. М., 1797.
Карамзин. Похвальное слово – Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802.
Княжнин. Чудаки – Княжнин Я. Б. Чудаки // Княжнин Я. Б. Собрание сочинений Якова Княжнина: В 5 т. Т. 5. М., 1802–1803.
Крашенинников. Описание Камчатки – Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки: В 2 т. СПб., 1755.
Кугорн. Крепостное строение – Кугорн М. Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. Господина барона фон Кугорна, генерала Артиллерии, генерала поручика инфантерии, генерала правителя крепостного строения Статов Неделандских и губернатора Фландерского / Пер. М. П. Шафирова. М., 1710.
Магницкий. Арифметика – Арифметика, сиречь наука числительная, сочиненная сия книга чрез труды Леонтия Магницкого. М., 1703.
Радищев. Путешествие – Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.
Третьяковский. Аргенида – Баркли Д. Аргенида: Повесть героическая / Пер. В. К. Третьяковского. СПб., 1751.
Третьяковский. Езда в остров любви – Тальман П. Езда в остров любви / Пер. В. К. Третьяковского. СПб., 1730.
Указы Петра – Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца все-российского: Состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 году. СПб., 1739.
Фонтенель. О множестве миров – Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров г. Фонтенеля Парижской академии наук секретаря / Пер. А. Кантемира. СПб., 1761.
Фонвизин. Басни – Хольберг Л. Басни нравоучительныя с изъяснениями г. барона Голберга / Пер. Денис фон Визин. М., 1787.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов А. А. Российская грамматика. М., 1981.
2. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001.
3. Летописец Соловецкий. Рукопись XVIII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/>
4. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755.
5. Памятники московской деловой письменности XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1981.
6. Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959.
7. Титова Р. Ф. Имя числительное в деловых документах конца XVII века (Дела Азовской приказной палаты) // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1962. Т. 42.

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА МАЧУЛЬСКАЯ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
svama@bk.ru

ОДНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО*

Приводится аналитическое описание состава и функций сочиненных рядов главных членов предложения в произведениях Епифания Премудрого. Материалом исследования послужили «Житие Стефана Пермского» и «Житие преподобного Сергия Радонежского». В ходе анализа рассмотрены грамматические, семантические, а также стилистические особенности данных конструкций и обосновано их значение для языка автора.

Ключевые слова: исторический синтаксис, однородные члены предложения, Епифаний Премудрый, житие

Функциональная однородность языковых единиц – одна из узловых проблем синтаксиса, так как она связана с такими фундаментальными его понятиями, как предложение и словосочетание, подчинение и сочинение, синтаксическая функция и пр. Конструкции с одноименными и синтаксически равноценными членами оказались уже в поле зрения авторов первых русских грамматик [7], [15]. Однако общая теория синтаксической однородности, которая служила бы надежной опорой для методики вузовского и школьного преподавания соответствующих разделов грамматики, до сих пор не создана.

Так, не существует единого термина для номинации изучаемого языкового явления. Наиболее распространенным в лингвистике остается сочетание «однородные члены предложения», введенное в научный оборот А. М. Пешковским в начале XX века [39].

К не менее спорным относится вопрос, связанный с критериями выделения однородных членов предложения. И это несмотря на огромный вклад А. М. Пешковского, который первым среди русских языковедов охарактеризовал однородные члены как «особое явление в синтаксисе, имеющее свое грамматическое выражение» [39]. Исследователь определил их грамматические признаки, опираясь на которые, последующие лингвисты выдвигали свои концепции однородности, причем количество критериев, взятых за основу, в науке постоянно варьировалось.

Как известно, большинство лингвистов в качестве признака однородности членов предложения указывают на их функциональное тождество [47].

Этой точке зрения противостоит мнение, согласно которому разнофункциональные компоненты типа *кто и зачем (пришел)* определяются как однородные. При этом, как отмечают А. М. Пешковский [39], Е. В. Кротевич [30], М. Н. Майданский [34], Н. С. Валгина [8], в качестве средства выражения синтаксической однородности выступает сочинительный союз.

Е. Я. Болгова [4] и А. Ф. Прияткина [41] указывают на неубедительность подобного толкования, поскольку при решении данного вопроса, во-первых, обращается внимание лишь на формальный признак, во-вторых, неправомерно расширяется понимание категории однородности (допускается разнофункциональность элементов однородного ряда) [4]. Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что «в подобных построениях мы имеем дело с сочинением неоднородных элементов» [41], то есть с логической однородностью.

Полемичным на протяжении длительного времени остается вопрос о квалификации предложений с однородными сказуемыми. Взгляды языковедов на данную проблему можно свести к нескольким точкам зрения.

Так, А. Х. Востоков [10], Д. Н. Овсяннико-Куликовский [37], А. А. Шахматов [51], А. М. Пешковский [39], А. М. Мухин [36], А. Г. Руднев [43] и другие предложения с однородными главными членами (в частности, сказуемыми) характеризуют как особый структурный тип предложений в синтаксической системе русского языка.

По мнению С. Г. Ильенко, квалифицировать явления подобного рода более правомерно как переходные [23]. А. П. Беденок после изучения сочиненных глагольных сказуемых приходит к идентичному выводу и предлагает называть рассматриваемые структуры «полипредикатными односубъектными предложениями» [2].

Еще одно наименование конструкций особого типа – это осложненные предложения, которые были выделены и описаны как самостоятельное явление синтаксиса А. Г. Рудневым [43]. О неправомерности такого подхода пишет З. К. Тарланов: «Какой бы осложняющий компонент мы ни взяли, он неограниченно используется как в простом, так и в сложном предложениях», и «говорить о существовании осложненного предложения как особого синтаксического типа можно было бы в том случае, если, в свою очередь,

можно было бы доказать, что оно в том или ином языке представляет собой продукт естественно-го развития этого языка» [48].

Вторую точку зрения высказывали Ф. И. Буслаев [7], В. Ф. Кохно [29], В. Н. Перетрухин [38], В. И. Собинникова [45], В. Т. Гневко [11], А. Ф. Прияткина [41], лингвисты, участвовавшие в создании академической грамматики 1954 года [13], и некоторые другие. Предложения, осложненные однородными главными членами, они считают видоизменением, расширенной модификацией простого предложения.

В противоположность второй точке зрения В. В. Виноградов [9], Т. П. Ломтев [33], Е. Я. Болгова [5] и авторы Грамматик русского языка [14], [44] относят предложения с несколькими однородными сказуемыми к типу сложных предложений.

А. П. Леонтьев определяет подобные структуры как моносубъектные полипредикатные, в которых наблюдается явление так называемого «нулевого подлежащего» (*Шло и проходило время его жизни*) [31].

Отдельную позицию занимают исследователи, дифференцирующие предложения с однородными элементами в соответствии с различным грамматическим оформлением однородного ряда [3], [35].

В этом плане весьма подробную классификацию предлагает Н. С. Валгина [8]. Она дифференцирует предложения с однородными главными членами в зависимости от словоформ, входящих в сочинительный ряд. В связи с этим выделяются конструкции, относящиеся к простым, сложным предложениям или являющиеся переходными явлениями. Несмотря на тщательность классификации, предложенной Н. С. Валгиной, на наш взгляд, она в большей степени усложняет теорию синтаксической однородности, которая и без того отличается неоднозначностью подходов к решению проблемных вопросов.

Таким образом, несмотря на внимание исследователей синтаксиса русского языка к проблеме однородности, соответствующие теоретические вопросы пока не имеют единого решения. Лингвисты зачастую рассматривают синтаксическую однородность с противоположных точек зрения, опираясь на разные аспекты данного явления и учитывая разные критерии.

Кроме того, об актуальности рассматриваемой темы позволяет говорить отсутствие исследований однофункциональных главных членов предложения на материале жанрово-стилистических разновидностей древнерусского языка, и в частности на материале агиографической литературы.

Необходимость изучения этого вопроса обусловлена и тем, что, несмотря на труды О. Ф. Коноваловой [25], [26], [27], [28], Н. Ф. Дробленковой [16], В. В. Колесова [24], Г. С. Баранковой

[1], М. В. Ивановой [21], [22], характеризующие стиль Епифания, а также работы О. А. Черепановой [50], А. В. Духаниной [17], [18], [19], Р. И. Гождик [12], посвященные собственно лингвистическому анализу сочинений древнерусского книжника, данный синтаксический материал специально не рассматривался.

Епифаний Премудрый – один из известнейших книжников конца XIV – начала XV века. О нем говорят как о писателе, «творчество которого характеризуется особым стилем “плетения словес”, придающим его произведениям неповторимую эмоциональную и художественную выразительность» [1]. Рассуждая о манере письма данного автора, исследователи отмечают, что именно в творчестве Епифания стиль «плетение словес» приобрел совершенные формы [25].

Именно в связи со спецификой данного стиля особый интерес вызывает использование однофункциональных главных членов предложения в «Житии Стефана Пермского» (ЖСП) и «Житии Сергия Радонежского» (ЖСР), созданных Епифанием Премудрым. Методом сплошной выборки из этих произведений было извлечено более 900 изучаемых конструкций. Результаты исследования представлены в табл. 1 и 2.

Как видно из табл. 1, в сочинениях Епифания Премудрого доминирующими являются исследуемые конструкции со сказуемыми.

Анализ грамматической составляющей однофункциональных рядов в «Житиях» свидетельствует в целом об ориентации автора на нормы книжнично-славянской традиции. Это, в частности, проявляется в следующем.

1. В грамматическом верном употреблении форм аориста и имперфекта: *и бози твои... падением падоша и не вѣсташа* (ЖСП, абз. 32); *равно бо любляше всех и всем добро творяше... и къ всем любовь имяше* (ЖСР, с. 95).

2. В доминирующем использовании связок в формах сложных претеритов как в односоставных, так и в двусоставных структурах (в последнем случае особо показательным является факт употребления форм со связкой не только в проходных местах, но и в остальных частях текстов): *ты послушал еси гласа Христова, исповѣдал еси его в Перми* (ЖСП, абз. 69). Употребление форм перфекта наиболее продуктивно в заключительной части житий. Это обосновывается нормами литературного этикета и структурой жанра, которые подразумевают восхваление святого.

3. В последовательном употреблении в формах императива в глаголах I, II классов 2-го лица множественного числа суффиксального – *тъ*: *идѣте и вы въ виноград мой и, шедше, дѣлайте* (ЖСП, абз. 13); а в глаголах III, IV классов того же лица и числа суффиксального – *и: тем же аще Богу тако изволишу, не скорбите, ниже пренемогайте* (ЖСР, с. 62).

Таблица 1

Морфологическое выражение однофункциональных главных членов предложения

Однофункциональные сказуемые (878) 93 %										
Простое глагольное сказуемое (602) 69 %										
1. Формы изъявительного наклонения (505) 84 %										
Прошедшее время (303) (60 %)				Чередование (прям. знач.) (10 %)			Настоящее, будущее (149) (30 %)			
				Прош. вр. (9 %)		Смеш. (1 %)				
Аорист (60 %)	Имперфект (30 %)	Перфект (7 %)	Смещение (3 %)	Аор. и имп.	Аор. и перф.	Аор. и наст.	Наст.- будущ. (прост.)	Аналитическое будущ.	Наст. исто- риче- ское	
181	91	20	11	26	20	7	127	8	14	
2. Формы повелительного наклонения (94) 15,5 %										
3. Формы сослагательного наклонения (3) 0,5 %										
Составное именное сказуемое (99) 11 %										
Причастие (30 %)	Прилаг. (29 %)	Причастие + прилаг. (7 %)		Сравнит. степ. (3 %)		Существительное (25 %)		Предл.-падежн. формы (5 %)		
30	29	7		3		25		5		
Составное глагольное сказуемое (39) 4 %										
Модальные (92 %)					Фазисные (8 %)					
36					3					
Случаи употребления в одном ряду разных типов сказуемых (138) 16 %										
ПГС и СИС (7 %)			ПГС и СГС (7 %)			СГС и СИС (0,5 %)				
67			66			5				
Однофункциональные подлежащие (68) 7 %										
Существительные (84 %)			Субстантивы (7 %)				Инфинитив (4,5 %)		Цельное сочетание (4,5 %)	
Конкретные (51 %)	Абстрактные (49 %)		Прилагательные (60 %)		Причастия (40 %)		3		3	
29	28		3		2		3		3	

Таблица 2

Количественная характеристика членов однофункционального ряда

Однофункциональные сказуемые (878) 93 %				
Двухкомпонентные (67 %)		Трехкомпонентные (20 %)	Многокомпонентные (111) 13 %	
			4 компонента (7 %)	5 компонентов (3 %)
			Более 5 компонентов (3 %)	
592		175	57	27
Однофункциональные подлежащие (68) 7 %				
Двухкомпонентные (63 %)		Трехкомпонентные (19 %)	Многокомпонентные (18 %)	
43		13	12	

4. В наличии второй палатализации в основах глаголов на заднеязычные согласные в формах 2-го лица единственного и множественного чисел повелительного наклонения: *отче! Елико нечьствовах и елико съгреших, прости мя и помози моему неверствию* (ЖСР, с. 61).

5. В преимущественном выражении именной части составных сказуемых причастием: *и многи языцы научени и крещени быша от них* (ЖСП, абз. 13). Этот факт в русле тенденций древнерусского синтаксиса объясняется, «с одной стороны, высокой степенью предикативности причастия, с другой – многообразием значений, выражаемых причастием как именем» [46].

6. В преобладании (в 82 % случаев) связок в именных предикатах (в том числе и в настоящем времени): *яко краток есмь и смиренъ серд-*

цем (ЖСП, абз. 14); *яко суетны суть и немощни и прелестни бози твои* (ЖСП, абз. 32).

7. В использовании значительного числа однофункциональных подлежащих, выраженных абстрактными именами существительными, позволяющими автору отвлечься от земных реалий и приблизить план повествования к внеземному, возвышенному, подчеркнуть причастность Бога ко всему происходящему: *яко и самое то зачатие и рожество полно бе поста и молитвы* (ЖСР, с. 15). Данный факт свидетельствует о характерном для житий «стремлении к художественному абстрагированию изображаемого» [32]. Показательными при этом являются тематические группы абстрактных существительных, обозначающие «социальные отношения, нормы и понятия», «эмоции и чувства».

8. В преобладании двучленных рядов сочиненных подлежащих, соединенных союзом *и*: *наше благословение и молитва моя да есть с вами* (ЖСР, с. 68). По данным В. И. Борковского, в синтаксисе древнерусского языка «сочинение двух однородных членов-подлежащих при помощи союза является не только господствующим, но и почти единственным» [6].

9. В употреблении повторяющегося союза *и*, являющегося одним из самых частотных союзных средств как в двухкомпонентных, так и в многокомпонентных рядах.

Несмотря на следование автором традициям, язык его сочинений включает определенные элементы речи, не характерные книжно-литературным памятникам и позволяющие Епифанию Премудрому абстрагироваться от существующих канонов. К подобным элементам относятся:

1. Координирование однородных рядов сказуемых с субстантивированными прилагательными и с местоимениями: *преподобный же очютив брань вражюю, удръжа си тело и поработи е, обуздав постом* (ЖСР, с. 41). По словам А. Н. Стеценко, «имя прилагательное и причастие (в субстантивном значении) в роли подлежащего употреблялись ограниченно в древнерусских памятниках» [46]. Следовательно, наличие при однородных сказуемых субстантивированных прилагательных в роли подлежащего свидетельствует о специфике письма Епифания.

2. Преобладание в неопределенно-личных конструкциях (занимающих в группе односоставных предложений главенствующее положение – 77 %) форм 3-го лица единственного числа, обусловленное жанрово и тематически: *по лете едином, обетиав, издрася и распадется* (ЖСР, с. 58), в отличие от других древнерусских памятников, в которых, по данным А. Н. Стеценко, используются преимущественно формы 3-го лица множественного числа [46].

3. Малочисленные случаи смешения флексий аориста и имперфекта, свидетельствующие об отражении в исследуемых житиях процесса распада системы прошедших времен: *пришед же архимандрити, и сътворише обычное целование, и реша* (ЖСР, с. 71). Наши наблюдения подтверждают мнение М. Л. Ремневой о том, что в житийных текстах XV века фиксируются случаи смешения аориста и имперфекта, выраженные заменой флексии *ша* флексией *ше* [42].

4. Отсутствие связей в глагольных формах перфекта, функционирующих в рассуждениях на исторические темы (создание азбук разных народов). Данные факты обусловлены «расширением значения перфекта и потерей им именной специфики (то есть превращения причастия с суффиксом *-л* в чистую глагольную форму)» [46]. По словам А. В. Духаниной, в житиях Епифания Премудрого формы перфекта 3-го лица без связки преобладают в авторской речи [19]. Наши наблюдения это подтверждают.

5. Смешение форм множественного и двойственного числа глаголов-сказуемых в аористе при подлежащих, обозначающих два лица или предмета: *родители же его призваста к себе ужики своя, и други, и суседи, и възвеселишася* (ЖСР, с. 16). Смешение указанных форм является результатом разрушения системы двойственного числа в древнерусском языке. В исследуемых сочинениях чередование двойственного и множественного числа в аористе наблюдается в тех частях текста, которые повествуют о родителях святого, в то время как другие имена, обозначающие двойственность, не вызывают данного чередования форм: *князь великий и митрополит... похвалиста думу его и посулиста бытии прошению его* (ЖСП, абз. 48).

6. Наличие в пределах одного ряда аориста и имперфекта: *он же паде лицем на земли и съ слъзами молитву творяше к невидимому царю, взираше на икону святых Троица, на помощь призываше святую Богородицу* (ЖСР, с. 45). Используя в рамках одной конструкции простые прошедшие времена в свойственных им грамматических значениях, автор делает акцент то на мгновенности, краткости действий: *Стефан же, брат его, на левом стояше клиросе и въпроси канонарха* (ЖСР, с. 69); то на их продолжительности: *и създаша себе кьиждо свою келю и живяху о Бозе, смотряюще житиа преподобнаго Сергия* (ЖСР, с. 41). В таких случаях формы аориста и имперфекта становятся значимыми для стиля «плетения словес», поскольку они позволяют автору актуализировать то или иное событие благодаря разнице своих значений, а в многокомпонентных рядах способствуют созданию определенного ритма текста.

7. Равное количество в однофункциональных рядах форм единственного и множественного числа настоящего-будущего времени: *яко да уразумит и помилует мене* (ЖСР, с. 10). Это свидетельствует, на наш взгляд, о специфике употребления автором данных форм, поскольку традиционно преобладающими являлись формы множественного числа [20].

8. Употребление однофункциональных сказуемых в формах настоящего времени со значением «настоящее историческое», позволяющее Епифанию создавать иллюзию действительности, вызывать у читателя ощущение присутствия при описываемом в произведении событии: *тогда Мамай царствует, но не вьчнует* (ЖСП, абз. 58).

9. Использование в пределах одного ряда форм настоящего и прошедшего времен в их прямых значениях, необходимое книжнику для изображения фактов, явлений в длительности: *тъи же зело възвеселися съвръшенному его послушанию и вскоре посилает священники* (ЖСР, с. 71). В данных примерах интересующие нас формы используются при описании последова-

тельных действий в прошлом, что, по словам А. В. Духаниной, являлось «характерной чертой агиографических сочинений, следующих стилю “плетение словес”» [19].

10. Употребление подлежащих при однородных сказуемых в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, объясняемое желанием автора акцентировать внимание читателей на субъекте.

Исследование использования Епифанием средств связи в однофункциональных рядах показало главенствующее положение союзов, в частности соединительного союза *и* (67 % случаев), которое можно объяснить повествовательным характером текстов, нейтральной коннотацией данного союза и его широкими возможностями в выражении семантико-синтаксических отношений, например: *въ единь же от дний приидоша пермяне к нему и впросиша его* (ЖСП, абз. 30).

В свою очередь, количественный анализ элементов ряда позволил сделать вывод о преобладании двухкомпонентных структур над многокомпонентными (2/3 всех рядов); выделить в особую группу трехкомпонентные конструкции, среди которых наиболее значимыми для стиля Епифания являются триады (по терминологии В. В. Колесова) благодаря их функции усиления образа и способности создавать высокий уровень экспрессии: *а нъверных стадо умаливается и убывает, и оскудевает* (ЖСП, абз. 27).

Особенностью манеры письма Епифания Премудрого является стилистически маркированное использование изучаемых конструкций как одного из грамматических средств создания стиля «плетения словес». Это, в частности, проявляется в способности сочиненных рядов создавать особый ритмический рисунок благодаря созвучию окончаний в формах простых прошедших времен: *и грамоте пермьской учаши я, и книги писаше им, и церкви святыя ставляше им и сваяшше, иконами украшаше и книгами исполняше и монастыри наряжаше, и в черньцы постригаше и игумены имь устрашше, и священники... поставляше и анагносты, и падиаки уставляше* (ЖСП, абз. 51).

Кроме того, задавать необходимый для большего воздействия на читателя ритм, придавать динамику повествованию помогают объемные, многокомпонентные ряды, характеризующиеся и другой способностью – представлять объект описания с разных сторон, подчеркивая все нюансы: *и изучися сам языку пермьскому, и грамоту нову пермьскую сложи, и азбуки незнаемы счини... и книги руския на пермьский языкъ преведе и преложи, и преписа* (ЖСП, абз. 9). По словам О. Ф. Коноваловой, «ритмичность языка Епифания Премудрого тщательно продумана и соблюдается необычайно строго, она... объясняется стремлением Епифания привести читателя в состояние экстаза, восторга перед святым его деянием» [25].

Функциональная значимость двухчленных структур для стиля «плетения словес» определяется нанизыванием подобных конструкций, их включением в цепи рядов, в результате чего данные образования наравне с многокомпонентными структурами осложняют текст, заставляют адресата обратиться к прочитанному вновь и задуматься над написанным. Это желание автора передать боговдохновенную истину и вызвать у читателя необходимость проникнуть в глубину содержания является одним из принципов стиля «плетения словес».

В целом одна из важнейших функций проанализированных структур – создание позитивного энергетического фона, необходимого при доказательстве автором святости преподобных отцов, значимости совершенных ими деяний.

Создаваемая однофункциональными рядами градация (особенно это касается триад), нагнетание экспрессии, включение сочиненных рядов в следующие друг за другом синтаксические построения, использование в пределах одного ряда форм прошедшего и настоящего исторического времен при описании последовательных действий, абстрагирование, характерное для однородных подлежащих, – все это является чертами стиля «плетение словес» и подтверждает мысль о том, что однофункциональные главные члены предложения выступают одним из грамматических средств его создания.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранкова Г. С. Житие и учение Стефана Пермского, описанное Епифанием Премудрым // Русская речь. 1994. № 1. С. 61–64.
2. Беденок А. П. Типы предложений с сочиненными глагольными сказуемыми в современном русском языке: АКД. Ростов н/Д, 1981. 23 с.
3. Белашапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967. 159 с.
4. Болгова Е. Я. К проблеме однородности-неоднородности в структурах типа «кто и зачем это сделал?» // Актуальные вопросы теории исторического и современного синтаксиса русского языка. Барнаул, 1976. С. 3–8.
5. Болгова Е. Я. О типологии предложений с однородными членами // Актуальные вопросы теории исторического и современного синтаксиса русского языка. Барнаул, 1976. С. 9–17.
6. Борковскый В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М.: Изд-во АН СССР, 1985. 187 с.
7. Буслеев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 622 с.

8. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1991. 452 с.
9. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
10. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 408 с.
11. Гневко В. Т., Кравченко З. Ф., Хмельевская Е. С. Современный русский язык. Односоставные предложения. Нечленимые предложения. Неполные и эллиптические предложения. Простое осложненное предложение / 2-е изд., перераб. Минск: Вышэйшая школа, 1985. 174 с.
12. Гождик Р. И. Субстантивное словоизменение в языке произведений Епифания Премудрого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1995. Вып. 3. С. 72–77.
13. Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 703 с.
14. Грамматика современного русского литературного языка: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1970. 767 с.
15. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. 147 с.
16. Дробленкова Н. Ф. Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 77–91.
17. Духанина А. В. Особенности употребления перфекта в сочинениях Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2. С. 72–84.
18. Духанина А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3. С. 5–19.
19. Духанина А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола): АКД. М., 2008. 25 с.
20. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. 400 с.
21. Иванова М. В. Язык «Жития Сергия Радонежского» // Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С. 143–172.
22. Иванова М. В. Язык «Жития Стефана Пермского» // Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С. 11–90.
23. Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте: Учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1989. 82 с.
24. Колесов В. В. Епифаний Премудрый и «плетение словес» // Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 188–216.
25. Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении) // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 101–111.
26. Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 73–80.
27. Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 325–334.
28. Коновалова О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 244–251.
29. Кохно В. Ф. К спорам о типологии «слитных» предложений // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 13–22.
30. Кротевич Е. В. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения // Вопросы русского языкознания. Кн. 2. Львов, 1956. С. 3–18.
31. Леонтьев А. П. Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка. Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль-подлежащим: АКД. Томск, 1982. 26 с.
32. Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI–XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 5–28.
33. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 565 с.
34. Майданский М. Н. Соединительные сочетания разноименных членов предложения // Русский язык в школе. 1965. № 5. С. 68–72.
35. Михеева Н. С. К вопросу о границах простого и сложного предложения в современном русском языке: АКД. М., 1974. 22 с.
36. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968. 230 с.
37. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Изд-во И. А. Куликовской, 1912. 312 с.
38. Перетрухин В. Н. Однородные члены предложения в современном русском языке: АДД. М., 1980. 33 с.
39. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: УРСС, 2001. 451 с.
40. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. 354 с.
41. Приаткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
42. Ремнева М. Л. Язык книжно-литературных памятников XV в. // Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 196–207.
43. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959. 198 с.
44. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
45. Собинова В. И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. 104 с.
46. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1977. 352 с.
47. Тарланов З. К. Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и сложных предложений // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 784 с.
48. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
49. Черемисина Н. В. Мелодика и синтаксис русской синтагмы // Синтаксис и стилистика. М., 1986. С. 65–85.
50. Черепанова О. А. Средства лексического варьирования в стиле «плетение словес» Епифания Премудрого // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. Вып. 2. С. 73–80.
51. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л.: Гос. изд-во, 1925. 211 с.

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zmineeva@rambler.ru

СЛОЖНЫЕ АГЕНТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА*

Статья посвящена именам существительным, обозначающим человека, которые образованы с помощью сложения в период 1960–2012 годов, зафиксированные в словарях неологизмов и в печатных СМИ.

Ключевые слова: агентив (nomina agentis), композиты, сложные слова, способы деривации, словообразовательные модели, бленд, современный русский язык

При помощи сложения образована значительная доля агентивов современного русского литературного языка на базе двух и более основ: *интернет-пользователь, женщина-мелохранитель*, в том числе с помощью интерфиксов: *бронзолитейщик, водопотребитель*, а также суффиксов: *великодержавник, долгожительница* и т. п. В статье рассматриваются продуктивные модели, по которым в русском литературном языке на протяжении последних 50 лет осуществляется образование сложных слов (композитов) со значением лица (nomina agentis). В качестве материала исследования используются данные словарей неологизмов 1971, 1984, 2009 годов [7], [8], [9] и печатных СМИ.

При отнесении имен существительных со значением лица к агентивам учитывается семантический критерий. Под nomina agentis понимаются не только отглагольные имена, но все имена существительные, обозначающие человека, поскольку с позиций когнитивистики в структуре словообразовательного значения производного слова компонент «производить какое-либо действие», «находиться в каком-либо состоянии» может быть представлен эксплицитно или имплицитно: *скрипач* – ‘музыкант, который играет на скрипке’; *первокурсник* – ‘студент, который учится на 1-м курсе учебного заведения’; непосредственно мотивирующим словом выступают имена: *скрипка, первый, курс*, однако имплицитное присутствие глаголов ‘играть’ и ‘учиться’ бесспорно. Признавая некоторую условность использования данного термина по отношению ко всем именам, обозначающим человека, следует отметить, что попытки создания более детальной таксономии номинаций лиц представляются также небезупречными; по меньшей мере спорно отнесение лексем типа *суворовец* (‘ученик суворовского училища’) к nomina possessive, а *стадионщик* (‘тот, кто часто посещает стадион’) – к nomina actoris [2; 96].

Сохраняя компоненты значений мотивирующих слов в семантической структуре но-

вообразования, сложное слово выступает как экономная однословная номинация человека по профессиональному статусу, должности, роду занятий, увлечений, личным качествам.

Закон экономии языковых средств является одним из наиболее актуальных, универсальных, присущих разным языкам мира, этим объясняется количественный рост композитов и их качественное разнообразие. Соотношение феномена сложного слова и реализации закона экономии языковых средств можно рассматривать под разными углами зрения. Экономия обуславливает актуализацию слов, образованных усечением: *зав, зам, препод (жарг.), чел;* аббревиатур – и о., *бомж* и других, вплоть до собственных имен. Если сопоставлять сложное слово, состоящее из линейной протяженности фонем с одной стороны и короткую, иногда двух-трехфонемную аббревиатуру – с другой, то композит может показаться не самым удачным примером, иллюстрирующим проявление экономии в языке. Однако, с другой стороны, сопоставляя композит и свернутую пропозициональную структуру, нетрудно убедиться в том, что именно сложные слова являются способом более краткой передачи информации.

Путем сложения происходило образование агентивов мужского, женского и общего рода в разные периоды развития языка, что нашло отражение в соответствующих памятниках XI века: *двоименитец* – ‘человек, носящий два имени’, *грамотолюбец*; XII века: *древонос* – ‘тот, кто носит дрова’; XIII века: *домочадец, древоносец, древосадец*; XIV века: *древосечец* – ‘тот, кто рубит дрова’; *дародавец*; XV века: *двоеженец*; XVI века: *голоус* – ‘безусый юнец’, *домоводича* – ‘хозяйка дома’; XVII века: *одномышленник*; XVIII века: *горемыка, горододелец* – ‘строитель’, *дуботолк* – ‘тот, кто толчет кору’, *дурносоп* – ‘самодур’, *одноворец* – ‘владелец земельного участка без крестьян’ и др. Традиция словосложения при номинации лиц была продолжена в XIX и XX веках. Вышесказанное свидетельствует о спорности точки зрения некоторых ис-

следователей, считающих сложение менее свойственным русскому языку [3], [11].

Рефлексия по поводу современной таксономии имен, в том числе сложных слов, с точки зрения семантики, словообразования и мотивации позволяет обнаружить значительное число разночтений и противоречий.

Обозначая проблемные сферы, следует назвать разграничение 1) сложных слов и словосочетаний; 2) сложения и аффиксации; 3) сложения и аббревиации.

1. Как правило, отдельно от сложения рассматриваются группы «составных наименований». В рамках чистого сложения нами рассматриваются единицы типа *генерал-афганец*, *бизнес-партнер*, *директор-менеджер* и т. п., нередко относимые к словосочетаниям [9; 253] на том основании, что первый компонент в единицах типа *социалист-революционер* является склоняемым. Однако данный критерий изменчивости не может быть признан вполне удовлетворительным и строгим, поскольку слова с несклоняемой первой частью в узусе встречаются и как склоняемые (пример РГ-80: *в плащах-палатках*), напротив, другие единицы теряют способность к словоизменению в процессе словоупотребления. В целом данная группа представляет собой семантически цельный корпус именованных лиц, именно когнитивный аспект не дает возможности по-разному квалифицировать способ деривации указанных единиц.

2. Определение способа словообразования в случае с композитами связано с проблемой разграничения аффиксальных и корневых морфем. Частотность реализации словообразовательных моделей с *-вод*, *-вед*, *-лог* способствовала переосмыслению статуса данных дериваторов и отнесению их к числу формантов-аффиксоидов, то есть аффиксов, сохраняющих элементы семантики, присущие корневым морфемам. Примечательно, что Е. А. Земская, квалифицирующая формант *-вед* как аффиксоид, тем не менее включает новые слова *пустыневед*, *кремлевед* и подобные в число сложных существительных [1; 47, 119–120], а Н. А. Янко-Триницкая, признавая неустойчивость границы между сложным словом и простым мотивированным («выводимым»), безоговорочно называет данный компонент суффиксоидом. Специфика вышеприведенных формантов видится в их генетической и функционально-семантической неоднородности. Русские *-вод*, *-вед* и заимствованное *-лог* различаются и по наличию – отсутствию слов, в которых данные элементы выступают в качестве свободных или связанных корневых морфем. Действительно, в *лермонтовед* и в устаревшем *ведать*, устарелом *ведун* (по БАС-3) семантика морфем *-вед* и *вед-* идентична; в Русской грамматике 1980 года и в БАС-3 в качестве актуального приводится соотношение *-вед* со словами на *-ведение*. Заимствованное *-лог* не выступает в ка-

честве отдельного слова (русское *лог* – омоним) и не имеет внутренней формы с точки зрения носителя языка, являющегося монолингвом.

3. Остается актуальной проблема разграничения композитов и сложносокращенных слов (аббревиатур). В этом смысле представляет интерес анализ сложных новообразований, включающих первую часть *авто*: в современном литературном языке *авто* является самостоятельным значимым словом, несклоняемым именем существительным, сочетающимся со словами разных частей речи. Примеры из Национального корпуса русского языка 2011 года: *новое компактное авто*, *регистрация авто*, *продавать авто* и т. п. – дают основание усомниться в правомерности отнесения лексемы к числу устаревающих (БАС-3), а новообразования с данным корневым морфем – к числу сложносокращенных (З. А. Потиха и др.). Новообразования *автовор*, *автоворишка*, *автоперевозчик*, *автопреступник* и подобные, фигурирующие в словарях неологизмов, следует рассматривать в качестве композитов, мотивированных производящими словами *авто* + *вор*, *воришка*, *перевозчик*, *преступник*. Аналогично использование *супер*, *вице* как самостоятельных слов позволяет отнести к числу композитов *суперженщина*, *вице-губернатор*, *вице-мэр* и подобные. Значительная часть слов, называемых сложносокращенными, рассматривается за пределами сложения и относится к аббревиации; таковы сложения инициальных частей мотивирующих слов: *старший помощник* – *старпом*, *заведующий лабораторией* – *завлаб*; слова и части слова: *санитарный инструктор* – *санинструктор*. О том, что между аббревиацией и сложением не существует четкой границы, свидетельствует выделение переходных явлений между аббревиацией и сложением (*бортмеханик* от ‘бортовой механик’) в Русской грамматике [8; 256]. Представляется правомерным рассматривать случаи так называемой «слоговой аббревиации» наряду с другими способами образования композитов. Можно привести следующие аргументы в пользу того, что слова типа *завлаб*, *завхоз*, *помреж* образованы сложением. 1) Так называемая «слоговая аббревиация» на самом деле не оперирует слогами: *зав-*, *пом-*, *зам-*, *ком-* не являются слогами; слоговое деление слова иное: *за-ве-ду-ю-щий* и др., следовательно, применять понятие слога для *зам*, *зав* и подобных терминологически некорректно. 2) Данные единицы, представляя собой совокупность линейно расположенных фонем, относятся к другому ярусу языковой системы, являются значимыми единицами, могут выступать отдельными словами: *зав*, *а*, *м*. Сокр. Разг. Заведующий [1; Т. 6, 58]; *зам*, *а*, *м*. Разг. То же, что заместитель [1; Т. 6, 316]. Оба слова зафиксированы в ТСУ 1934 года. Ученые неоднократно признавали, что слова с *нач*, *зав*, *спец*, *зам* и подобными представляют собой особый разряд сложносокращенных слов, поскольку

ку *нач, зав, спец, зам* функционируют как слова. 3) *Зам-, зав-* и другие активно участвуют в образовании сложных слов общего рода: *замминистра, завлаб* (заведующий лабораторией – 1984)¹, *завлит* (заведующий литературной частью / театра/ – 1971), *завмаг* (1989), *завпроизводством*, нескл., м. и ж. (2006), *завскладом*, нескл., м. и ж. (1989), *завуч* (1955), *завфермой* (2006), *завхоз* (1934). Итак, *зав* не представляет собой слога, это та значимая часть слова, которая позволяет идентифицировать, распознавать, перцептивно воспринимать соотносящуюся с ‘заведующий’ усеченную часть корня. 4) В процессе деривации участие не всего корня, а достаточной для его идентификации части – явление признанное и не такое редкое. Таково образование этнонима женского рода от усеченной основы мотива мужского рода *финн – финка* и др.

При анализе композитов нами рассматриваются существительные мужского, женского, общего рода, а также единицы, зафиксированные только во множественном числе; считаем данное замечание необходимым, поскольку имена лиц иногда рассматриваются отдельно от «наименований женщин», включенных в модификационную словообразовательную категорию женскости [2; 48–54, 67, 93–123, 147–155].

Нами не принимаются во внимание новые заимствованные слова типа а) *хедхантер* и б) *спич-райтер* на том основании, что слова первой группы, будучи сложными в языке-доноре, в русском таковыми не являются, поскольку ни одна из мотивирующих основ английского языка (*head, hunter*) не используется в русском ни в свободном, ни в связанном виде; в словах второй группы только одну из частей лексемы можно считать существующей в современном русском литературном языке (*произносить спичи*), вторая часть – *райтер* – как отдельное слово или отдельная основа, участвующая в деривации языковых единиц, в русском языке отсутствует.

Мотивация производного слова определяется актуальными для носителя языка связями данного слова с однокоренными, употреблением слова в контекстах, при этом возможна определенная вариативность способов словообразования. Так, *рекламораспространитель* – ‘распространитель рекламы’, в то же время возможны варианты: ‘тот, кто распространяет рекламу’, ‘человек, занимающийся распространением рекламы’. Контекст: «реклама признается *распространенной* без предварительного согласия абонента или адресата, если сам *рекламораспространитель* не докажет, что такое согласие им было получено. *Рекламораспространитель* по закону обязан немедленно прекратить *распространение рекламы* в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием» (РГ, 26.04.12). Механизм словообразования данного композита можно объяснить как сложение с интерфиксацией: *реклам(а) + о + распространитель*

(слово + о + слово) или как сложносuffixальный способ: *реклам(а) + о + распространение / распространить* (слово + о + основа глагола / отглагольного существительного/ + -и/тель).

При этом следует иметь в виду, что мотивация слова, осознание говорящим живых связей обозначенного словом понятия с одним или несколькими референтами не остаются неизменными. Динамика производственных, экономических, социальных отношений, аксиологические сдвиги в обществе способствуют изменению мотивации слова в разные периоды развития языка. Для М. В. Ломоносова в середине XVIII века было очевидно, что при образовании композита женского рода происходит замена (как писал автор, «перемена») одного суффикса другим: «В женском роде переменяют отечественные *ецъ* и *инъ* на *ка*: *Ростовка, Михайловка, Вятчанка, Ладожанка*» [4; 471]. В настоящее время композит женского рода может восприниматься носителями языка как дериват, мотивированный непосредственно глаголом, именем существительным, которыми мотивируется и однокоренной коррелят мужского рода [6]. Составители словарей отражают эту изменившуюся ситуацию. Так, в словаре «Новые слова и значения» 1984 года *воднолыжница* объясняется как ‘спортсменка, занимающаяся воднолыжным спортом’, хотя модель ‘женщина-воднолыжник’ [1; Т. 3, 19] также имеет место и является господствующей в современной лексикографии; возможно также привлечение в качестве мотивирующих слов *водные лыжи*: ‘спортсмен, -ка, занимающийся/-аяся водными лыжами’ на том основании, что наряду с выражениями «соревнования по воднолыжному спорту» в узусе распространены и такие, как «катание на водных лыжах» и т. п. В данном и подобных случаях мы привлекаем в качестве мотивирующей большую по объему, то есть в *рекламораспространитель* выделяем *распространитель* как второе мотивирующее слово, в *воднолыжник/-ница – воднолыжный (спорт)* и не считаем данную единицу образованной сложением, хоть и допускаем возможность такого рассмотрения.

Материал, извлеченный из словарей новых слов 1971–2009 годов и СМИ, позволяет выявить модели, по которым за последние столетия происходило образование композитов.

I. Чистое сложение представлено 10 моделями (70 % новообразований по данным лексикографии).

I.1. Изменяемое слово + изменяемое слово (+ флексия): *водитель-испытатель, летчик-космонавт, агент-риэлтер, батяня-комбат, бизнес-адвокат, военнослужащий-контрактник, воргастролер, генерал-афганец*.

I.2. Неизменяемое слово + изменяемое слово (+ флексия): *автопреступник < авто + преступник, кинопродюсер, кантри-исполнитель*.

1.3. Усеченная основа + изменяемое существительное (+ флексия): *велопрофессионал* < *VELO* (*велосипед*) + *профессионал*, *космофизик*, *ветспециалист*, *госфункционер*, *евроэнтузиасты*.

1.4. Усеченная основа + словоформа (+ флексия): *предисполкома* < *пред* (*председатель*) + *исполкома*.

1.5. Усеченная инициальная часть основы + усеченная инициальная или финальная часть основы: *паралангист* < *парашютист* + *аквалангист* (бленд), *главинж*, *помбур*, *военмед*.

1.6. Слово + часть слова: *выбороссы* и *выборосы* < «(Демократический) выбор + России», *дерьмократы*, *фотокор*.

1.7. Усеченная основа + неизменяемое слово: *велопрофи*.

1.8. Изменяемое слово + неизменяемое слово: *интернет-гуру*.

1.9. Неизменяемое слово + неизменяемое слово: *вице-мисс*.

1.10. Сложение 3 основ (слов): *автомотолоубитель*, *автомототурист*, *госавтоинспектор*, *радиотелемастер*, *киновидеолюбитель*, *киновидеоопират*, *киновидеотехник*, *демвыборосс*.

II. Сложение с интерфиксацией (19 % новообразований).

Сложение может сопровождаться использованием интерфиксов, соединительных гласных, представляющих собой особую разновидность аффиксов, – о, е, и, ох [5; 397–399]. Сложные слова этого типа мотивируются двумя основами, которые могут входить в производный композит полностью или в усеченном виде.

2.1. Основа + о + основа (корень) (+ флексия): *высоцковед* < *Высоцкий* + о + *вед*, *документовед*, *камневар*, *клубовед*, *яковод*, *строчкогон*, *вареньевед*, *дракуловед*, *голубо-розовый* < *голубой* + о + *розовый*, *грязнохват*.

2.2. Слово (корень) + о + слово (+ флексия): *взрывотехник* < *взрыв* + о + *техник*, *грантополучатель*, *пуховязальщица*, *собаковод*, *дачесьемщик*, *жидомасоны*, *законотворец*, *кальянокурительщик*.

2.3. Основа (корень) + о + слово (сложное, из 2 корней) (+ флексия): *легководолаз* < *легк* + о + *водолаз*.

2.4. Основа (корень) + интерфикс + основа (= корень) + суффикс (+ флексия): *бровеносец*, *букероносец*.

2.5. Усеченная основа + о + усеченная основа (+ флексия): *демороссы* и *деморосы*.

2.6. Усеченная основа + о + изменяемое слово (+ флексия): *атомостроитель* < *строитель* атомной электростанции, *демокоммунисты*, *демомутанты*, *демоцентристы*, *клеткакапиталист*, *афроамериканцы* и *афророссияне*.

2.7. Слово + о + усеченная основа (+ флексия): *кайфолом*, *канадовед*, *кактусовод*, *ландшафтовед*, *лосевод*.

III. Сложение с суффиксацией (11 % новообразований).

3.1. Основа (корень) + о/е + основа + суффикс (+ флексия): *вирусописатель* < *вирус* + о + *писать* + *тель*, *восточноевропейцы*, *второклашка*, *грантодатель*, *кайфоломщик*.

3.2. Основа (из 2 корней) + о + основа + суффикс (+ флексия): *самолетостроитель* < *самолет* + о + *строи* + *тель*, *электровозостроитель*, *младшеклассник*, *младшекурсник*.

3.4. 2 основы + суффикс (+ флексия): *долгожительница*, *сельхозник*, *трехсоттысячник*, *гребец-академик* – ‘гребец, занимающийся академической греблей’.

Новые композиты активно используются авторами публикаций в СМИ: *чудо-пенсионер*, *налогоплательщик-миллионер*, *наркосадовод*, они являются высокочастотными. Использование продуктивных моделей сложения позволяет передать отношение к проблемам современного социума; так возник окказионализм *секстремистки*, мотивированный двумя контаминированными заимствованиями, с помощью которого журналисту удалось выразить осуждение широко обсуждаемых акций по демонстративному уничтожению символов христианства в Европе представительницами FEMEN: «Крестоповал продолжается. На днях *секстремистки* из FEMEN под овации зрителей показательно спилили в Нидерландах три авторских креста, предварительно установленных организаторами арт-фестиваля Gogbot» (РГ, 2012, № 211). Деривационная модель феминутива: *секс* и *экстремист* + к (+ флексия). Инициальная часть, как и в словах *секс-меньшинства*, *секс-бомба* и других, не изменяется. Языковая игра использована также при образовании таких лексем на основе контаминации, как *бизнес-мент* (вариант *бизнесмент*), *восьмидерасты* (публ. неодобр.) < *восьмидесятники* + *педерасты*, *демокрады*, *клеткакапиталист*.

Наиболее продуктивными являются модели чистого сложения, которые используются для производства номинаций лица по профессиональному статусу (*визажист-стилист*, *бизнес-консультант*, *интернет-продавец*), социальному (*дети-узники*), общественно-политическому (*кандидат-дублер*, *кандидат-одномандатник*), свойствам, качествам (*интернет-фан*); кроме того, данная модель позволяет аналитически обозначить гендерную характеристику лица (*женщина-предприниматель*, *женщина-кандидат*, *автор-ведущая*, *леди-ястреб*).

При образовании отдельных композитов можно выявить плеоназм, заключающийся в семантическом дублировании инициальной части у слов *автоводитель*, *агент-риэлтор*, *мастер-электрик* и некоторых других. Сложные дериваты используются для привлечения внимания читателя, акцентирования смысла, в том числе в композитах с семантически избыточными ком-

понентами (женщина-предпринимательница, ястреб-силовик), а также для выражения характеристики, оценки, экспрессии (реформатор-камакадзе – о Е. Гайдаре, наночеловек – о Д. Медведеве, леди-ястреб – о Кондолизе Райс). По названной модели образованы высокочастотные лексемы *топ-менеджер*, *топ-модель* и другие; следует заметить, что *топ* в настоящее время является свободной основой, так как используется как изменяемое слово мужского рода 1-го склонения со значением ‘верхний, высший’: *входить в топы рейтингов* (ТВ). Отдельные мотивирующие основы, в том числе усеченные, обнаруживают особо высокую продуктивность, так, существительное *авто* выступает мотивирующим в десятках неологизмов: *автомеханик*, *автопассажир*, *автопромышленник*, *автопутешественник*, *автосборщик*, *автоскреперист*, *автоспортсмен*, *автостроитель*, активны также *радио*, *кино*, *зав*; среди усеченных следует отметить активность *гос-*, *дем-*, *глав-*: *госчиновник*, *демлидер*, *демреформаторы*, *главмех* и др.

Модель является универсальной для разных сфер и широко представлена в СМИ (*замзавка-федрой*, *ученые-интеллектуалы*, *зрители-потребители*, *мужчина-кинозвезда*, *блогеры-государственники*; *мужчина-доминант*, *девушка-доминант*, *доминант-женщина* под влиянием англ. *dominant woman*). Специфика парадигматических характеристик слов данного типа со-

стоит в том, что могут изменяться как обе части композита (*секретарь-референт*, *секретаря-референта*, *секретарю-референту* и т. п.), так и только вторые части сложных слов, первые воспроизводятся каждый раз в неизменном виде (*интернет-пользователь*, *бренд-менеджер*).

Большая часть анализируемых лексем представлена единицами нейтральными, стилистически маркированными относительно немного: *демиизоиды* (публ. презрит.), *демомутанты* (публ. презрит.); *евростроители* (публ. ирон.); *одноделец* (разг. проф.); *строчкогон* (разг. ирон.); разгворные *замглавы*, *замгубернатора*, *сельхозник*.

В ряде случаев наблюдается вариативность а) в порядке следования компонентов лексемы: *кассир-контролер* и *контролер-кассир*, б) в использовании суффиксального и безаффиксного мотивата: *кинофан* и *кинофанат*, в) в орфографии: *бизнес-леди* и *бизнеследи*, *демроссы* и *демросы*, что свидетельствует о продолжающемся освоении неологизмов.

Сложение успешно конкурирует с аффиксацией, сложные дериваты выступают как экономные однословные профессиональные и непрофессиональные номинации человека, стилистически нейтральные и маркированные, на базе русских и заимствованных слов, позволяющие, наряду с референцией, выразить оценку, проявить лингвокреативность, отразить в *nomina agentis* наиболее значимые социальные события.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В скобках приводятся даты первой фиксации в словарях по БАС-3 [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича. М.: СПб., 2004–2012.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Отв. ред Д. Н. Шмелев. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языком современных масс-медиа. М., 1994.
4. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. Труды по филологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
5. Лопатин В. В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. М., 2007.
6. Минеева З. И. Деривация русских агентивов женского рода // Ученые записки Петрозаводского госуниверситета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 3(124). С. 56–59.
7. Новые слова и значения / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М., 1971. 543 с.
8. Новые слова и значения / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.
9. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб., 2009. 816 с.
10. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982.
11. Шапошников В. Н. Словообразование 1990-х // Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 2010. С. 90–102.

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ole-njonok@mail.ru

КОНТЕКСТЫ С ОККАЗИОНАЛЬНОЙ СИНТАГМАТИКОЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»*

Описываются и анализируются окказиональные конструкции в повести А. Платонова «Котлован». Особое внимание уделяется нарушениям привычной языковой сочетаемости, выявленной на лексико-семантическом уровне, а также приводятся случаи нарушения грамматической сочетаемости.

Ключевые слов: окказиональная синтагматика, нарушение сочетаемости, идиостиль Платонова

Традиционно под сочетаемостью понимается свойство языковых единиц участвовать в образовании единиц более высокого уровня, а также способность языковых единиц вступать в синтагматические отношения друг с другом. Сочетаемость слов определяется грамматическими, лексическими, семантическими факторами и изучается по преимуществу теорией словосочетаний. При этом особую роль играет тот аспект синтагматики, который определяется *семантическим соответствием*, то есть отсутствием у компонентов сочетания противоречащих сем. Отступление от законов сочетаемости приводит к нарушению литературной нормы, однако намеренное нарушение правил синтагматики может быть средством художественной выразительности. Здесь мы можем говорить об окказиональной валентности – сочетаемости, которая нарушает привычные ассоциативные связи слов, заложенные в языковой системе, и порождает индивидуально-авторский контекст.

В повести «Котлован» А. Платонова в первую очередь привлекают к себе внимание сочетания слов, производящие впечатление «неправильного» языка. Предмет специального рассмотрения в настоящей статье – окказиональные нарушения общезыковых норм, которые наблюдаются на синтаксическом уровне.

Обращает на себя внимание нередкая в платоновском тексте фигура речи, демонстрирующая семантическую разнородность элементов сочинительной конструкции при сохранении их синтаксической однородности (так называемая *зевгма*), например, в предложении: «*Мама, а отчего ты умираешь – оттого, что буржуйка или от смерти...*» [7; 119]. Кроме того, здесь автор использует словообразовательный повтор, порождающий тавтологию: *умирать от смерти*.

Конструкцию с зевгмой наблюдаем и в предложении «*И ему жалко стало, что его потерянная подруга и многие нужные люди обязаны жить и теряться на этой смертной земле...*» [7; 112–113], в котором автор, соединяя грамматически однородные компоненты в составе

составного глагольного сказуемого, достигает при этом такой логической разноплановости понятий, которая ярко подчеркивает абсурдность происходящего.

Тот же эффект достигается автором, когда из уст маленькой девочки вырывается страшная фраза: «*Моя мама себя тоже сволочьёю называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала, правда ведь?*» [7; 130].

Мотив размытости, неопределенности, прозрачности границ между жизнью и смертью прослеживается и в предложении с зевгмой: «*Но активист, притаясь или умерев, ничем не ответил Воцеву*» [7; 181].

В предложении «*Прушевский сумел в краткое время поправить радио, но оттуда послышалась не музыка, а человек*» [7; 167] сочинительной связью соединены одушевленное и неодушевленное существительное, что позволяет Платонову отобразить действительность, в которой стерты границы между живым и неживым.

Контекст «*Колхозные мужики были светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте*» [7; 165] демонстрирует окказиональную однородность с бессоюзной и сочинительной связями, соединяющими слова семантически далекие, разноплановые: *не жалко* – передача эмоций, *безвестно* – логико-мыслительная оценка, *прохладно* – физическое ощущение. В другом отрывке из «Котлована»: «*...чтобы сердца молотобойца и Чиклина лишь надеялись и дышали*» [7; 168] – зевгма формируется в результате того, что глаголы-сказуемые принадлежат разным лексико-семантическим группам: *надеялись* передает мыслительный процесс, *дышали* – физический.

В высказывании «*главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, а не в гигантском руководящем масштабе*» [7; 113], объединяя сочинительной связью с противительными отношениями абстрактное и конкретное, автор стремится показать, что великое – «гигантский руководящий масштаб», «главное организаци-

онное строительство» (здесь можно провести параллель с известным канцеляризмом «гигантские масштабы строительства»), представленное чиновниками, руководящими стройкой всей страны, не может свершиться без малого – людей, трудящихся в одном «овраге» – котловане. Ту же идею автор передает и в предложении «люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней» [7; 165], в котором Платонов, соединяя союзом «и» общее и единичное, ставит задачу подчеркнуть исключительную самоценность человеческой личности и индивидуальной судьбы на фоне масштабных перемен в стране.

Встречаем конструкции, в которых сочинительной связью объединяются разные части речи, относящиеся к различным семантическим группам (например: «...и сколько годов он ни смотрел из деревни вдаль и в будущее» [7; 126]), с помощью союза *и* соединены обстоятельства – пространственное наречие и существительное со значением времени.

Частотны случаи намеренного и скрытого в подтексте **неразличения синонимов**. Так, например, заменяя прилагательное *старый* на *давний* в словосочетании *давние гвозди* («и давние гвозди торчали из него (забора. – О. С.), освобождаемые из тесноты древесины силой времени» [7; 117]), автор «смещает» временную характеристику из сферы личных или абстрактных денотатов (друзья, события) в область конкретных неодушевленных референтов.

В предложении «Вот и еще надлежало бы и товарищу Воцеву приобрести от Жачева карающий удар» [7; 117] глагол «приобрести» употребляется вместо глагола «получить». Будучи синонимами только в своем прямом значении, эти слова совпадают лишь в одном из них: «стать обладателем, владельцем чего-либо», поэтому в данном контексте невозможна замена одной лексемы другой в синонимической паре: в словосочетании *приобрести удар* глагол *приобрести* употреблен в переносном значении.

В предложении «Полуголый стоял без всякого впечатления» [7; 129] словоформа «без чувств» заменяется на недопустимый в данном контексте квазисиноним «без впечатлений».

В конструкции «все более ощущался личный позор» [7; 121] нарушение традиционной сочетаемости происходит из-за неуместного употребления главного компонента словосочетания. Поскольку герои сами оценивают себя, на наш взгляд, с точки зрения узуальных норм уместнее было бы вместо существительного *позор*, подразумевающего оценку со стороны, употребить существительное *стыд*, однако и лексема *стыд* не сочетается с прилагательным *личный*. В предложении «вышли из задних клеток и разных укрытых препятствий жизни» [7; 180] прилагательное «скрытые» заменяется синонимом, в результате чего главный компонент словосочетания «укры-

тые препятствия», таким образом конкретизируясь, получает совершенно иную интерпретацию: происходит «овеществление» абстрактного понятия «жизненные препятствия, преграды».

Частотен в платоновской повести **метонимический перенос** (характеристика человека переносится на его часть – глаза (1), голову (2, 3, 4), лицо (5, 6, 7), движение (8)): 1) «Чиклин поднял Настю на руки, и она открыла опавшие свои, высохшие, как листья, смолкшие глаза» [7; 181]; 2) «Воцев... еще более поник своей скучающей по истине головою» [7; 181]; 3) «...слушал дремлющей головой» [7; 184]; 4) «Одна девушка стояла перед ним – в валенках и в бедном платке на доверчивой голове» [7; 175–176]; 5) «а затем прошелся убежденной походкой и сделал активно мыслящее лицо» [7; 116]; 6) «спросил старик, складывая для внимательного выражения свое чтущее лицо» [7; 118]; 7) «Он имел уже пожилое лицо» [7; 98]; 8) «а молотобоец двигался рядом с ним грустным шагом» [7; 181].

Помимо метонимического переноса, в повести встречаем и **метафорический перенос**. Особенно частотны конструкции существительного с родительным падежом, нередко представляющие собой генитивную метафору: «со скупостью сочувствия полагал Воцев» [7; 83], «мы не хотели очутиться в хвосте масс» [7; 81], «За ним отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую почвой нечистот...» [7; 129] (подробнее о генитивной метафоре см. [4]).

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов как одна из ключевых особенностей идиостиля писателя обращает на себя внимание уже с первых строк повести. Так, например, использование А. Платоновым сочетания прилагательного *неимущее* вместо *рабочее*, *пролетарское* с существительным *движение* («Рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшем счастье» [7; 106]) приводит к разрушению термина.

Общеизвестный политический штамп «элемент» в значении «человек как член какой-нибудь социальной группы» [8], почти не используемый в современном русском языке, достаточно активен в повести Платонова и в большинстве случаев встречается с определяющим словом: «...старичок кафельного завода и прочие неясные элементы» [7; 180]; «если он представится туда жалобным нетрудовым элементом» [7; 93]; «Тот закон для одних усталых элементов» [7; 94]; «кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента» [7; 182]. Такое частое и обычно трансформированное использование терминов («классовый элемент», «кулацкий элемент») свидетельствует о том, что человек воспринимается не как личность, а лишь как «составная часть чего-нибудь» [8], и неоднократно наделяется отрицательной характеристикой: «Этот дворовый элемент есть смертельный вредитель» [7; 140],

«да мы и класс свой будем скоро чистить от неосознанного элемента» [7; 130].

Нередки случаи **семантической тавтологии**, которая, как известно, в большинстве случаев недопустима в языке [5; 385] (подробнее о плеоназме у Платонова см. [6]). У Платонова же конструкции с семантической тавтологией обнаруживаем при анализе всех видов подчинительной связи: а) согласование: «*последнее прощанье*» [7; 118]; б) управление: «...*откуда же ты вспомнишь мысль*» [7; 87], «*Жачев, уравновесив движение, успел сообщить с линии полета свои слова...*» [7; 114]; в) примыкание: «*а уж когда все совместно собрались*» [7; 145]; «...*все глухо смолкло*» [7; 169]; «*Но медведь и без того настолько усердно старался...*» [7; 159]; «*Чиклин сразу, без пристальности, обнаружил в них переученных наоборот городских служащих...*» [7; 101]; «*Настя... села с ним посидеть*» [7; 133]; «*Воцев... там прилег полежать*» [7; 131]; «*и он опускал вниз затихшие глаза*» [7; 129].

Семантическую тавтологию обнаруживаем и при обособлении: «*Лампа горела перед его подозрительным взглядом, умственно и фактически наблюдающим кулацкую сволочь*» [7; 136].

Тождество «тело – человек» возникает в тех контекстах, где происходит материализация духовного начала и где индивидуум уже не воспринимается как одушевленный субъект: «*Воцев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с таким хищным значением*» [7; 182]; «*Левая рука Козлова свесилась вниз, и весь погибший корпус его накренился со стола, готовый бессознательно упасть*» [7; 140].

Существительное *тело* в словосочетании *свалив тело* («*Сафронов управился принести Жачева и, свалив его изнемогшее тело в угол барака, сказал...*» [7; 114]), сопрягаясь с глаголом «свалив», несущим негативную коннотацию, демонстрирует пренебрежительное, равнодушное отношение к человеку, который воспринимается не как живое существо, а как вещь. Подобное указание на «тело» – главное составляющее феномена «человек», отстраняющего на второй план личностные качества, – встречаем у Платонова неоднократно: «*Тело Воцева было равнодушно к удобству*» [7; 81]; «*Их тело сейчас блуждает автоматически*» [7; 82]; «*Воцев почувствовал холод усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых*» [7; 87]. Лексема «вещество» характеризует лишь неживое, вещественное, но, используя ее в контексте с существительным «тело», автор стремится еще больше подчеркнуть овеществление человека: «...*Воцев согласен был и не имеет смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого...*» [7; 91].

В предложении «*Прушевский остыл от ночи...*» [7; 97] глагол *остыть* употреблен, по всей вероятности, вместо глагола *замерз*. Контаминация прямого значения (*остыть*, то есть стать

холодным, потеряв тепло) и переносного (*остыть*, то есть душевно охладеть) приводит к тому, что человек начинает восприниматься как объект неодушевленный, отождествляются два противоположных начала: жизни и смерти. Кроме того, временное понятие заменяет позицию обстоятельства не времени (*остыл ночью*), а причины: *остыл от ночи* по аналогии с сочетанием «от холода».

Необходимо заметить, что координация глагола «остыть» (а также причастные формы) в значении «замерзнуть» с одушевленным существительным – не единичный случай. Подобная конструкция встречается в тексте неоднократно: «*Чиклин и Сафронов сильно остыли и были в глине и сырости*» [7; 107]; «*Девочка не тратила свое тепло на остывающую мать*» [7; 120]; «*Мужик слышал то и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть снаружи*» [7; 147]; «*Остывает, – пощупал Воцев шею мужика*» [7; 147]. Примечательно, что из семи случаев, в которых употребляется глагол «остыть», только в одном глагол используется автором в прямом значении и координируется с неодушевленным существительным («*Сарай остыл без лошадиного дыхания*» [7; 155]), в одной конструкции – как узуальный метафорический перенос в значении «успокаивать»: «*Выйди остынь, дьявол!*» [7; 173].

В повести можно наблюдать и обратное: **о неживом** говорят, **как о лице**: «...*и он (Чиклин. – О. С.) мог... только пощупать ее (лестницы. – О. С.) истомленный прах*» [7; 118]. Олицетворение материала находим в предложении «*Грунт перестал терпеть вечность*» [7; 120]. Глагол *терпеть* (не в метафорическом значении) координируется только с одушевленными существительными, здесь же этот глагол употреблен с неодушевленным существительным, что приводит к персонификации материала, который изображается как живое существо, олицетворяется.

Иногда в конструкциях с нарушенной сочетаемостью могут возникать и **оксюмороны**, **алогизмы**: «*Он был постоянно удивлен*» [7; 153]; «*бегая от ласково ревущего Жачева*» [7; 167]; «*Чиклин курил и равнодушно утешал умерших своими словами*» [7; 138]; «*он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы*» [7; 128]; «*Вчера вернулся с раскулачки, так все топтался и по-хорошему бурчал*» [7; 172].

Классификация окказиональных конструкций представляется возможной и на сугубо формальной основе. Указанный вид классификации мы используем при описании грамматических нарушений в области синтагматики. Так, в тексте платоновской повести выделяются четыре основные группы окказиональных конструкций: окказиональное сочинение, окказиональное подчинение, окказиональное обособление и окказиональное распространение придаточной части.

1. Окказиональное сочинение:

На первый взгляд может показаться, что в предложении «*Смотри, Чиклин, как колхоз идет*

на свете – скудно и босой» [7; 144] сочинительной связью объединены второстепенные члены предложения, но при анализе становится понятно, что союз *и* соединяет наречное обстоятельство и именную (адъективную) часть составного глагольного сказуемого (подробнее об особенностях подчинительной связи слов с адъективами см. [2]).

2. *Окказиональное подчинение* представлено лишь связью управление.

Обнаруживаем конструкции, демонстрирующие грамматические деформации в плане расширения предложно-падежной рамки. Так, в предложении «Только я одна буду помнить тебя в твоей голове» [7; 119] глагол «помнить» не требует при себе распространителя в предложном падеже, а его обычная грамматическая валентность ограничивается лишь винительным падежом.

В предложении «В ту минуту за оврагом, по полю, мчался один человек, которого еще нельзя было разглядеть и остановить; его тело отощало внутри одежды...» [7; 114] замена предлога *внутри* предлогом *под* отображает идею замкнутости субъектного пространства. Замена предлог *в* на *у* в словосочетании «заслуги в девочке» («– А какие, товарищ Жачев, заслуги или поученья в твоей девочке?» [7; 116]), Платонов подчеркивает не духовное, а телесное начало. Человек становится как бы «вместилищем» своих заслуг, его духовный мир перестает восприниматься как нечто ценное, на первый план выходят общественно значимые заслуги.

Встречаем конструкции, в которых окказиональность возникает из-за «неправильного» сочетания предлога и глагольной приставки: «И Воцев ушел в одну открытую дверь» [7; 131]; «Девочка вышла с места...» [7; 126].

В конструкции *не мог ничего думать* [7; 100] непереходный глагол *думать* становится контекстуально переходным, что приводит к трансформации грамматической узальной валентности глагола.

В «Котловане» находим такие контексты, в которых происходит замена одного вида подчинительной связи на другой: «...он сидел в углу, опершись туда спиной...» [7; 170] – вместо кон-

струкции, построенной по схеме «глагол + на + имя существительное в винительном падеже». В словосочетании «ручной удар» («Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь...» [7; 179]) согласование уместнее было бы с точки зрения привычной грамматики заменить на конструкцию с управлением: «ударил рукой».

3. *Окказиональное обособление*.

В тексте «Котлована» находим конструкции с неправильным употреблением деепричастного оборота. Известно, что деепричастие и сказуемое должны обозначать действие одного и того же субъекта, но в повести есть конструкции, в которых нарушается это правило, что сближает слог платоновского героя с просторечием, способствуя тем самым характеристике действующих лиц: «Видя по его телу, класс его бедный» [7; 87].

4. *Окказиональное распространение придаточной части*: «Он не уважал, чтобы на него подавали заявление» [7; 113]. Лексема *уважать* предполагает направленность процесса на объект-лицо и оценку его с морально-нравственной точки зрения (*не уважать кого-то за что-то*). А. Платонов же использует данный глагол без обязательного распространителя, подобного модальному глаголу (*хотеть, желать*).

Синтагматические нарушения выявляются при описании жизни строителей «котлована» (то есть нового мира) и практически не отмечены в рассказе повествователя о прошлой жизни. Неправильность, неожиданность и банальность, тавтологичность фраз подчеркивают идею хаоса, дисгармонии новой жизни, мертворожденности нового общественного идеала, неверности выбранной цели, бессмысленности и неправильности пути: «Она сейчас сахару не ест для твоего строительства» [7; 116] (абсурдная связь между целью и средствами ее достижения).

«Смещение» слов в контексте с привычной сочетаемостью ярко выявляет неожиданные трансформации сознания нового человека, а нарушение связей слов в «новоязе» героев передает и копирует разрушение традиционных связей в обществе и дисгармонию в отношении человека и природы.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйлов В. В. Парономазия в повести А. Платонова «Котлован» // Русский язык в школе. 1999. № 5. С. 69–73.
2. Копелиович А. Б. Подчинительные связи слов адъективного типа // Язык. История. Культура. Кемерово, 2003. С. 49–57.
3. Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 170–173.
4. Михеев М. Ю. Жизнь мышья беготня или тоска тщетности? (метафорической конструкции с родительным падежом) // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 47–70.
5. Михеев М. Ю. Неправильность платоновского языка: Намеренное косноязычие или бессильно-невольное «затруднение» речи? // Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 385–394.
6. Михеев М. Ю. Андрей Платонов: Между плеоназмом, парадоксом, анаколумом и языковым лягушечником // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4. С. 19–29.
7. Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988.
8. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2002.

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 annnilova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГОРАЦИАНСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА*

Проблема горацианского влияния в лирике поэта рассматривается на уровне тем, мотивов и образов. Ключевые слова: лирика Лермонтова, поэзия Горация, образ, тема смерти, поэтическая традиция

Проблема присутствия античного элемента в лирике М. Ю. Лермонтова находится на стыке двух, на первый взгляд, взаимоисключающих фактов биографии и творчества поэта. С одной стороны, в произведениях Лермонтова значительно меньше по сравнению с пушкинскими текстами слов, связанных с античной мифологией и образностью [12; 717], с другой – Лермонтов рос и учился в обстановке постоянного присутствия «античного элемента» в быту и культуре (см. [7], [9]), чтение античных авторов в оригинале входило в учебные программы. Поэт изучает в пансионе латинский язык; там же и впоследствии в университете он учится у А. Ф. Мерзлякова, популяризатора и пропагандиста античной литературы в русской литературной среде [10; 160–164]. Летом 1830 года Лермонтов познакомился с братом известного переводчика Горация В. И. Орлова, семинаристом Орловым, с которым много беседовал и спорил по поводу переводов его брата [3; 223–225]. В ранний период своего творчества Лермонтов многократно обращался к античному наследию – и непосредственно, и через произведения русских и европейских авторов.

Несколько сложнее обстоит дело со стихотворением 1831 года «К Неэре». Оно обычно рассматривается в контексте элегического творчества поэта. Так, В. Вацура называет его «очень обычной для 1820-х годов элегией» и сравнивает его со стихотворением Е. Баратынского «Делии» [4; 57, 59]. Автор статьи в «Лермонтовской энциклопедии» Л. М. Аринштейн утверждает, что «стихотворение принадлежит не антологической, а романтической традиции» [2]. Даже античное – греческое – по происхождению имя адресата стихотворения обычно связывают с современной Лермонтову поэтической традицией. Тем не менее осмелимся предположить, что это стихотворение заслуживает более пристального внимания в контексте рассуждений об античных реминисценциях в творчестве Лермонтова и демонстрирует более глубокое, чем принято считать, знакомство поэта с горацианской традицией.

Имя Неэра упоминается в оде III, в 14-й и 15-й эпосе Горация, в элегиях третьей книги Тибулла,

у А. Шенье и А. Ф. Мерзлякова. Б. М. Эйхенбаум считал, что Лермонтов заимствовал это имя из стихотворения А. Шенье «Néège», перевод которого А. Колышкевич опубликовал в журнале «Галатея» (№ 31 за 1829 год) [12; 493]. Выбор именно этого источника заимствования в комментариях Эйхенбаума не объясняется. Комментаторы в более поздних изданиях Лермонтова имя адресата стихотворения возводят уже не только к Шенье, но и к Горацию, Тибуллу и Мерзлякову. Так, в примечаниях к четырехтомному собранию сочинений поэта говорится, что «Лермонтов мог заимствовать это имя у Тибулла (ср. перевод А. Киреева (1829) с названием “К Нэере”), Горация (ср. это имя в “Опытах перевода Горациевых од” В. Орлова, 1830) и из других источников, в том числе из идиллий А. Шенье, одна из которых озаглавлена “Нэера”. В современной Лермонтову литературе имя Неэра встречалось у Мерзлякова (стихотворение “К Нэере”» [5]. Здесь следует заметить, что из «Опытов перевода Горациевых од» Лермонтов заимствовать это имя не мог: Орлов не переводил оду Горация III, 14 («Neculis ritu modo dictus») [1], в других же одах римского поэта это имя не упоминается. Более того, содержание указанной оды Горация не имеет ничего общего с содержанием стихотворения Лермонтова. Римский поэт описывает возвращение Цезаря из Испании и прославляет его правление. Неэра (Neaera) здесь – певица, приглашенная на праздник: *dic et argutae properet Neaerae murreum nodo cohibere crinem* (скажи, пусть поспешит сладкоголосая Неэра, в узел стянет надушенные миром волосы). Неэра 15-го эпоса – вероломная красавица, которой обманутый возлюбленный предрекает скорую расплату. Основного для лермонтовского стихотворения мотива быстротечности времени в этих стихах Горация нет. Также далеки от лермонтовского стихотворения элегии Шенье и Мерзлякова.

В стихотворении «Неэра» французский поэт изображает умирающую девушку, которая в последние мгновения перед смертью вспоминает своего возлюбленного и обещает, что ее душа прилетит на его зов. Произведение же учителя Лермонтова – А. Ф. Мерзлякова – представляет

собой пространные стенания отвергнутого возлюбленного и, как и предыдущие стихи, не содержит мотива скоротечности жизни, символом которой становятся быстроувядающая девичья красота и свежесть розы. Тем не менее при всем различии героини Лермонтова и ее литературных предшественниц стихотворение «К Неэре» имеет образец в гораццианской лирике – это чрезвычайно популярная в конце XVIII – начале XIX века ода I, 5 «*Quis multa gracilis te puer in rosa...*» («К Пирре»). Именно в этой оде Горация присутствует образ легкомысленной красавицы и мотив скоротечности и изменчивости ее любви. К 1831 году русскими авторами было сделано 7 переводов и подражаний оде Горация [1; 277]. Самые известные из них: Г. Р. Державин «Пирре» (1804), В. Л. Пушкин «К Пирре» (1808), А. Ф. Мерзляков «К Пирре» (1811), В. В. Капнист «К Пирре» (1818). Все указанные стихотворения являются скорее подражаниями, чем переводами. В них не соблюдается поэтический размер образца и значительно превышает его объем: 12 строкам оды римского классика соответствуют 27 строк у Державина, 29 у В. Л. Пушкина, 30 у Мерзлякова и 32 у Капниста. Это увеличение вызвано тем, что в стихах русских авторов описания более пространны, а темы, которые у Горация только намечаются, становятся предметом обширных размышлений. Так, краткое описание внешности Пирры (*cui flavam religas comam // simplex munditiis* – для кого золотистые заплела кудри просто и изящно), занимающее у Горация полторы строки, у его подражателей иногда превращается в очень подробные характеристики с большим количеством деталей.

Державин:

И для кого ты так небрежно
На голубые взоры нежно
Спустила прядь золотых волос?

Это описание поэт дополняет замечанием: «В сие время модная прическа женщин состояла в том, что спускали прядями волосы на лицо». Я. Грот предположил, что поэт здесь описывает моду времени создания переложения и сравнивает описанную Державиным прическу с прической его жены на одном из портретов [6; 515].

В. Л. Пушкин:

По груди снежной, белой,
Как будто ненарочно,
Власы ты распуская,
Взираешь на него!

Мерзляков:

Алые персты твои расплетают
Шелкову косу на радость счастливец:
Волны струйчата злата
Пали роскошно на лилии персей,
Выя на рамо; рука в руку; тают
Негой страстную очи...

Капнист:

И для кого плетешь в небрежном
Убранстве злато льнистых кос?

Во всех подражаниях, кроме стихотворения Мерзлякова, присутствует чуждая античной поэзии рифма, а В. Л. Пушкин использует и свойственный легкой поэзии трехстопный ямб. Мерзляков пытается передать строфическое строение оды Горация (третья асклеиадова строфа) строфой из двух строк четырехстопного дактиля с усечением в один безударный в последней стопе и одной строки трехстопного дактиля также с усечением. Сосредоточившись на детальном, очень подробном описании свидания Пирры с красавцем и передавая отчаянный монолог отвергнутого любовника, Мерзляков отказывается от завершающего гораццианскую оду и присутствующего у других авторов в конце стихотворения описания, восходящего к римской традиции посвящать богу моря одежды, в которых спасся потерпевший кораблекрушение. В этом стихотворении автору вместо радости любви «веет радость с лиры звучныя Феба».

Стихотворение Лермонтова «К Неэре» начинается с описания, восходящего к пятой оде первой книги Горация, причем по простоте и краткости это описание гораздо ближе к Горацию, чем соответствующие фрагменты предшественников Лермонтова:

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?

Это не единственный в его творчестве пример сближения с античным первоисточником в обход хронологически более близкого образца.

Стихотворение «К Неэре» состоит из 24 строк и написано редким для Лермонтова трехстопным амфибрахийем со сложной рифмовкой: четные строки имеют перекрестную неточную рифму, в нечетных строках рифма непоследовательна. Поэт использует основную идею оды – скоротечность и изменчивость жизни, чьи радости и соблазны мимолетны, но иначе ее реализует.

Оду Горация можно условно разделить на три части: описание внешности Пирры и свидания девушки, рассуждение о быстротечности и изменчивости жизни, кратковременности ее радостей, которыми в данном стихотворении является любовь и внимание легкомысленной красавицы, отказ автора от соблазнов любви. В лермонтовском стихотворении тоже можно выделить три части: описание внешности, рассуждение о быстротечности времени, которое не щадит ничто и никого, осмысление смерти как возможности избежать разрушающее воздействие времени и сохранить красоту. Лермонтов не изображает свидание, он отказывается от описания конкретной истории любви и характеристики жертвы красоты и мимолетных чувств героини, рассуждения о скоротечности счастья

занимают у него значительно больше места и по сравнению с одой римского поэта, и относительно остальных частей стихотворения; он изменяет и сам способ репрезентации идеи скоротечности радостей жизни. Для Горация доказательством этого служит переменчивость чувств красавицы, у Лермонтова – кратковременность самой красоты девушки, которая вслед за утратой красоты утратит и свою власть над сердцами и любовь к себе, ей, а не отвергнутому ею поклоннику придется изведать горечь измены. Сходные мотивы есть и в стихотворении Баратынского «Делии», с которым сравнивает лермонтовское произведение Вацуро. Но в стихотворении Баратынского вслед за предсказанием скорой утраты красоты героини следует описание жалких ухищрений, на которые идет бывшая красавица, дабы сохранить привлекательность и внимание. Подобное ироничное, почти сатирическое описание мы наблюдаем в оде Горация III, 13 («К Лике»). Лермонтов не использует эти дополнительные мотивы, сосредоточивая внимание на главном мотиве скоротечности жизни. Устранение описания свидания, а значит, и второго персонажа, придает утверждению о скоротечности жизни и переменчивости счастья большую объективность и универсальность, лишает его сиюминутной или ситуативной конкретности.

Изменяет Лермонтов и образ главной героини. Пирра Горация классически проста и ясна, Лермонтов придает своей героине романтическую таинственность, недосказанность:

Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?

Поэт придает новое, романтическое звучание образам и мотивам, обновляет и придает им свежесть, одновременно вступая в полемику с Горацием.

Крупнейший лирик Древнего Рима Квинт Гораций Флакк считал, что богатство, слава, власть и даже красота и любовь уничтожаются смертью. Единственной возможностью продолжения жизни после смерти, по его мысли, является поэтическая слава – тот вечный памятник, который не может разрушить ни разъядающий дождь, ни ветер, ни череда бесчисленных лет. Лермонтов же проблему конечности человеческого существования и мимолетности земных ценностей решает в рамках романтической, а не классической системы идей: не желая смириться с гибелью красоты, лирический герой предлагает умереть ее носительнице, сохранив таким образом и свое очарование, и свою власть над сердцами. По мнению поэта-романтика, смерть не уничтожает, а сохраняет благодаря памяти. Память, воспоминание, припоминание – один из важнейших мотивов лермонтовского творчества. «Забвенья не дал Бог» Демону, который «не взял бы забвенья», Печорин говорит о себе: «Я странно создан, я ничего не забываю». Память, незабвенность – один из источников страданий героев Лермонтова, но и возможность преодолеть конечность человеческой жизни. Именно память сохранила для поэта звуки песни, которую пела его мать.

В последних строках стихотворения «К Неэре» появляется образ юноши, но это не *gracilis puer* горацянской оды. Лермонтовский «юный красавец» не имеет личностных характеристик, его голос – это голос памяти, преодолевшей всепоглощающее время и сохранившей юность и красоту. Сложно сказать, ориентировался ли Лермонтов непосредственно на оду Горация, на стихи кого-то из его подражателей, или в его стихотворении отразился весь комплекс восприятия оды римского автора в русской поэзии, но влияние горацянских традиций на стихотворение «К Неэре» очевидно.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиогр. указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 399 с.
2. А р и н ш т е й н Л. М. «К Неэре» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 210.
3. Б р о д с к и й Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1945. 348 с.
4. В а ц у р о В. Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М.: Новое издательство, 2008. 714 с.
5. Г о л о в а н о в а Т. П., Ч и с т о в а И. С. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979–1981. Т. 1. С. 529–626.
6. Д е р ж а в и н Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1865. Т. 2. 736 с.
7. К н а б е Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ин-т высш. гуманитар. исслед., 2000. 238 с.
8. Л е р м о н т о в М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 1. 539 с.
9. М а л ь ч у к о в а Т. Г. Античные традиции в истории русской культуры (Опыт истолкования проблемы) // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 3–52.
10. С в и а с о в Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – начала XIX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 400 с.
11. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 717–774.
12. Э й х е н б а у м Б. М. Комментарии и варианты // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 1. С. 415–529.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА
 доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nsova74@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУКОПИСНОГО И ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Работа содержит результаты текстологического исследования рукописных и печатных редакций произведений Достоевского, относящихся к раннему и зрелому творчеству писателя. Основной материал исследования – проблемы современной текстологической науки, осмысление которых позволяет определить конкретные подходы к анализу и публикации текстов Достоевского.

Ключевые слова: текстология, Достоевский, проблемы публикации текста

В настоящее время, когда ведется масштабная деятельность, связанная с подготовкой научных изданий произведений Достоевского, в том числе нового академического издания, интерес представляют вопросы теоретического характера – разработка методики чтения и публикации текста Достоевского, проблема канонического текста, определение концепции академического издания, поэтика текста в свете текстологии.

Не менее актуальными представляются и вопросы более частные. Это критика текста, анализ сложных случаев авторской правки в рукописях, изучение вычеркнутого текста, анализ соотношения источников текста, текстологическая интерпретация разночтений в печатных изданиях произведения, определение специфики творческого процесса автора, вопросы языкового изучения текста, проблемы публикации и комментирования произведений Достоевского.

Одна из самых обсуждаемых в наши дни – **проблема публикации** текстов Достоевского. В контексте этой проблемы важно решение *вопроса о публикации рабочих тетрадей* писателя. Характерной особенностью творческого процесса Достоевского является размещение записей к одному и тому же замыслу в разных записных тетрадях или на отдельных листах. Нередко на одной странице текст записан в разных направлениях, а поверх записанного сделаны пометы. Это значительно затрудняет сам процесс чтения рукописных текстов, не говоря уже об их публикации. В текстах Достоевского представлены разные этапы творческого процесса, от набросков до наборной рукописи. К разным произведениям сохранился материал разного состава. Различия в стадиях творческого процесса, а также различное содержание записей естественно предполагают вариантность подходов к исследованию и публикации текста. Кроме того, сам текст не всегда позволяет производить перестановку записей при публикации – особенно это касается стадии набросков, изучая которые, исследователь

в большей степени рискует произвести ошибочное совмещение разных записей, ибо почти все они имеют характер незавершенности.

Однако к середине XX века сложился такой взгляд на вопрос о публикации рукописей Достоевского, согласно которому следует восстанавливать ход творческой мысли автора и объединять тематически близкие записи по решению публикатора. С течением времени эта точка зрения подвергается переосмыслению. Так, в 1997 году Л. М. Розенблюм, говоря о принципе «тематического разделения материалов записных книжек Достоевского», подчеркнула, что в таком издании «записи лишаются той «естественной среды», в которой они возникли и которая небезразлична для их понимания» [5; 92]. Записные тетради Достоевского следовало бы печатать как исторический документ, без существенной перестановки записей согласно интерпретации публикатора и с подробным подстрочным и затекстовым комментарием, который может включать несколько частей: 1) собственно текстологический комментарий; 2) реальный и историко-литературный комментарий. Возможны вопросы: как поступать, если одна записная тетрадь содержит записи к двум романам (например, к «Преступлению и наказанию» и «Идиоту»), в каком томе эти рукописи публиковать? Этот пример указывает на то, что записные тетради целесообразнее печатать блоком – в специальных томах издания, для этого предназначенных.

Следующий вопрос – *публикация связанного черного и белого текста*. В советский период такие рукописи печатались как свод вариантов окончательного текста – именно так напечатаны черновые автографы и наборные рукописи произведений Достоевского. Выбор такой формы публикации имеет свои недостатки. Во-первых, читателям (исследователям) иногда приходится долго искать соответствия между печатным текстом и отдельными вариантами (особенно если варианты и основной текст напечатаны в разных

томах издания). Во-вторых, в самом процессе воспроизведения рукописи при такой (отрывочной, фрагментарной) подаче материала неизбежно возникновение пропусков текста и ошибок чтения. Когда слоев авторской правки текста в черновике много, а в печати эти слои перечисляются под литерами, читателю (исследователю) чрезвычайно трудно восстановить по этой информации картину, имеющуюся в рукописи. Публикация чернового или белого автографа в вариантах дает слабое представление о первоисточнике, лишает читателей информации о расположении записей на рукописном листе, о характере маргиналий и вставок в основной текст.

Поэтому для целостного воспроизведения рукописного текста следует пользоваться текстологической транскрипцией, которая показывает характер правки текста (вычерки, вставки), позволяет отразить последовательность слоев текста и дать редакторские пометы. Имеет смысл ориентироваться на опыт медиевистики – например, на описание условных текстологических обозначений, данное Д. С. Лихачевым [4; 117–118]. Транскрипция может усложняться в зависимости от того, какой объем информации публикатор намерен с ее помощью отразить: только исправления чернового автографа; правку и корректурные варианты; правку и варианты окончательного текста.

Для публикации рукописного и печатного текста имеет значение **проблема нетворческих изменений**. В первом случае это круг вопросов *чтения и интерпретации рукописи публикаторами*. Во втором – это вопросы, связанные с *посторонним (корректорским, редакторским, цензурным) вмешательством в авторский текст*.

Прочтение рукописного текста – это всегда его интерпретация, и ее точность определяется и знанием языковых характеристик материала, и опытом чтения почерка, и пониманием смыслового и тематического контекста записи. На этом этапе работы встает вопрос установления текста, его критики, исправления *смысловых ошибок*, в публикациях рукописей меняющих общий смысл высказывания или какой-либо его части.

Например, черновой набросок к роману «Бесы» напечатан так:

ФЕДЬКА И П<ЕП> С<ТЕПАНОВИ>Ч

Федька: «Если б ты не был мне законный господин, я бы порешил тебя».

– Знаешь ли, что святой снял ризу?

– Про Кириллова: он философ.

– Я только земчуг <Было начато: камн<и>> вытацил, а ты мышь пустил, и за это я тебя обещаю (пощечины).

– За тебя две постницы молока не пьют. (Здесь и далее подчеркивание мое. – Н. Т.)

– Ты меня дерзнул <За тебя ~ дерзнул. *вписано на полях*> [2; Т. 11, 290].

В рукописном тексте читаем:

Федька и П. С–чь.

Федька. Еслибъ ты не былъ мнѣ законный господинъ, я бы порѣшилъ тебя.

– Знаешь ли что святой снялъ ризу?

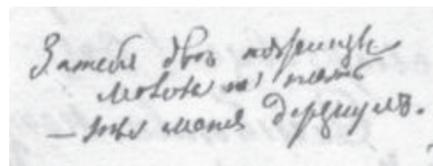
– Про Кирилова: Онъ философъ.

– Я только [камень] земчугъ вытацилъ, а ты мышь пустил и за это я тебя обещаю (пощечины).

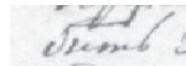
<На полях слева от цитированной записи:

– За тебя двѣ пятницы молока не пить.

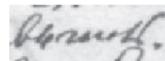
– Ты меня дерзнулъ.> (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 9. Л. 2).

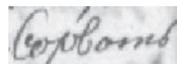
Графические характеристики записи указывают на ошибку чтения рукописного текста – в рукописи видна буква «я» в слове «пятницы» и мягкий знак в слове «пить», с характерным завитком, уходящим в надстрочное пространство; при написании твердого знака («не пьют») в почерке Достоевского такое начертание буквы невозможно. Ср. примеры начертания конечного мягкого и твердого знаков (с листа рукописи, где находится цитированный выше набросок):

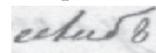
быть

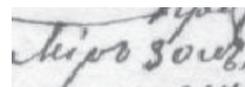
выгнать

Сорвать

еслибъ

Миръ золь.

Имеется частичное тематическое соответствие этому черновому наброску в окончательном тексте, в сцене диалога Федьки Каторжного и Петра Верховенского [2; Т. 10, 428–429].

Выражение «за тебя две пятницы молока не пить» в окончательный текст не вошло. Из приведенного контекста следует, что оно относится к речи Федьки Каторжного. Лексическую аналогию находим в более раннем романе Достоевского «Униженные и оскорбленные», в сцене скандала у дома мещанки Бубновой:

– Я ей счастья хотела. Я ее, поганку, в кисейных платьях водить хотела, в Гостином ботинки купила, как паву нарядила, – душа у праздника! Что ж бы вы думали, добрые люди! В два дня всё платье изорвала,

в кусочки изорвала да в клочочки, да так и ходит, так и ходит! Да ведь что вы думаете, нарочно изорвала, – не хочу лгать, сама подглядела; хочу, дескать, в трапезном ходить, не хочу в кисейном! Ну, отвела тогда душу над ней, исколотила ее, так ведь я лекаря потом призывала, ему деньги платила. А ведь задавить тебя, гнида ты эдакая, так только неделю молока не пить, – всего-то наказанья за тебя только положено! [2; Т. 3, 259].

Выражение встречается также в составе народного изречения «молока не хлебнет в пятницу, а молочнице и в Великую Субботу не спустит», которое имеет иронический смысл и в «Пословицах русского народа» В. И. Даля отнесено к разделу «изуверство – ханжество». В тексте Достоевского важна сама тема соблюдения поста (пятница – постный день недели), содержание которой связано с традиционными для русской словесности представлениями о праведной, покаянной жизни, святости (например, в «Житии Сергия Радонежского» в описании детских лет жизни святого, как известно, появляется мотив невкушения материнского молока в постные дни, по средам и пятницам).

В указанных эпизодах аллюзия на эту тему создает особый, новый смысловой контекст, что объясняется характеристикой действующих лиц, отнюдь не праведников: и Бубнова, и Федька Каторжный угрожают участникам приведенных выше сцен убийством, намекая, что оно не будет восприниматься как большой грех – «за тебя две пятницы молока не пить». Эти слова показательны и в том, что свидетельствуют о пренебрежительном отношении героев к самой теме покаяния, духовного врачевания.

Если сравнивать академическую и более ранние неакадемические публикации рукописных материалов Достоевского к разным произведениям, то следует отметить, что в первых публикациях (особенно 1920–30-х годов) чаще более точно воспроизводятся орфографические характеристики авторского текста, но при этом больше смысловых (лексических) ошибок чтения. В ПСС многие ошибки первых публикаций исправлены, но при этом происходит модернизация языковых характеристик рукописи.

Во всех публикациях встречаются примеры неверной интерпретации синтаксической структуры текста, нарушенного порядка записей. Черновые рукописи воспроизводятся с большим числом ошибок, по сравнению с беловыми, что объясняется более значительным объемом правки в черновиках, затрудняющей восприятие текста. Основные условия возникновения ошибок чтения – недостаточное внимание к языковым характеристикам текста и к особенностям начертаний (характеру соединения линий при появлении авторской правки текста), а также изолированное восприятие записей, их прочтение вне тематического контекста, который образу-

ется не только в пространстве отдельного листа или записной тетради, но в целом – в смысловом соотношении различных источников текста.

Многочисленные вопросы возникают и при **подготовке печатного текста**. Это и *выбор основного текста*, и *анализ разночтений между редакциями текста*, и также *установление его нетворческих изменений*.

В списке вариантов к повести «Хозяйка» в ПСС есть такой случай: «промолвила, смеясь, Катерина / примолвила, смеясь, Катерина» [2; Т. 1, 454]. Между тем *промолвила* – это не вариант (в ПСС именно это написание вошло в основной текст повести), а ошибка набора во втором издании текста (1865), где в данном случае теряется исходный смысл высказывания. В абзаце дважды появляется речь автора:

– Две зари прошло, – сказала она, подавая ему свои руки, – как мы попросались с тобой; вторая гаснет теперь, посмотри в окно. Словно две зари души красной девицы, – промолвила, смеясь, Катерина, – одна, что первым стыдом лицо разурмянит, как впервинки скажется в груди одинокое девичье сердце, а другая, как забудет первый стыд красная девица... [2; Т. 1, 303].

Эта двойная ремарка не нужна при глаголе *промолвила*. Судя по логике построения этого абзаца, Катерина именно прибавила уточняющие слова к уже сказанному, то есть *примолвила*. Следует, таким образом, восстановить в основном тексте вариант, принадлежащий первой (журнальной) редакции 1847 года.

И в рукописном, и в печатном тексте иногда встречаются *написания, похожие на авторские описки* и вызывающие вопросы. В таких случаях необходима осторожность в решениях.

Так, ПСС исправляет вариант прижизненно-го издания, совпадающий с текстом наборной рукописи «Дневника писателя» за май – июнь 1877 года.

В наборной рукописи:

Въ такомъ расположеніи духа онъ позволяеть себѣ иногда /даже и/ пошалить: для штуки пишеть къ инымъ самымъ смѣшнымъ даже лицамъ, не пренебрегаеть какимъ-нибудь даже Егоромъ Егоровичемъ, своимъ старичкомъ столоначальникомъ, котораго и вправду чуть не сводить съ ума, /анонимно/ увѣривъ /его/ что его супруга завела любовную связь съ мѣстнымъ частнымъ приставомъ (главное что тутъ на половину [было] /могло быть/ и правды) (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 19, список с поправками Достоевского; в черновом автографе – «для штуки» – РГБ. Ф. 93. 1. 2. 12. Л. 134).

В ПСС вместо «для штуки» – «для шутки» [2; Т. 25, 134], причем первое написание отнесено к опечаткам. Аналогичный пример правки обнаруживается при анализе источников текста романа «Идиот». Имеется в виду фрагмент диалога Евгения Павловича с князем Мышкиным об

Ипполите: «Увидите, если этотъ господинъ не способенъ укокошить десять душъ, собственно для одной “штуки”, точь-въ-точь какъ онъ самъ намъ прочель давеча въ объясненіи» (1874, 122; *PВ*, 10/544). В *ПСС* слово «штуки» правится на «шутки» и первый вариант отнесен к ошибкам набора [2; 8, 350]. Фраза Ипполита «Не понимаю, почему людямъ въ такомъ же какъ я положеніи не приходитъ такая же мысль въ голову, хоть бы только для штуки?» (1874, 110; *PВ*, 10/533), в которой появляется сочетание «для штуки», также исправлена в *ПСС* [2; Т. 8, 342]. Правится и высказывание Лизаветы Прокофьевны: «Это надъ нимъ эта *тварь* эту штуку выкинула, въ память прежнихъ связей, чтобы въ дураки его выставить, точно такъ, какъ прежде надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ, хохотала, за носъ водила, когда еще онъ ей жемчуги возилъ...» (1874, 11; *PВ*, 8/558; ср.: 8, 274). Но слово «штука» использовалось в XIX веке в разных сочетаниях в значении «выходка», «проделка», «выдумка» [7; 464]. В исправлении рукописного источника и текста первой публикации, как и в правке этого выражения в печатных редакциях романа «Идиот», нет необходимости.

Как следует из многочисленных текстовых примеров, содержащих необычные для нашего времени написания, в исследовательской и публикаторской работе имеет значение **проблема языка текста**. В работах последних 20 лет (В. Э. Вацура, Б. М. Гаспаров, Д. П. Ивинский, В. Лефельд, Н. В. Перцов, И. А. Пильщиков, М. В. Строганов, М. И. Шапир, С. А. Фомичев и др.) объектом осмысления, в том числе критического, становится принцип унификации авторского правописания согласно существующей языковой норме (принцип модернизации орфографии и пунктуации дореволюционных источников). Не предпринимая здесь подробного анализа разных взглядов на этот вопрос, отметим, что более аргументированными представляются выступления в пользу публикации текстов с сохранением особенностей правописания. Нужно учитывать цели публикации: статус научного издания определяет и статус читателя – это исследователь, для которого имеет значение как можно более полная информация о публикуемых источниках. Если издатель адресует публикацию исследователям, он должен воспроизводить текст, не модернизируя его, учитывая отраженную в нем стадию творческого процесса (если это рукопись) и руководствуясь данными текстологического анализа всех известных источников текста (если это печатная редакция произведения). Если издатель считает нужным модернизировать правописание, то в такой публикации необходимо предусмотреть условия орфографического и пунктуационного оформления текста, учитывающие художественную (художественно-публицистическую) специфику материала.

М. И. Шапир исследовал вопрос взаимосвязи орфографии, семантики и поэтики текста на пушкинском материале [8]. Подобные наблюдения дает и сопоставительный анализ источников текстов Достоевского.

Орфография Достоевского является не только языковой характеристикой, но и элементом поэтики творчества; особенности орфографического оформления текста показывают идейно-художественную направленность произведения. Например, в прижизненных изданиях «Записок из Мертвого Дома» прослеживается тенденция: в редакциях 1865 и 1875 годов частично подвергнуты правке ненормированные формы, такие как «анбиція», «абвахта», «гошпиталь», «пачпортъ». Вместо них появляются «амбиція», «гаубтвахта», «госпиталь», «паспортъ». Наиболее отчетливо корректорская правка проявляется в издании 1865 года.

Исправление согласно предписаниям грамматик принадлежит не автору, а корректорам издания. Как отмечает Л. А. Булаховский, «уважение к грамматическим правилам, характерное для большинства авторов, очень часто сопровождалось совершенно недостаточным знакомством с самими правилами. Как раз авторы-аристократы, люди в большей или меньшей мере двуязычные, обыкновенно чувствовали серьезные пробелы в настоящем, хорошем знании норм литературного языка и обыкновенно без споров подчинялись в этом отношении указаниям тех, кого имели основание признавать более себя сведущими» [1; 44]. Кроме того, здесь надо учитывать и характер творческого процесса: Достоевский, редактируя собственные произведения при подготовке их к печати, особое внимание направлял на смысл высказывания, на развитие идеи, в результате чего орфографическое и пунктуационное оформление текста оказывалось в некоторой степени прерогативой корректоров. Внешнее воздействие на текст подтверждает сохранившийся отрывок наборной рукописи «Записок из Мертвого Дома» (Harvard College Library. The Kilgour Collection of Russian literature 1750–1920), где встречаются авторские формы «гошпиталь» и «абвахта».

Между тем корректорские изменения «неправильных» написаний отражаются на особенностях повествования. Так, Е. Ф. Будде определяет форму «абвахта» как стилистически маркированную и сопровождает ее пометой «народное», «солдатское». И именно в силу своей стилистической отнесенности, данный вариант написания, как и другие, отражающие народную речь и просторечие, – органично входит в художественную ткань «Записок из Мертвого Дома», так как само произведение, задуманное в форме «записок каторжника», охватывает стилистически неоднородные пласты лексики. Это лишь один из многочисленных примеров взаимосвязи языка текста и художественной специфики про-

изведения. Подобные факты, несомненно, следует учитывать при установлении канонического текста произведения. В данном случае нельзя целиком основываться на последней прижизненной редакции «Записок из Мертвого Дома», именно потому, что она не удовлетворяет эстетическому критерию [3] и не передает в полной мере художественное своеобразие текста.

В рукописи рассказа «Сон смешного человека» («Дневник писателя» за 1877 год) довольно много синтаксических конструкций, подчеркивающих эмоциональное состояние героя, который проходит перед читателем путь от греха к прозрению и обретению Истины – путь, обозначенный автором как переживание или откровение (не случайно слово «истина» в рукописи начинается с заглавной буквы).

Использование тире здесь не во всех случаях соответствует пунктуационной норме, но всегда – поэтике образа. Так, предложение «После сна моего потерял слова» (вариант печатного текста) нормативно. Но в авторском тексте (наборной рукописи, с которой готовилась первая печатная редакция произведения) записано иначе: «После сна моего – потерял слова». Ср. более широкий контекст:

Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ Истину, – не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и *живой образъ* ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой восполненной цѣлости, что не могу повѣрить чтобъ ея не могло быть у людей. И такъ какже я собьюсь? Уклонюсь конечно, [и] /даже/ нѣсколько разъ, и буду [можетъ быть] [/непремѣнно/] говорить [чьимъ нибудь чужимъ языкомъ] /даже можетъ быть чужи-

ми словами/, но не надолго: живой образъ того что я видѣлъ будетъ всегда со мной, и всегда меня поправить и направить. О я [бор] бодрѣ, я свѣжѣ, я иду, иду, и хотя бы на тысячу лѣтъ. [Я буду говорить людямъ неустанно что видѣлъ рай.] Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ ихъ всѣхъ, но это была ошибка, – вотъ уже первая ошибка! Но Истина шепнула мнѣ что я *лгу*, и охранила меня и направила. Но какъ устроить рай – я не знаю, потому что не умѣю передать словами. Послѣ сна моего – потерялъ слова. По крайней мѣрѣ всѣ главныя слова, самыя нужныя. Но пусть, [пусть,] я пойду и все буду говорить, потому что я все таки видѣлъ воочию, хотя и не умѣю пересказать (РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 83, 85).

Тире здесь не только является указанием на пропущенное подлежащее, но и выполняет экспрессивную функцию, усиливая значение сна, увиденного героем. Тот же принцип эмоционального усиления высказывания проявляется строкой выше: «Но какъ устроить рай – я не знаю...» Справедливым представляется в этой связи вывод, сделанный на основе изучения совершенно иного художественного материала: «...научное издание литературного текста предполагает, чтобы обязательно принималась в расчет именно его литературность, эффекты второго уровня (ирония или игра слов), музыкальность фразы и пр. В литературном тексте все может быть выразительным, все имеет значение: формат, типография, расположение текста на странице, заглавные буквы, пунктуация» [6; 31]. Такого рода нюансы имеют значение и для точности исследовательского прочтения текста, и для полноты его понимания.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 12-04-00014а, и при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1991.
3. Лихачев Д. С. Роль эстетической оценки при выработке канонического текста литературного произведения // Лихачев Д. С. [при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва] Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. СПб.: Алетейя, 2001. С. 644–653.
4. Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.: Наука, 2006.
5. Розенблюм Л. М. Проблемы публикации записных книжек писателя (из опыта «Литературного наследства») // Современная текстология: теория и практика / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наследие, 1997. С. 89–94.
6. Гар Ж. Как издавать Кребийона // Проблемы текстологии и эдической практики. Опыт французских и российских исследователей / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 19–32.
7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847. Т. IV.
8. Шапир М. И. О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика, семантика) // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 249–264.

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕКШИЕВА

старший преподаватель кафедры финского языка и литературы факультета прибалтийско-финской филологии и культуры, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
marpek@sampo.ru

ОБРАЗ САМПО В ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «САЛАМАНДРА»*

Описываются различные трактовки образа Сампо, а также проводятся параллели между калевальским Сампо и талисманом в повести русского писателя В. Ф. Одоевского «Саламандра».

Ключевые слова: Одоевский, «Саламандра», финны, Я. К. Грот, «Калевала», Сампо, золото, Грааль

В русской литературе первой трети XIX века роман не получил еще должного развития, но повесть играла уже важную роль. Она вместила в себя множество проблем и идей нескольких поколений, была «творческим ответом отечественной литературы на всеобщую потребность в новых мыслях, чувствах, художественных формах» [14; 228]. В романтической повести того времени изображается много таинственного и чудесного. Фантастика становится очень популярной среди читателей, было модно рассказывать страшные истории в салонах в подражание Гофману. У В. Ф. Одоевского русская фантастическая повесть достигает наивысшего развития наравне с произведениями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова [14; 222].

В то же время прозаики все больше занимаются исследованием национальной жизни. Их интересует народный быт, поэтому они обращаются «к этнографии, фольклору, народнопоэтической фантастике, сказочной и песенной символической» [12; 502]. В это время принято объединять повести в циклы, где есть общая фигура – рассказчик. Так было у Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», у Пушкина в «Повестях Белкина» и у Одоевского в «Пестрых сказках».

Повести В. Ф. Одоевского «Сильфида», «Саламандра», «Косморамы» – тоже своеобразный цикл, и объединяет их мистический характер. Одоевского «на протяжении всей жизни притягивала сфера еще не познанного и не объясненного». Он высказывает предположение, что «мир детских фантастических представлений, народные легенды и суеверия, алхимические и каббалистические умствования Средних веков таят в себе элементы поэтической мудрости и инстинктуального знания, которые еще предстоит перевести на язык современной мысли». В этих повестях писатель как будто пытается расшифровать древние предания, «нередко останавливаясь на границе между научной и мистической их интерпретацией» [12; 519].

«Саламандра» (1844) – мистическая повесть о финнах Якко и Эльсе, в которой Одоевский

связывает чудесное с калевальским Сампо. Так, одной из интерпретаций образа Сампо в повести будет философский камень, который с одержимостью мечтает получить финн Якко. Он, как и многие алхимики, просиживал ночами у своего атанара и проделывал опыты в огне [10; 321]. Если повести параллель с эпосом, то мы увидим, что для изготовления Сампо в «Калевале» также нужен был огонь:

Вот кователь Илмаринен,
 славный мастер вековечный,
 опустил в огонь припасы,
 положил поковки в пламя.
 Он к мехам рабов поставил,
 Самых сильных – у горнила [4; 109].

В. Кауконен пишет, что одна из значимых интерпретаций Сампо первой половины XIX века – гипотеза немца Якоба Гримма, где «Сампо – это талисман, обладание которым приносило всяческое счастье точно так же, как обладание Граалем» [6] (см. об этом также [9; 136]).

Сампо в «Саламандре» – это сокровище не только для Якко, но прежде всего для Эльсы, так как все труды алхимика девушка воспринимает как поиск того, что искали предки финнов. «Сампо... Сампо... да, точно, Сампо... Немного было открыто... немногим... лишь тем, которые душою и телом соединялись с нами... и тебе, смертный, открыт этот путь...», – говорит она своему любимому [10; 319].

Сампо в повести олицетворяет не только золото, оно имеет также и другой, более глубокий смысл. Как известно, этот образ зародился в представлениях людей очень давно и все время переосмыслился. М. Кууси сообщает, что Сампо в древние времена давались разные трактовки: кантеле, корабль, жернов. Это солнце, луна, звезды, облако. Это храм, мастерская по изготовлению денег, колдовской барабан, талисман. Сампо можно трактовать как мудрость, скрытую от человечества, загадку, и каждый вправе осмыслить его по-своему [17; 166–167].

Э. С. Киуру отмечает, что впервые миф о Сампо был описан К. А. Готлундом в 1818 году, ког-

да он встречался с так называемыми «лесными финнами» и услышал от них рассказ о саммасе, которого ловили Вяйнямейнен и Емпайнен. Саммас улетел от них в облака, но у него удалось отрубить два пальца ноги: «...один полетел в море, второй удалось вынести на сушу», так саммас, как и сампо, «порождает богатство моря и плодородие земли» [7; 43].

Вообще саммас, как объясняет книга А. Турунена «Калевальские слова и их значения», означает поддержку или опору. Изначально существовало слово «сампа», его производным было «саммас», а «сампо», то есть с -о на конце слова, – это уменьшительно-ласкательная форма [18; 293]. По предположению самого Э. Леннрота, Сампо – это «истукан», предмет, который знало только племя биармийцев, поскольку они вели торговлю со славянами и могли увидеть у них изображения богов, и происходит это слово от русских слов сам бог [3; 127].

В науке нет однозначного ответа, что есть Сампо. Можно лишь сказать, что «это нечто желанное и благодатное, с чем связано процветание и счастье людей – благополучие рода, племени, народа», «плодородие земли, изобилие даров моря, все достигнутые и воображаемые культурные блага» [5; 172].

Когда первый раз после долгого перерыва молодой успешный Якко приезжает в Финляндию и Эльса видит его в богатых одеждах, она спрашивает его: «Что же ты нашел, Сампо, что ли?» Якко отвечает, что почти нашел его у русских. Тогда у финна было все хорошо, он был молод, умен, востребован и нужен обществу [10; 263].

Эльса не хочет ехать в Россию – чужую для нее страну, по ее понятиям, там Сампо не найти [10; 263]. Когда девушка смотрит, как строится Петербург, она комментирует: «Ходят усатые вейнелейсы да землю роют, Сампо ищут» [10; 269].

В повести Эльса изображена как «женщина почти полудикая», ее язык знает только Якко, а сама она «понимает в жизни лишь первые ее потребности...» [10; 264]. Эльса ведет себя как дикарка, как первобытный человек, который не отделяет себя от окружающего мира и не может адаптироваться к чужой культуре. По Е. Н. Мелетинскому, «в этнографической литературе, особенно психоаналитического направления», часто «подчеркивается значение мифа для разрешения психологических критических состояний, в частности тех, которые возникают в переломные моменты человеческой жизни» [8]. Так Эльса в разговоре с Якко всегда обращается к Сампо.

Н. Я. Берковский пишет, что миф для романтиков вообще очень важен, так как он представляет собой «высший вид поэзии». «Миф – это максимальное развитие, зашедшее далеко вперед сравнительно с совершившимся на самом деле». В мифе выходит наружу вся внутренняя жизнь события, неважно, положительные это силы или

разрушительные. Фантастика мифа в произведении необязательно играет главную роль, она входит в игру как раз в побочных эпизодах [2; 60–62]. Мы не можем сказать, что миф о Сампо, которое все время вспоминает Эльса, играет главную роль в произведении, но при этом он незаметно присутствует и всплывает во всех ярких моментах жизни финских героев.

Одоевский пытается дать описание Сампо. По рассказам старого финна Руси, оно «пестрое, из разноцветных камней, и с такою крышей, что теперь всем ковачам не сковать» [10; 248]. Сокровище в «Саламандре» подобно калевальскому:

Сам кователь Илмаринен
уж на третий день работы
наклонился, пригляделся,
посмотрел на дно горнила.
Видит – сампо вырастает,
Всходит крышка расписная [4; 111].

Как отмечает Э. Г. Карху, в «Калевале» Сампо – это чудо-мельница, но «не просто самомолка, а нечто, связанное с первостихиями, землей и морем» [5; 172]. А. Попов пишет, что «Э. Леннрот постарался включить известные ему разнообразные признаки и черты Сампо, но в общем Сампо – это некое очень важное «легендарное знание», поэтому память о нем сохранялась из поколения в поколение. В образе мельницы «символически обозначен некий космический механизм, влияющий на земную жизнь». Для многих народов Сампо – это мельница, но мельница может сломаться, и это также изображение момента глобальных катастроф и смены эпох [13].

У Одоевского в «Саламандре» представлена эпоха Петра I. С одной стороны, писателю нравилось, что Россия стала на путь европейского развития, но, с другой стороны, в петровской эпохе он видел множество проблем, а именно «утрату современным человеком способности к целостному постижению мира, способности к бескорыстной любви и бескорыстному служению долгу» [16; 316].

В повести Якко с помощью Эльсы-Саламандры обретает Сампо в момент падения, когда убивается горем из-за потери статуса и должности: «Ах, мои золотые надежды, где вы? Где вы?». «Был бы жив Великий, не то было бы... А теперь неужели все кончено?» [10; 303]. Спустя какое-то время он получает золотые слитки, но счастье длится недолго, «скоро в душе алхимика место радости заступило другое чувство. С умножением сокровищ мало-помалу стала одолевать его боязнь, что кто-нибудь проникнет в его тайну, похитит его богатство» [10; 323]. Якко прячет от людей свои слитки так же, как и старуха Лоухи в «Калевале» – Сампо:

... в каменных подвалах Похьи,
в сердцевине медной вары... [4; 469].

Якко получил желанный «Грааль», но счастье ускользнуло от него. Сампо должно оставаться

неосуществимой мечтой, в противном случае человек получает безграничную власть, и поэтому символ счастья у Одоевского также является «символом недолжного существования, последовательного отказа от всего человеческого» [14; 275]. Якко хочет иметь больше и, как Герман в «Пиковой даме» Пушкина, идет на убийство и предает тем самым любовь [14; 276].

В. И. Сахаров, ссылаясь на Ф. М. Достоевского, пишет, что тема фантастического в русской литературе порождает новую тему – преступления и наказания. Как правило, в таких произведениях мы встречаемся со злой силой, и она нередко заключает с человеком «преступный и гибельный союз» [14; 212]. В конце повести Одоевского огонь сжигает финских героев. Когда Якко, превратившись в графа, предается «рассеянной московской жизни со всем жаром молодости» [10; 325], Эльса приезжает и уговаривает его вернуться на Иматру, в последний раз дает ему еще один шанс образумиться, но финн уже не способен ее услышать. Тогда весь дом охватывает пламя. «...И не стало ни алхимика, ни его печи, ни Эльсы!» [10; 327].

Благодаря Эльсе, которая на протяжении всей повести зовет Якко домой на Вуоксу, мы сталкиваемся с еще одним образом Сампо – образом родимого края. Еще в первой части «Саламандры» Сампо – это финская земля. В легенде старика Руси есть такие слова: «С тех пор проведали и другие люди, что в нашей земле есть такое сокровище; сперва рутцы, а потом и вейнелесы; вот они и спорят с тех пор, кому достанется Сампо» [10; 248].

П. Н. Соловский, анализирувавший произведение Одоевского в конце XIX века, понял Сам-

по как «финское божество», о котором спорят Карл XII и Петр Великий. Он призывает видеть в нем «олицетворение исторического значения финского побережья» [15; 36]. В. Г. Базанов пишет, что Я. К. Грот попросил Леннрота растолковать, что он сам думает по этому поводу, и тогда Леннрот ответил, что один из певцов рун как раз считал, что Сампо в большей степени и есть вся земля. Лапландцы называют свою землю «sambe», а русские «земь», «земля», также допустимо, что и «suomi» имеет то же происхождение и означает землю [1; 133–134].

Якко у Одоевского отказывается от родимых финских просторов и от любящей его финки. Земля, где есть Сампо для него, – это Россия. «Последняя нить порвана, – сказал он самому себе, – земля моя – мне чужая. Прощай же, Суомия, – прощай навсегда! И здравствуй Россия, моя отчизна!» [10; 289]. Сампо ускользает из рук Якко, потому что оно – лишь мечта, чудо, своего рода поэзия. «Человек, как я уже заметил однажды, – пишет Одоевский в “Русских ночах”, – никак не может отделаться от поэзии» (будем понимать здесь слово «поэзия» как «мечта»), «она, как один из необходимых элементов, входит в каждое действие человека, без чего жизнь этого действия была бы невозможна...» [11; 35].

В романтической дилогии Одоевского происходит много чудесного. Мифический образ Сампо в «Саламандре» занимает значимое место, вторя трактовке карело-финского эпоса. Он имеет несколько интерпретаций, представляя собой золотые слитки алхимика, олицетворяя счастливый талисман и недостижимую мечту, а также является символом родины, спокойствия и удовлетворения жизнью.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск: Гос. издательство Карело-Финской ССР, 1955. 310 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
3. Грот Я. К. О финнах и народной поэзии. 1840. // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 100–148.
4. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Петрозаводск: Карелия, 1998. 583 с.
5. Карху Э. Г. Элиас Леннрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск: Карелия, 1996. 237 с.
6. Кауконен В. Как Леннрот представлял себе Сампо / Пер. Э. С. Киуру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vottovaara.ru/joomla/kak-lennrot-predstavlyal-sebe-sampo.html>.
7. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 248 с.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
9. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1988. 382 с.
10. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 327 с.
11. Пахомов С. В. Грааль // Новая российская энциклопедия: В 12 т.: Головин – Даргомьжский. Т. 5 (1). М.: Энциклопедия, 2008. 480 с.
12. Петрунина Н. Н. Проза второй половины 1820-х – 1830-х гг. // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 501–529.
13. Попов А. Загадка калевальского Сампо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vottovaara.ru/joomla/zagadka-kalevalskogo-sampo.html>.
14. Сахаров В. И. Страницы русского романтизма: Книга статей. М.: Сов. Россия, 1988. 352 с.
15. Соловский П. Н. Князь В. Ф. Одоевский и его сочинения. Чернигов: Губернская типография, 1884. 43 с.
16. Турьян М. Странная моя судьба. М., 1991. 398 с.
17. Kuusi M. Perisuomalaista ja kansainvälistä // Tietolipas 99. Helsinki: SKS, 1985. 225 s.
18. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino OY, 1979. 416 s.

АНТОН ВИКТОРОВИЧ ХРАМЫХ

соискатель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

prestopz@yandex.ru

ЛЕЙТМОТИВ «ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ» И ПРИНЦИПЫ МУЗЫКАЛЬНОСТИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА*

Впервые рассмотрен библейско-музыкальный лейтмотив «песнь песней» в сочинениях А. Платонова рубежа 1910–20-х годов. Данный лейтмотив включает в себя по принципу контрапункта как близкое к традиционному библейско-христианское содержание, так и революционно-утопическое. Его особая роль в сюжетах А. Платонова обусловлена музыкальным принципом слушания.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, Библия, «Песнь песней», музыка, мотив, сюжет

К «Песне песней Соломона» Андрей Платонов не раз апеллировал в своем творчестве, начиная с первых произведений конца 1910-х годов. В его художественной философии особо значим концепт «музыка», вбирающий в свое семантическое поле разные аспекты музыкальной, в том числе песенной культуры: от фольклора до практики использования песен в качестве мощного орудия революционной пропаганды [5; 11]. Существенной составляющей структуры концепта «музыка» у Платонова является блок библейско-христианских тем, образов и сюжетов, имеющих музыкальные коннотации. Появление и особая роль мотива «песни песней» в произведениях писателя – знак присутствия в его художественном сознании представлений о высшей ипостаси музыки как «премудрости» («Премудрость премудростей» – вариант перевода названия библейского первоисточника [3]). Одной из главных ценностей для Платонова является истина, то есть высшее, абсолютное знание, в поиске которого заключается смысл существования многих его героев [13; 91]. Цель настоящей статьи – показать развитие библейского образа-мотива «песни песней» в платоновских произведениях воронежского периода.

Впервые словосочетание «песнь песней» возникает в сочинении «Красному Воронежу» (1919): «С песнью песней Революций, Марсельезой, в буре боя, Красный город вспыхнул кровью, / Как надежда, рыцарь юный вдруг воспрянувшего мира» [7; 357]. Платоновская перекодировка библейского образа имеет вполне традиционный для эпохи характер. Автор позиционирует «песнь песней» как формулу истинного знания, но изымает из нее (равно как и многие пролетарские писатели) христианский смысл и наполняет новым, антихристианским. Идея новой жизни в истине, которую в данном контексте актуализирует образ «воспрянувшего мира», связывается не с Богом, а с борьбой и деяниями «великого творца» – человека (статья «Преображение», 1920) [8; 19]. Этическая составляющая этого гло-

бального революционно-преобразовательного процесса на уровне платоновского метатекста рубежа 1910–20-х годов противоположна смыслам «Песни песней Соломона». Если в Учительной Книге говорится о любви как Божественной Премудрости, что созвучно евангельскому «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8), то революционный пролетариат, «сын отчаяния... гнева и огня мщения» [8; 27], исповедует ненависть как «высшую любовь» и переименовывает Христа в «пророка гнева» (статья «Христос и мы», 1920).

«Песней песен революции» наряду с «Марсельезой» почитался и «Интернационал». Его восторженную характеристику находим в статье Платонова «Тридцать красных» (1920), где славился «железный, пламенный гимн восстания и победы...» [8; 38]. Эпитет «железный» эмблемирует революционное время («Песнь о железе» В. Кириллова, «Мы растем из железа» А. Гастева и др.). В «Красном Воронеже» в характеристике исполнителей «Марсельезы», героя-«мы», использован образ стали, символизирующий крепость идеи новой жизни и решимость ее осуществить: «Только с сталью вместо сердца, с мудрым мужеством сознанья... мы победу... в лагерь Красный приведем» [7; 362]. Мотив замещения сердца, являющегося духовным центром человека в христианской антропологии [2; 856], «сталью» сознания усиливает антихристианский характер революционного гимна (ср.: «Не псалмы мы будем петь, / А Марсельезу грядущим» (Луначарский А. В.; цит. по: [5; 126]). В рассказе «Сатана мысли» о герое, взявшем на себя миссию устройства новой жизни, сказано: «Ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе божественное сердце» [7; 201]. Однако, «объявляя войну старому миропорядку, молодой пролетарский художник Андрей Платонов не объявляет войны его Творцу» [10; 352], ведь ведется война с миром, в котором Бог умер. В обезбоженном мире предметом обожания лирического героя становится машина («Я сердце нежное, влюбленное / Отдал машине

и сознанию» [7; 321]). В первой редакции этого стихотворения мотив отказа от любви к ближнему сопровождается введением в характеристику лирического «я» мотива любви к «дальному», к «царству сознания». В более поздней редакции героический пафос жертвы сердцем во имя торжества сознания сменяет пессимизм: лирический герой уже не видит себя провозвестником нового мира и заключает, что «жизнь цветет без всякого названия» [7; 612]. Образ жизни без названия отсылает, по мнению Е. Яблокова [14; 44], к эпизоду из Книги Бытия (Быт. 2: 20), где человек «нарек имена всем скотам и птицам небесным». В ситуации богооставленности революционный пролетариат, по Платонову, видит опору и надежду на спасение в окружающем враждебном мире не в религии или природе, а в самом себе. Яркий и буквальный пример тому – изобретатель Маркун из одноименного рассказа (1920): «Я обопрусь собою сам на себя и пересилю, перевешу все, не одну эту вселенную» [7; 142].

В поэзии тех лет мотивом, близким по смыслу «песне песней» («песне истины»), является мотив музыки машин, вызывающий ассоциации с произведениями композиторов-конструктивистов (А. Мосолов, А. Аврааменко, А. Онеггер и др.), которые активно разрабатывали индустриальную тематику. У Платонова музыка машин также воспринимается как своего рода «песнь песней» новой, пролетарской цивилизации. Пример тому – стихотворение «Песнь» (1919), где песня станка – музыка, объединившая восставших рабочих, – в финале приобретает вселенский масштаб: «Мы рычаг на работу поставим и запоем песни новые... наш мощный станок – Бесконечность!» [7; 358]). Однако в стихотворении «Динамо-машина» (1919) Платонов показывает, что машина, спланивая вокруг себя людей, одновременно отчуждает их от мира: «Мы до ночи, мы до смерти – на машине, только с ней...»

В стихотворении «Вселенной» (1919) библейский мотив «песни песней» возникает на уровне подтекста. В его первой половине изображено откровенно чувственное влечение «жениха», героя-«массы», к «невесте»-вселенной: «Отдайся сегодня, вселенная, / Зацветай, голубая весна, / Твоя первая песня весенняя / В раскаленных машинах слышна» [7; 402]. Характер отношения героя-«мы» к объекту обожания и приобретающее символический характер время действия прочитываются как аллюзия на «Песнь песен Соломона», где диалог Суламиты и ее возлюбленного также происходит весной. В образе жениха богословы видели жениха божественного – Христа [6; 334]. В христианской традиции любовь царя Соломона и сельской девушки воспринималась как «изображение таинственного союза Мессии-Христа с Церковью» [2; 589]. Платонов в духе перевернутого истолкования библейско-христианской символики поэтами Пролеткульта являет в образе «жениха-мы» «Христа второго» (В. Князев).

В образе вселенной-возлюбленной Е. Антонова видит «невесту-тайну», истину [1; 21, 23].

А. Бухарев, апеллируя к сирскому варианту перевода заглавия первоисточника («Премудрость премудростей»), предполагает, что обладатель истины – «духовный жених» [3]. Невеста же «находится как бы в ночном мраке, не находя у себя своего жениха... мудростью которого она хотела бы овладеть...» [3]. У Платонова взывает истину «жених». «Жених», революционный пролетариат, предстает живущим без истины, которая существует и растворена вовне – в космически недостижимом и безграничном пространстве, не структурированном Божественным Логосом. Война, объявленная людьми небу «во имя свое», не дала чаемого: им не удалось устроить Царство Истины. Эту драму означил мотив «гибельной музыки» революционного мира: «Музыка на празднике гибелью гремит. / Ринулись товарищи с улицы на бой. / Далеко, за гибелью, спасение летит / С пополам разрубленной, конченной судьбой» («Судьба», 1920–1921 [7; 398]).

В произведениях первой половины 1920-х годов все сильнее звучит мысль о необходимости человеку слушать сердцем «небесную музыку». О плодотворности «сердечно-музыкального» контакта с космосом говорится в стихотворении «По деревьям колокола...» («Слетают звезды с вышин, / И сердце, радуясь, пугается» [7; 612]). Эта гносеологическая стратегия тождественна христианскому способу постижения истины, о котором говорится в одном из фрагментов «Песни песней Соломона», в заглавии которой актуализируется тема «музыки космоса» (оно переводится в том числе как «высокая песнь» [12; Т. 2, 37] и «возвышеннейшая песнь» [2; 589], что вызывает ассоциации с мотивом небесной музыки, то есть высокой в прямом смысле). Слова «Голос возлюбленного моего... Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя!» (Песн. 2: 8, 10), как полагал священник Д. Сысоев, фиксируют процесс восприятия верующими божественного Логоса [11]. Движение к такому видению отношений человека и мира заметно в стихотворении «В моем сердце песня вечная...» (1921), где рассматриваемый образ-мотив активизирует смыслы, заданные библейским источником: «Голубая песня песней / Ладит с думою моею» [7; 287]. Лирический герой, его внутренний мир, в характеристике которого присутствует христианский мотив музыки сердца («В моем сердце песня вечная» [7; 287]), пребывает в гармонии с «голубой песней песен», то есть музыкой неба, феноменом макрокосма. Ее сакральный характер поддерживается и семантикой эпитета «голубой», который в христианской эстетике считался «наименее материальным и символизировал Святой Дух, а также трансцендентный мир» [4; 43]. Рассматриваемый образ-мотив отсылает к названию первой книги А. Платонова «Голубая глубина» (1922). В развитии музыкального сюжета поэтического сбор-

ника, где просматривается неудовлетворенность автора новым революционным мировоззрением и обращение к ценностям «старого» мира, веры отцов, важную роль играет восходящий к Учительной Книге мотив слушания.

О родстве человека и мира идет речь в первых строках стихотворения «Мир родимый, я тебя не кину...» (1922), где образ-мотив «песни песней» приобретает иное звучание: «Песня песней, ты никем не спета, / Оттого не слышу я травы. / Человек мне в поле не ответит, / Некому на жизнь меня благословить» [7; 297]. Неспетая песня песней – признание невозможности окончательного познания человеком всех тайн макро- и микрокосма («сам себе еще я неизвестней» [7; 297]) – синонимична лейтмотиву сокровенности, который имеет библейско-христианские корни. Вводя формулу «неспетой песни песней», Платонов говорит о сокровенности Божественной истины для человека, и косвенно – о ложности пути познания-борьбы. Осознанием трагической ограниченности гносеологических возможностей людей обусловлено присутствие в автохарактеристике лирического героя мотива неслышания, фиксирующего его непонимание даже такого природного феномена, как трава. В то же время пессимизм его признаний об отсутствии в жизни духовной опоры («мне никто пути не осветил», «некому на жизнь меня благословить» [7; 297]) и разрыве связи с миром снимается введением антропоморфного образа ветра, который связан с манифестируемой заглавием экзистенциальной установкой «я»-лирического, стремящегося восстановить родство с миром.

В экспозиции рассказа «В звездной пустыне» (1921) мотив неспетой и несложной песни является частью образной характеристики облаков («Путь облаков тих, как дыханье, как неспетая,

несложная песня, слова которой знаешь втайне» [7; 196]). Образ-литоту, представляющий непознанное человеком небо, неоткрытую вертикаль «голубой глубины» смыслов жизни, сменяет иносказательная формула сокровенности самого человека («слова которой знаешь втайне»), которая воспринимается как знак того, что у человека все же остается надежда на приобщение к «песне песней» бытия.

Особая роль в сюжетах и сложное смысловое наполнение мотива «песни песней» в ранних сочинениях Платонова показывают, что его мировидение соприродно художественному мышлению таких выдающихся представителей музыкального авангарда, как И. Стравинский, А. Веберн и А. Шенберг, осуществивших «эмансипацию диссонанса» (Ю. Холопов).

Признание божественной сокровенности жизни и открытия ее сердцем, а не только мыслью, слушания мира, а не войны с ним, о которых говорится в рассмотренных выше произведениях, обращение к исконным, а не профанированным библейско-христианским смыслам, возвращение к диалогической модели познания – все это предвосхищает сложное введение библейско-христианского контекста в произведения А. Платонова второй половины 1920-х годов, среди которых книга стихов «Поющие думы», повесть «Сокровенный человек», роман «Чевенгур». В «Чевенгуре», как и в «Поющих думах», немаловажную роль играет восходящий к «Песне песней» музыкальный принцип слушания, автор стремится установить диалог со старой культурой. Синтез христианского и революционного просматривается уже в ранних произведениях А. Платонова, где сопряжение библейско-христианских и революционных тем и мотивов осуществляется по принципу контрапункта.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е. В. «Сны его несут далеко» (опыт датировки стихотворений Андрея Платонова) // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 14–27.
2. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М.: Терра, 1990. 902 с.
3. Бухарев А. М. Печаль и радость по слову божию: Очерки священных книг «Плача Иеремии» и «Песни песней», с прибавлением соображений об Апокалипсисе и 3 Книги Ездры. М.: А. И. Манухин, 1865 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01003567469>
4. Гудимова С. А. Музыкальная эстетика. М.: РАН ИНИОН, 1999. 109 с.
5. Дрейден С. Музыка – революции. М.: Сов. композитор, 1988. 552 с.
6. Песнь песней // Христианство. Энциклопедия: В 3 т. М., 1995. Т. 2. С. 334.
7. Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 1: Рассказы, стихотворения. 645 с.
8. Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 2: Статьи. 511 с.
9. Соловьев Вл. С. Любовь // Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. Т. 2. С. 57.
10. Спиридонова И. А. Христианские и антихристианские тенденции в творчестве А. Платонова 1910–1920-х годов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Сб. науч. тр. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 348–360.
11. Сысоев Д. Толкование на книгу «Песнь песней». М., 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orthodoxy33.files.wordpress.com/2011/08/pesn.pdf>
12. Толковая Библия или комментарии на все книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: В 3 т. Стокгольм, 1987.
13. Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. М.: Сов. писатель, 1987. 365 с.
14. Яблоков Е. А. На берегу неба. Роман А. Платонова «Чевенгур». СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 376 с.

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛКОВА
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры философии, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
svetavolkov@ya.ru

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СМЫСЛОВОЙ УНИВЕРСУМ*

Статья выполнена в рамках осмысления одной из тенденций отечественного гуманитарного пространства, связанной с продумыванием философских основ феномена образования. Показано, что процесс обучения оказывается значим для его носителей только тогда, когда он организован как процесс поиска и порождения учащимися смыслов. Предметом отдельного внимания становится экспликация условий, позволяющих актуализировать процесс открытия и постижения учащимися собственных смыслов в учении как средство духовного обогащения личности, а также получения личностного, живого знания.

Ключевые слова: философия, смысл, язык, понимание, диалог, субъект, личность, знание, образование

Одной из наиболее серьезных тенденций последнего времени в развитии гуманитарных наук является становление «смыслового мышления» – мышления, предмет или объяснительный принцип которого так или иначе определяется категорией «смысл». Представители самых разных наук, прежде всего гуманитарных, отправляются на поиски «логики смысла», предлагая нам рассматривать мир с точки зрения сокрытого в нем смыслового потенциала. Наряду с философией, психологией, лингвистикой и другими гуманитарными науками, к становлению смыслового мышления оказывается причастна и педагогика. Речь идет прежде всего о том, что с утверждением гуманитарной парадигмы в педагогике все большее распространение получает взгляд на образование как способ непрерывного воспроизводства каждым учащимся смысла и понимания (Ю. В. Сенько). Сам факт, что образование трактуется некоторыми теоретиками образования как «смысловой универсум», «бытие смыслов», говорит о том, что педагогическая наука предполагает определенную образовательную философию. Ниже мы постараемся представить основные категории этой философии в их взаимосвязи с образовательным пространством.

Современная образовательная философия – это философия, в центре которой оказывается категория «смысл». Нам уже приходилось обращаться к анализу данной категории в различных философских и психологических исследованиях (см., например, [2]). В этой связи мы ограничимся лишь наиболее важными с точки зрения рассматриваемой темы результатами.

Смысл представляет собою совершенно особую, специфически человеческую реальность, а участие человека в производстве смысла рассматривается как создание искусственной, артефактической конструкции, некоего «органа» усиления интеллектуальных и телесных (эмоционально-волевых) сил человека. Смысл,

следовательно, выступает механизмом изменений субъекта, воспроизводящих субстанцию личности.

Можно выделить такую характеристику смысла, как уникальность и неповторимость, связанную со значимостью для субъекта определенных объектов, явлений, действий. Поэтому смысл можно определить как отношение между субъектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению).

Наконец, немаловажной оказывается и такая сущностная характеристика смысла, как его открытость, принципиальная незавершенность. Таким образом, постижение смысла представляет собой не одноразовый акт, а вечный поиск в силу бесконечной сложности, неисчерпаемости природы смысла.

Коль скоро сущностный фокус философско-психологических исследований смысла – это человеческое сознание в аспекте смыслополагающей, смыслопридающей деятельности, то в образовании перспективы данных исследований сопряжены с осмыслением тех условий, природа и содержание которых способствовали бы выработке учащимися собственной экзистенциальной позиции – позиции смысла и понимания.

На наш взгляд, одним из таких условий может служить организация процесса обучения как процесса решения личностно значимых проблем на основе творческого диалога. Данное обстоятельство оправдывается прежде всего тем, что диалог нацелен не столько на усвоение системы знаний и способов деятельности, в результате которых должно произойти овладение миром, сколько на понимание мира и самого себя (В. С. Библер, В. В. Горшкова, Ю. Н. Кулюткин, С. Ю. Курганов, Л. М. Лузина, Е. И. Пас-

сов). Разумеется, возможности применения диалогического обучения в разных учебных предметах различны, однако можно с уверенностью сказать, что свое особое назначение и смысл оно приобретает в гуманитарном образовании. При этом, опираясь на концепцию М. М. Бахтина о диалогической природе гуманитарного знания [1], будет уместным подчеркнуть значимость такого понятия, как «Другой», выступающего необходимым условием самопонимания и самопознания. Категория Другого в данном случае включает в себя не просто другого субъекта, но и другую культуру, язык, сознание. Сопоставляя свое сознание с сознанием «Другого» – носителем другого языка на уровне личностно значимых смыслов в «диалоге культур», человек познает себя как «Другого» и «Другого» как себя, что и обуславливает саморазвитие личности, ее «духовное возвышение» (С. Г. Вершловский).

Еще одним условием, направленным на реализацию учащимися смыслов, выработку ими собственной экзистенциальной позиции в учебной деятельности, является создание эмоционально стимулирующей учебной среды, активизирующей потребность учащихся открывать новые смыслы в процессе обучения. Среда в данном случае должна пониматься не какместилище всего сущего, но как пространственно-временная связь, педагогический хронотоп, открывающий его участникам смыслы образования и помогающий их осуществить (Ю. Н. Афанасьев, Ю. В. Сенько, А. С. Строголов, С. Г. Шеховцев). Мы полагаем, что создание данной среды становится возможным в процессе организации обучения как «понимающего бытия» (Л. М. Лузина) и связано с насыщением учебного процесса герменевтическими методами обучения. При рассмотрении проблемы организации процесса обучения как «понимающего бытия» в центре внимания оказывается еще одна категория современной образовательной философии – категория понимания.

Следует подчеркнуть, что понимание не является лишь одним из многих психологических актов, осуществляемых человеком. Понимание – это исходный способ бытия человеческого существа. Человек живет понимая. Не случайно философы-экзистенциалисты указывали на то, что бытие человека раскрывается самому человеку как «заброшенность», то есть как такой факт человеческого существования, который не говорит человеку ни о том, зачем он существует, ни о том, какой смысл в его существовании. Специфика человеческого бытия заключается в том, что само бытие требует от человека герменевтического усилия, то есть усилия истолкования своей собственной заброшенности, придания ей смысла.

Отталкиваясь от этих экзистенциальных посылок, можно предположить, что использование

герменевтических методов обучения связано с активизацией субъектной позиции ученика как интерпретатора культурных текстов, и в том числе текстов иноязычной культуры. Последнее стоит подчеркнуть особо. Во-первых, язык является самым универсальным, имманентно свойственным человеку средством отражения своего видения мира. В этой связи, осваивая второй язык, человек получает возможность осваивать иную картину мира. Как показал в свое время академик Л. В. Щерба, личностное развитие человека через изучение иностранного языка происходит благодаря тому, что при встрече с другой картиной мира раздвигаются рамки сознания и осознания мира за счет приобретения еще одного угла зрения на уже известное человеку, усвоенное в процессе первичной социализации, реализующейся на родном языке [5]. При этом, «освобождаясь из плена родного языка», ученик начинает критически относиться к тому, что и как он видит вокруг себя. Рушится представление о незыблемости однажды усвоенных понятий благодаря наблюдениям над различными формами восприятия действительности, что позволяет ученику сохранить «открытость горизонта видения» тех или иных проблем. А это является необходимым условием самой возможности совершения любого живого акта мысли, чувства, живого состояния переживания-понимания-действия, требующего личностного участия человека и приводящего к его духовному развитию.

Во-вторых, как уже говорилось, человек выходит в понимание тогда, когда он открывает в воспринимаемом содержании смыслы, то есть интерпретирует это содержание. При этом, поскольку сами смыслы при изучении иностранного языка представлены с помощью языковых средств другого языка, то неизбежно встает вопрос о переводе. Было бы ошибкой полагать, что перевод ограничивается переводом слов. При переводе происходит интерпретация чужой мысли, «воссоздаваемой для других от себя» (И. А. Зимняя), осуществляется выявление сходного в различном и различного в сходном, нахождение «своего» в «чужом», активное создание «своего» из «чужого». Переводчик или, говоря шире, субъект-интерпретатор выступает в данном случае в качестве творческого посредника между двумя культурами, «что требует от него проявления смелости и большой языковой культуры» [3; 50]. Безусловно, что для личностного развития важен не только и не столько сам результат перевода, материализуемый в тексте, сколько индивидуальный опыт интерпретации авторских смыслов в пределах другой языковой и культурной среды. В этом процессе «личность как бы продлевает человеческое “Я”, расширяет территорию своего духовного мира» [4; 45].

Еще одним условием, направленным на обретение учащимися смыслов в процессе обучения, является актуализация личностно-профессиональной позиции учителя как «психомайевта». Коль скоро смысл нельзя дать или создать за самого человека, он всегда ищется и находится человеком в результате собственных духовных, экзистенциальных усилий. В связи с этим изменяется и стратегия деятельности учителя. Учитель в процессе личностно ориентированного обучения из носителя конечного, достигнутого знания превращается в посредника между учеником, проблемой и культурой (И. А. Колесникова, В. А. Конев, В. А. Сластенин, Г. С. Сухобская). Это и есть позиция «психомайевта», который помогает свершиться высвобождению чего-то нового к бытию – того, что может быть рождено только самим учеником, ибо лишь то, что создается, творится самим учеником, обладает для него смыслом. Таким образом, по отношению к процессу постижения и реализации учащимися смыслов в процессе обучения наиболее адекватным педагогическим влиянием является «психомайевтика» как стратегия педагогической поддержки, обусловленная внутренними интенциями личности ученика. На наш взгляд, актуализация личностно-профессиональной позиции учителя как «психомайевта», разворачиваемой в направлении содействия реализации уча-

щимися смыслов, отмечена рядом особенностей. Главные среди этих особенностей следующие:

- создание ситуации, носящей проблемный характер и требующей от учащихся понимания ее смысла;
- проблематизация понимания учащимися смысла в целях выхода его в рефлексивную позицию по отношению к собственному пониманию;
- организация диалогического общения учащихся как обмена и сравнения собственных позиций понимания;
- организация рефлексии учащимися собственного понимания смысла среди других пониманий.

Таким образом, выявленные нами педагогические условия включения учащихся в процесс реализации смыслов в процессе обучения позволят преодолеть отчужденность учащихся от знаний, расширить развивающие возможности процесса образования вообще и обучения в частности, сделав его личностно значимым, живым для учащихся. Только в этом случае можно надеяться на то, что будет происходить смыкание «сверхзадачи» образования, заключающейся в воспитании внутренне ориентированной личности, способной противостоять потребительскому отношению к окружающему миру, с развитием духовных сил учащихся в процессе получения личностно значимых знаний.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Волкова С. В. Философско-психологический и педагогический подход к обоснованию категории «смысл» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 6 (100). С. 80–86.
3. Михеев А. В. Семиотические уровни перевода // Перевод как процесс и результат: язык, культура, психология: Сб. науч. тр. / Ред. И. Э. Клюканов. Калинин: Изд-во КГУ, 1989. С. 43–45.
4. Шелепов В. М. Свобода личности как предпосылка диалога культур // Творческое мышление: Парадоксы и парадигмы развития: тезисы выступлений / Ред. Н. А. Александрова. Целиноград: Ассоциация содействия гуманитарному диалогу, 1991. С. 44–46.
5. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Педагогика, 1968. 112 с.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и экономической теории экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
levkip@mail.ru

БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*

Раскрываются базовые положения эволюционно-синергетического подхода в изучении современной социально-экономической организации. Показаны методологические преимущества комплексного подхода, объединяющего эволюционную экономику и социосинергетику.

Ключевые слова: социосинергетика, эволюционная экономика, социально-экономическая организация, эволюционно-синергетический подход

Вместе с капитализмом институт социально-экономической организации (СЭО) проделал сложную эволюцию от примитивных, основанных на закрытых внутрицеховых отношениях мануфактур и ремесленных мастерских до виртуальных компаний и «пустых корпораций», объединяющих в единый интерактивный бизнес людей самых разных континентов, государств, профессий, возрастов, социальных статусов, культур, религий и национальностей. Вершиной хозяйственного развития всего прошлого человеческой цивилизации и идеалом капиталистической экономики стала бюрократическая организация веберовского типа, в основе которой находятся строгая иерархия, формализация и централизация, стремление к тотальному контролю, концентрации ресурсов и монополизации, авторитаризму и деперсонализации. Принципы функционирования подобных организаций были распространены не только на хозяйственную, но и на все остальные сферы жизни людей (армия, образование, медицина, политика и т. д.). Сыграв относительно позитивную роль в период индустриального развития капитализма и формирования общества массового потребления, бюрократические организации превратились в тормоз для экономики в эпоху становления информационного общества. Однако в силу инертности социально-экономических процессов именно бюрократические организации до сих пор занимают господствующее положение. Культура подобных организаций, ориентирующая хозяйственную жизнь людей преимущественно на поиск сиюминутной прибыли, корпоративный nepотизм, пренебрежительное отношение к общечеловеческим и национальным ценностям, дегуманизацию хозяйственных отношений и плеонексию, во многом спровоцировала современный кризис капитализма. Именно институт подобной организации (корпоратократия) становится главным врагом демократических процессов, приводит

к резкому имущественному расслоению людей и делению стран на бедные и богатые, жесткой и жестокой эксплуатации большинства меньшинством, обрекает целые поколения на долговое рабство [8; 23–36]. Чем быстрее наше общество сумеет преодолеть установки подобной культуры и перейти на принципиально новые ценностные ориентиры в своей хозяйственной деятельности, тем скорее мировая экономика сумеет выйти на качественно иную ступень развития, ключевой чертой которой будет преобладание организаций, функционирующих на основе ценностно ориентированных принципов высокой адаптивности, гибкости и интегрированности в окружающую среду. Сравнивая эволюцию живой природы и эволюцию СЭО, можно говорить о том, что на смену «динозаврам» индустриальной эпохи, не выдержавшим кардинальных изменений в окружающем их мире, должны прийти более приспособленные «млекопитающие». При этом новый хозяйственный порядок должен строиться на основе поиска гармонии человека с другими людьми, природой и самим собой. Иного пути дальнейшего цивилизованного развития у человечества нет. В этих условиях особую актуальность приобретают теоретические исследования, касающиеся преобразования организаций и их приспособления к изменяющимся кардинальным образом условиям ведения бизнеса и протекания хозяйственной жизни в целом. Наиболее перспективным здесь выступает эволюционное направление экономической науки и управления, которое представляет собой одну из первых научно-исследовательских программ познания СЭО с точки зрения ее анализа как живого организма, занимающего свою, строго определенную экологическую нишу и функционирующего на основе единых законов, характерных для всех сложных саморазвивающихся систем [1; 10–11]. В чем же заключается научная сила эволюционного подхода в изучении жизни СЭО? Как правило, в качестве антагониста

эволюционного учения рассматривают неоклассическое направление экономической науки и теории организации (неоклассика). Именно при сравнении неоклассики и эволюционизма становится видно методологическое преимущество последнего и его более высокая адекватность современным экономическим реалиям. На комплексном уровне можно обозначить следующие отличия эволюционной теории от ортодоксальной экономики [2], [6], [7], [9].

1. Неоклассический подход делает акцент на устойчивости, порядке, однородности и равновесии в анализе экономических процессов. Эволюционный подход рассматривает все экономические процессы в динамике. Постоянным изменениям подвержена как сама деловая организация, так и ее внешнее окружение – непосредственное и макроуровня. При этом эволюционная теория обращает особое внимание на ситуации неустойчивости, разнообразия, неравновесия, которые определяют динамику экономической жизни. В итоге экономическое развитие может иметь квантовый характер и представляет собой необратимый процесс.

2. Нормативными моделями в неоклассике являются статичные модели совершенной конкуренции, чистой монополии, олигополии и монополистической конкуренции. Эволюционная парадигма позволяет рассматривать экономические модели, которые учитывают все многообразие форм и типов поведения экономических субъектов на рынках.

3. Эволюционизм пытается выявить движущие силы экономической динамики СЭО, тогда как неоклассическая теория постулирует источник этой динамики – стремление максимизировать прибыль (прежде всего, для деловых организаций), механизм этого движения не рассматривает. По-иному воспринимается в эволюционной теории и источник экономического динамизма. Сюда можно отнести и стремление сохранить прибыль (а не только ее максимизировать) и найти компромисс между интересами различных групп стейкхолдеров деловой организации, а также закрепить стратегический контроль над экономическими ресурсами и т. д. Таким образом, любая деловая организация в общем случае стремится к получению и максимизации прибыли в долгосрочной перспективе, но с учетом поведения стейкхолдеров (подчас оппортунистического) эта цель может быть сведена к необходимости максимизации продолжительности ее собственного существования (самовыживания).

4. Согласно эволюционной теории, предыстория и история организации имеет значение для познания ее прошлого, текущего и будущего состояний, в отличие от неоклассики. По опыту изучения биологической эволюции известно, что современные организмы содержат информацию о своих далеких предках. Эволюционная экономика использует метод

получения достоверной информации о предшествующих этапах общественной эволюции на основе познания современных или близких к современным состояний СЭО. Их сопоставление предоставляет ценную информацию для понимания закономерностей развития экономических систем и прогнозирования их будущего. Точно предугадать это будущее невозможно из-за присутствия элемента случайности, но мы можем все же определить общие контуры дальнейшего пути развития СЭО.

5. В эволюционной теории СЭО рассматривается в качестве открытой системы, активно взаимодействующей с внешней средой. Для эволюционистов становится особенно важным анализ связей между организацией и окружающим миром – его ментальной, культурной, социальной, экономической, политической и технологической сферами. Неоклассика такой подход выносит на второй план.

6. В основе анализа неоклассической теории лежит концепция экономического (рационального) человека («модель REMM»). Этот человек не имеет права на ошибку, для него характерно совершенное обладание экономической информацией. В основе описания его поведения лежит функция полезности, которая достаточно легко формализуется. «Эволюционный» человек – это человек, достаточно часто ошибающийся из-за несовершенства располагаемой информации, ограниченности когнитивных способностей, влияния других людей и институтов. Такое поведение практически не поддается формализации, но зато мы можем понять, откуда берутся творческие истоки эволюции хозяйственной жизни людей.

7. По неоклассической теории, понятия издержек и выгод – это понятия абсолютные. Эволюционная теория рассматривает издержки и выгоду в качестве относительных величин, зависящих от уровня развития СЭО, ее ментального наполнения. Эволюционные процессы не обязательно ведут к оптимальным результатам в чисто экономическом плане, так как экономические субъекты вынуждены принимать решения в условиях ограниченности и неопределенности доступной рыночной информации.

8. По мнению представителей неоклассической теории, экономические субъекты равноправны в своих действиях и однородны по содержанию. Эволюционисты считают, что экономические субъекты отнюдь не равны: они обладают разным доступом к экономическим ресурсам, и это определяется не только и не столько их конкурентной позицией на рынке, сколько институциональными и социокультурными факторами. Неоклассическая теория рассматривает деловую организацию в качестве своеобразного «черного ящика» с непротиворечивым внутренним содержанием. Эволюционизм исходит из того, что внутри организации существуют подсистемы и элементы подсистем с подчас прямо противоположными

интересами, столкновение и борьба которых задают дополнительную динамику организационным отношениям. Классической дихотомией здесь становятся интересы наемных работников (поменьше сделать и при этом получить более высокое вознаграждение за выполненную или невыполненную работу) и собственников / организаторов бизнеса (по минимуму заплатить наемным работникам и одновременно по максимуму загрузить их работой). Усиление роли «человеческого фактора» на современном предприятии нашло яркое отражение в эволюционной модели деловой организации, где экономическое поведение предприятия детерминировано взаимоотношениями как между менеджментом и персоналом, так и внутри контингента наемных работников, в ходе которых формируются ценности, нормы и традиции социальной организации фирмы. Именно они определяют имидж, способствуют усилению позиций в экономической конкуренции, в том числе в открытых конфликтах, на рынке товаров и услуг. 9. Эволюционная теория прямо обращается к понятию институтов, которые первоначально возникают на базе человеческих инстинктов и простейших потребностей людей. Наиболее прочные и социально целесообразные институты фиксируются в традициях, неформальных нормах, а затем и в праве. Хозяйственная деятельность людей без институтов невозможна, так как они формируют связи между людьми, делают поведение экономических субъектов целесообразным и предсказуемым в том или ином историческом и социально-культурном контексте. Развитие институциональной экономики начиная с работ Т. Веблена и заканчивая трудами нобелевского лауреата Д. Норта путем совмещения инструментария институционализма и эволюционизма в области анализа поведения сложных социальных систем привело к созданию современной институционально-эволюционной теории. Одним из ключевых положений этой теории является то, что институты – это одновременно и объективные структуры внешнего мира, и субъективные истоки человеческой деятельности, находящиеся в сознании людей. Таким образом, происходит отход от методологического индивидуализма, заложенного в парадигму неоклассики. 10. Традиционная экономика делает акцент на противопоставлении друг другу двух подходов к управлению СЭО: централизованного и спонтанного. Первый из подходов наиболее наглядно представлен трудами марксистской школы, а также кейнсианской макроэкономики и исходит из определяющей роли в экономических процессах централизующей подсистемы (государство, партии, надгосударственные образования и т. п.). Второй подход представлен сторонниками экономического либерализма и неолиберализма, по мнению которых единственной

социальной конструкцией, позволяющей наиболее эффективно распределять экономические ресурсы, является рынок. Эволюционный подход позволяет устранить антагонизм этих подходов, показывая на примере функционирования сложных биологических систем, каким образом централизация и децентрализация могут мирно сосуществовать, приводя к повышению адапционных свойств всего организма в целом.

Нельзя полностью абсолютизировать методологическое превосходство эволюционной экономики. Она имеет и ряд недостатков. К ним прежде всего необходимо отнести неспособность этого научного направления объяснить нелинейный и творческий характер развития всего живого, а также сам процесс преобразования мира неживой природы в живую, причины возникновения социальных систем и человеческого общества, их спонтанную и многомерную динамику развертывания в пространстве и во времени. Намного ближе к научному объяснению этих процессов подошла синергетика, образующая на этой почве с эволюционизмом прочный методологический синтез в лице *эволюционно-синергетического подхода* [5], [10]. Современное обращение к социосинергетической парадигме в экономической науке актуально прежде всего в связи с качественно новым состоянием СЭО: становится очевидным, что происходит кардинальное изменение как внешней среды существования СЭО, так и их внутреннего наполнения. Ученые высказывают гипотезу о переходе нашего общества в принципиально новое состояние – *постиндустриальную эпоху* [4; 10–16]. Многие процессы, происходящие вокруг нас, говорят в пользу такого подхода. Это глобализация хозяйственной деятельности людей, основанная прежде всего на использовании всеохватывающих информационных технологий, становление безлюдных корпораций, деятельность которых базируется на применении роботов, резкий скачок когнитивных возможностей и способностей человека, значительный рост доли нематериального производства в общей структуре экономической деятельности людей. Однако говорить о конце индустриальной эпохи, а вместе с ней и капиталистических отношений рано. Пока еще мы все крайне зависимы от деятельности традиционных для индустриального этапа промышленных производств (химическая, металлургическая, нефтегазовая промышленность и т. п.), а основой хозяйственных отношений по-прежнему остаются традиционные для капитализма институт частной собственности и рыночные механизмы спроса и предложения. Таким образом, современное человечество находится в стадии перехода, или, выражаясь языком синергетики, в точке полифуркации, которая характеризуется высокой степенью неопределенности дальнейшего состояния системы.

При объяснении создавшегося в окружающем нас мире положения синергетика дополняет эволюционную экономику следующими важными методологическими положениями [3], [5], [10].

1. Самоорганизация социально-экономической системы происходит в условиях, существенно отличающихся от равновесного состояния. Колебания маятника неравновесности с развитием СЭО лишь усиливаются, и если организация не наращивает свой потенциал (человеческий, финансовый, информационный, материальный), то это может привести к ее гибели или поглощению другими организациями. В связи с этим на любом этапе развития СЭО важнейшая роль отводится адекватной работе механизма гомеостазиса. 2. СЭО присущ кооперативный характер динамики подсистем, способность к спонтанному возникновению различных коллективных эффектов (эффект синергизма) и к синхронизации процессов. СЭО обладает большим количеством образующих ее элементов, которые в процессе взаимодействия друг с другом, а также внешней средой порождают макроскопические неоднородности, что приводит к флуктуативным сдвигам в жизни организации. 3. Поведение СЭО в целом и ее элементов характеризуется спонтанностью, возрастает роль и значение «эффекта бабочки», когда казалось бы малозначительные с общесистемной точки зрения события приводят к глобальным изменениям в жизни СЭО. Влияние на организацию «вторичных» факторов становится настолько большим, что ситуация превращается в почти неуправляемую, трудно предсказуемую, то есть *турбулентную*. 4. Самоорганизация, управление и организация взаимно дополняют друг друга, вступая при этом в сложные, диалектически противоречивые взаимосвязи, что находит свое отражение прежде всего во взаимодействии стихийных рыночных начал (*самоорганизация*) и государственного, а также надгосударственного вмешательства на уров-

не международных институтов (*организация*). Переход из одного состояния системы в другое возможен, но он не происходит произвольно. Для этого необходимо изменение внешних условий или свойств системы либо целенаправленные усилия по выталкиванию системы из имеющегося устойчивого состояния и перевод ее в область притяжения другого аттрактора (*управление*). В любом случае нужны затраты энергии и целенаправленная деятельность управляющей подсистемы. 5. В современных СЭО практически не существует однозначной оценки принимаемых управляющей подсистемой решений. В различных пространственно-временных координатах одно и то же управленческое решение может трактоваться на субъективном уровне по-разному: или как единственно верное, или как ошибочное. Такое разночтение результатов деятельности управляющей подсистемы возникает из-за того, что их объективная оценка возможна лишь в долгосрочной перспективе при помощи обращения к критерию жизнестойкости системы: если СЭО сумела «выжить» и успешно адаптироваться с наименьшими потерями и максимальной выгодой для себя к происходящим изменениям во внешней среде, то реализованное управленческое решение было верным. Однако для такой оценки необходим временной лаг, исчисляемый десятилетиями, а возможно даже и продолжительностью жизни нескольких поколений людей.

Эволюционно-синергетический подход к познанию закономерностей развития СЭО находится в самом начале пути своего формирования и выступает в качестве относительно молодого, динамично развивающегося учения, комплексно сочетающего в себе вопросы методологии, теории и практики функционирования современной организации, существующей в условиях, с одной стороны, жесткой конкурентной борьбы, а с другой – интеграции и сотрудничества.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А м о с о в А. И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 312 с.
2. Л е в к и н Н. В. Организационно-культурные отношения и их роль в развитии экономических систем // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2008. № 3(95). С. 91–99.
3. Л е в к и н Н. В., Л а п т е в А. А. Типология социально-экономических систем с позиций социосинергетического подхода и интегральной психологии // Журнал экономической теории. 2012. № 1. С. 23–34.
4. Л е в к и н Н. В., Т и д о р С. Н. Философия управления в быстромеменяющемся мире. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 258 с.
5. Л е в к и н Н. В. Эволюционный и синергетический подходы к изучению организационной культуры системы предпринимательства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5(98). С. 74–82.
6. Л у к ш а П. О. Самовоспроизводство в эволюционной экономике. СПб.: Алетей, 2009. 208 с.
7. Н е л ь с о н Р. Р., У и н т е р С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений: Пер. с англ. М.: Дело, 2002. 536 с.
8. П е р к и н с Дж. Экономический убийца объясняет, почему рухнули финансовые рынки и как их возродить: Пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
9. П о п о в Е. В. Эволюция институтов миниэкономики. М.: Наука, 2007. 542 с.
10. Х а к е н Г. Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс – Традиция, 2009. С. 350–369.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПАРИКОВА
 младший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ptasha@psu.karelia.ru

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА СИГОВА
 доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sigova@onego.ru

АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТАХ ДЛЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Предлагается алгоритм определения потребности региональной экономики в зарубежных трудовых мигрантах на примере г. Москвы. Определение масштабов привлечения и использования иностранных работников осуществляется на основе анализа потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах и возможности ее покрытия за счет внутренних источников.

Ключевые слова: зарубежная трудовая миграция, потребность экономики в кадрах, система профессионального образования

Трудовая миграция – сложный, многогранный социально-экономический процесс. Сотрудники Центра миграционных исследований считают, что мигранты не конкурируют с местными работниками за рабочие места. С другой стороны, ряд ученых и практиков (А. В. Кашепов, А. В. Топилин, О. В. Нетеребский и др.) придерживаются мнения, что экономика России может обойтись без внешних мигрантов. Зарубежные трудовые мигранты работают практически во всех субъектах РФ. Главными центрами притяжения иностранных работников являются Москва и Московская область, которые характеризуются высокой экономической активностью, обеспеченностью финансовыми и инвестиционными ресурсами, емким рынком труда, поэтому в данной статье будет рассматриваться г. Москва. Ее привлекательность для зарубежных трудовых мигрантов объясняется как столичным статусом, так и высокими показателями социально-экономического развития. Москва по сравнению с другими регионами России характеризуется самым высоким значением отношения доходов к величине прожиточного минимума, вторыми по величине значениями таких показателей, как душевой ВРП, средние душевые денежные доходы населения в месяц, а также самым низким уровнем безработицы. Число официально работающих в Москве и Московской области трудовых мигрантов с 2006 по 2008 год увеличивалось (рис. 1).

Начиная с 2009 года наблюдалось сокращение численности зарубежных трудовых мигрантов, и в 2010 году количество иностранных работников составило 345,1 тыс. чел., что ниже уровня 2006 года на 0,03 %, или 10,4 тыс. чел.

На долю Москвы приходится 21 % всех официально зарегистрированных зарубежных трудовых мигрантов РФ, а с Московской обла-

стью – треть численности всех иностранных работников (29 %).

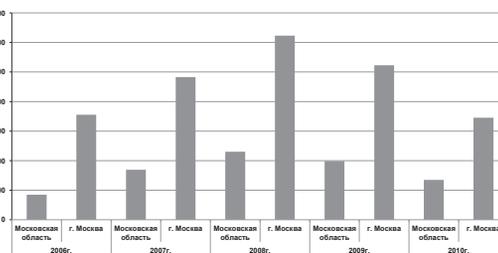

Рис. 1. Динамика численности иностранных работников в Москве и Московской области (2006–2010 годы) [8]

В среднесписочной численности работников зарубежные трудовые мигранты в Москве занимали от 6 до 12 % на протяжении 2006–2010 годов. Наибольшую долю в среднесписочной численности работников они составляли в 2008 году – 12 %, что обусловлено наибольшим притоком иностранных работников в течение рассматриваемого периода времени.

Иностранные трудовые мигранты рассматриваются в балансе трудовых ресурсов в качестве одного из источников формирования трудовых ресурсов России. Одной из причин их привлечения является дефицит рабочей силы на региональных рынках труда. В настоящее время для оценки потребностей в рабочей силе и установления квот для привлечения мигрантов используется только один источник информации – заявки работодателей о потребности в привлечении иностранных работников. Главной причиной заинтересованности работодателей в зарубежных трудовых мигрантах является готовность иностранных граждан заниматься менее оплачиваемой или более трудоемкой работой, на которую не соглашаются местные жители.

С нашей точки зрения, указанный подход не может служить эффективным инструментом точной оценки потребности привлечения иностранных работников. Масштабы трудовой миграции должны определяться с учетом как дополнительной потребности экономики региона в трудовых ресурсах, так и существующих возможностей ее покрытия за счет внутренних источников.

При определении потребности в зарубежных трудовых мигрантах приоритетом должно быть трудоустройство, в первую очередь, местного населения для обеспечения социальной стабильности, сокращения уровня безработицы и напряженности на рынке труда, а также повышения качества человеческого капитала в регионе.

В соответствии с изложенным предлагается следующий алгоритм определения потребности Москвы в зарубежных трудовых мигрантах.

1. Определение ежегодной совокупной потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах ($D(i)$) для социально-экономического развития Москвы заданными темпами.

Пусть i обозначает год, на который определяется потребность.

2. Определение ежегодной дополнительной потребности в квалифицированных кадрах ($\Delta D(i)$) с учетом приоритетов социально-экономического развития Москвы, компенсации ежегодного выбытия работников, а также обеспечения кадрами расширения масштабов производства.

3. Анализ существующих в Москве внутренних и внешних источников трудовых ресурсов для обеспечения потребности регионального рынка труда в кадрах.

3.1. Анализ внутренних источников:

3.1.1. Выпуск молодых специалистов из системы профессионального образования Москвы ($L_{PE}^+(i)$).

3.1.2. Безработные, готовые вступить в трудовую деятельность, в том числе после переобучения ($L_U^+(i)$).

3.2. Анализ внешних источников – зарубежной трудовой миграции ($L_{MF}^+(i)$).

4. Определение степени обеспеченности экономики Москвы внутренними источниками трудовых ресурсов, выявление дефицита / профицита трудовых ресурсов на рынке труда.

Под дефицитом понимается ситуация, когда выполняется условие $\Delta D(i) > L_{PE}^+(i) + L_U^+(i)$, а под профитом – когда оно не выполняется.

5. Определение потребности экономики Москвы в зарубежной трудовой миграции ($\Delta D_{MF}(i)$) зависит от выявленного дефицита/профицита трудовых ресурсов).

5.1. В случае дефицита трудовых ресурсов потребность экономики в зарубежной трудовой миграции рассчитывается на основе выражения:

$$\Delta D_{MF}(i) = \Delta D(i) - (L_{PE}^+(i) + L_U^+(i)).$$

5.2. В случае профицита трудовых ресурсов, $\Delta D_{MF}(i) = 0$.

На первом шаге алгоритма предполагается определение совокупной потребности экономики Москвы в кадрах, которая отражает объем и структуру трудовых ресурсов, необходимых для обеспечения функционирования экономики по выбранному сценарию социально-экономического развития, а также достижения социальных целей общества, включая воспроизводство рабочей силы в расширенных масштабах.

Развитие экономики заданными темпами предполагает необходимость определения дополнительной потребности в квалифицированных кадрах. Потребность в кадрах была получена на основе расчетов Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета с использованием методики макроэкономического прогнозирования потребностей экономики в кадрах [1], [7], которая учитывает параметры экономического развития и демографической ситуации в стране. Согласно этой методологии, дополнительная потребность экономики в рабочей силе складывается из потребности в компенсации ежегодного выбытия рабочей силы, в обеспечении кадрами новых производств с учетом темпов развития экономики, скорости обновления производственных фондов, внедрения новых технологий [1], [7].

Остановимся более подробно на третьем шаге алгоритма, а именно анализе источников трудовых ресурсов для обеспечения потребности рынка труда в квалифицированных кадрах на ретроспективном периоде. Для изучения существующих внутренних источников обеспечения дополнительной потребности экономики в кадрах важным является анализ объема структуры выпуска из системы профессионального образования, а также анализ численности и структуры безработных граждан.

На протяжении 2006–2008 годов потребность экономики в кадрах могла быть полностью удовлетворена за счет выпускников системы профессионального образования при соответствии профессионально-квалификационной структуры выпускников потребностям экономики. Однако в 2009–2010 годах дефицит в кадрах из-за недостаточного выпуска из этой системы составил 4,3 и 16,7 % соответственно. В расчетах используется значение количества выпускников образовательных учреждений дневной формы обучения, так как предполагается, что студенты заочного и вечернего отделений уже имеют рабочее место и совмещают учебу с работой.

Определение степени обеспеченности региональной экономики в кадрах собственными источниками и выявление дефицита / профицита трудовых ресурсов должно осуществляться также в разрезе уровней профессионального образования.

Степень покрытия дополнительной потребности рынка труда г. Москвы в 2010 году за счет выпускников в разрезе уровней профессионального образования отражена на рис. 2.

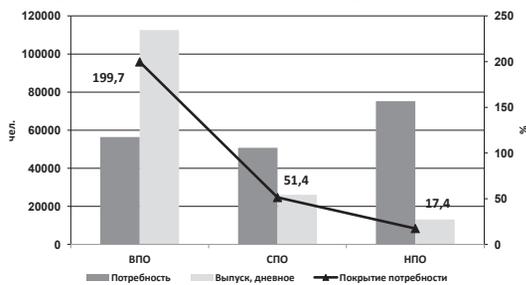

Рис. 2. Покрытие дополнительной потребности рынка труда Москвы за счет выпуска системы профессионального образования (2010 год) [9], [10], [11]

Как видно из рис. 2, дополнительная потребность в квалифицированных кадрах с высшим профессиональным образованием в 2010 году могла быть удовлетворена исключительно за счет выпускников дневного отделения, численность которых превышала потребность в 2 раза. В то же время дополнительное предложение, созданное выпускниками учреждений среднего и начального профессионального образования, не могло полностью покрыть возникшую потребность, дефицит кадров составил 48,6 и 82,6 % соответственно. Но при учете имеющегося безработного населения (рис. 3) дополнительная потребность в 2010 году могла быть удовлетворена без привлечения дополнительных источников трудовых ресурсов, в том числе зарубежных.

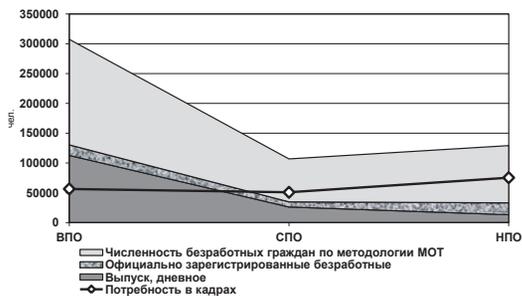

Рис. 3. Дополнительная потребность рынка труда Москвы и источники ее покрытия (2010 год) [5], [9], [10], [11]

Приток зарубежных трудовых мигрантов отражается как на изменении численности и структуры всего населения региона, так и показателей предложения на рынке труда. Рассматривая агрегированные показатели, следует отметить, что зарубежные трудовые мигранты оказывают сильное давление на рынок труда Москвы: на протяжении всего рассматриваемого периода численность иностранных работников превышала ежегодную дополнительную потребность экономики в кадрах как минимум в 1,5 раза. В 2009 году численность иностранных работников была в 3 раза выше потребности Москвы в трудовых ресурсах.

Для корректной оценки влияния зарубежных трудовых мигрантов на рынок труда следует осуществить детализацию показателей по уровням профессионального образования.

Сложность анализа профессионально-квалификационной структуры зарубежных трудовых мигрантов заключается в том, что статистическая государственная отчетность не предоставляет сведений об образовательном уровне прибывающих иностранных граждан. В связи с этим распределение численности иностранных работников по уровням профессионального образования было произведено на основе структурных пропорций, полученных из заявок работодателей о требуемом уровне образования предполагаемых к привлечению иностранных работников [4].

В результате распределения зарубежных трудовых мигрантов по уровням профессионального образования было установлено, что каждый второй иностранный работник (51 % от общей численности) имеет высшее профессиональное образование, 21 % мигрантов – среднее и только 28 % – начальное. Следует отметить, что в остальных регионах Российской Федерации, как правило, преимущественное количество зарубежных трудовых мигрантов имеют начальное или среднее профессиональное образование.

Как видно из рис. 4, в 2010 году в Москву прибыли мигранты с высшим профессиональным образованием, численность которых превышала ежегодную дополнительную потребность рынка труда в 3,1 раза; мигранты со средним и начальным профессиональным образованием превышали существующую потребность в указанных кадрах в 1,4 и 1,3 раза соответственно.

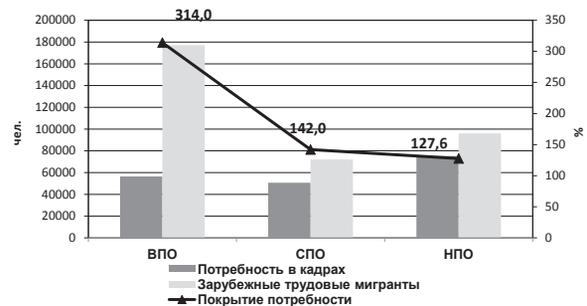

Рис. 4. Покрытие дополнительной потребности рынка труда Москвы за счет зарубежных трудовых мигрантов в 2010 году (по расчетам авторов на основе указанных методик)

Структура занятости иностранных работников в Москве аналогична структуре рынков труда мигрантов Российской Федерации в целом. В 2010 году наибольшее количество зарубежных трудовых мигрантов было занято торговлей – 98 830 чел. (28,6 % от общего числа работавших в отчетном периоде), операциями с недвижимым имуществом – 75 317 чел. (21,8 %), строительством – 70 528 чел. (20,4 %). Таким образом, в 2010 году аналогично с 2006 годом в тройку

сфер наибольшего использования труда зарубежных мигрантов вошли торговля и строительство. Так, в 2006 году на остальные виды экономической деятельности, кроме двух вышеперечисленных, приходилось не более 7 % от иностранных работников. При этом произошли существенные изменения в привлечении иностранной рабочей силы по такому виду экономической деятельности, как операции с недвижимым имуществом: если в 2006 году численность зарубежных трудовых мигрантов, занятых этим видом деятельности, не превышала 1 % в общей структуре, то в 2010 году их доля составила 22 % и вошла в тройку наиболее востребованных. В остальных видах экономической деятельности работали не более 7 % трудовых мигрантов.

В связи с тем что треть иностранных работников была задействована в торговле, в данном секторе экономики Москвы зарубежные трудовые мигранты превышали потребность в кадрах в 2,3 раза. Кроме того, численность зарубежных трудовых мигрантов превышала потребность в кадрах в таких видах экономической деятельности, как «F – Строительство» (в 4,3 раза), «K – Операции с недвижимым имуществом...» (в 3,1 раза), «I – Транспорт и связь» (в 1,5 раза) и «D – Обрабатывающие производства» (в 1,3 раза) (рис. 5). Меньше всего зарубежные трудовые мигранты участвуют в удовлетворении потребности в кадрах в сфере образования и здравоохранения: их доля не превышает 20 %.

Последним шагом алгоритма является определение прогнозной потребности экономики Москвы в зарубежных трудовых мигрантах,

так как иностранные работники играют роль в покрытии кадрового дефицита, который может быть вызван недостаточным количеством внутренних ресурсов.

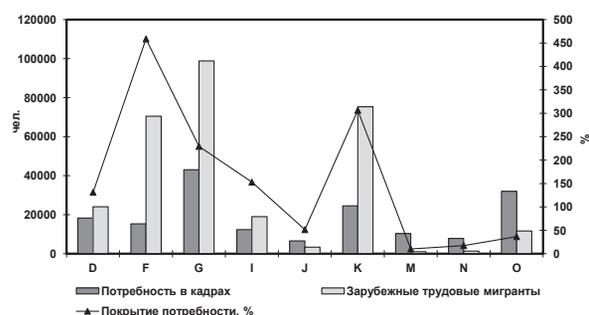

Рис. 5. Покрытие дополнительной потребности рынка Москвы за счет зарубежных трудовых мигрантов в разрезе ВЭД (2010 год) [8]

Привлечение и использование труда зарубежных мигрантов должно служить эффективным инструментом регулирования рынка труда, и миграционная политика должна своевременно реагировать на изменяющиеся потребности экономики. Для повышения сбалансированности между спросом и предложением трудовых ресурсов, исходя из потребностей развития экономики, может быть использован предложенный алгоритм, который позволяет определить необходимые масштабы привлечения и использования зарубежных трудовых мигрантов. Преимуществом предложенного алгоритма является учет интересов населения региона с целью повышения социальной стабильности.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуртов В. А., Питухин Е. А., Серова Л. М. Моделирование потребностей экономики в кадрах с профессиональным образованием // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6. С. 91–107.
2. Кашепов А. В. Рынок труда и миграция в 2008–2020 годах // Научный эксперт. Научный электронный журнал. 2008. Вып. 12. С. 26–35.
3. Нетеребский О. В. Москва на пути к цивилизованному использованию труда мигрантов // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам Восьмой Всероссийской науч.-практ. Интернет-конференции (27–28 октября 2011 г.). Кн. II. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011.
4. Об утверждении уточненных сведений о рабочих местах, на которые предполагается привлечение иностранных работников в 2010 году: Приказ Федеральной службы по труду и занятости № 34 от 5 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rostrud.ru/documents/19/xPages/item.1082.html?&filter=1:13|2:24&limit=20&order=v_string2
5. Обследование населения по проблемам занятости. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010.
6. Перспективы трудовой миграции в России: от количественных к качественным параметрам / А. В. Топилин, О. А. Парфенцева; Ин-т макроэкон. исслед. М.: МАКС Пресс, 2008. 105 с.
7. Питухин Е. А., Гуртов В. А. Математическое моделирование динамических процессов в системе «экономика – рынок труда – профессиональное образование». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 350 с.
8. Распределение иностранных работников по видам экономической деятельности: форма 2-Т (миграция) / Росстат. М., 2006–2010.
9. Сведения о государственном и муниципальном высшем учебном заведении / Форма государственной статистической отчетности № 3-НК. М.: ГМЦ Росстата, 2010.
10. Сведения о государственном образовательном учреждении, реализующем программы среднего профессионального образования. № 2-НК. М.: ГМЦ Росстата, 2010.
11. Сведения о численности учащихся образовательных учреждений, реализующих программы начального профессионального образования, по профессиям / Форма государственной статотчетности № 1 (профтех). М.: ГМЦ Росстата, 2010.
12. Среднесписочная численность и начисленная заработная плата работников по видам экономической деятельности / Таблица 8 формы отчетности № 1-т (годовая). М.: ГМЦ Росстата, 2006–2010.

ЛЮДМИЛА ГЕННАДЬЕВНА КОЛОДЕЙ
преподаватель кафедры экономической теории и финансов
экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kolodey@sampo.ru

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ*

Показывается значение налоговой политики на примере предприятий электроэнергетики. Обобщается опыт реформирования электроэнергетики через призму налоговых рисков.

Ключевые слова: финансы, налоги, реформа, риски

Целью деятельности любого экономического субъекта в условиях рыночной экономики является получение прибыли [4; 49]. Оценка конкурентоспособности предприятия и его продукции производится на рынке. Однако и государство оказывает влияние на конкурентоспособность предприятия посредством налогообложения. Компромисс между уровнем налоговой нагрузки со стороны государства и способностью предприятий нести ее отображает кривая Лаффера. Однако налоговая нагрузка не является только лишь результатом законотворческого процесса. В условиях возможности выбора учетной политики и системы налогообложения предприятия имеют возможность самостоятельно управлять налоговыми платежами. Прибыль предприятия становится не только целью деятельности, но и объектом управления. При этом предприятие обязано соблюдать правила правового поля.

В учетной политике организации закрепляются порядок признания выручки (по отгрузке, по оплате), способ амортизации основных средств и нематериальных активов, способ списания запасов на издержки производства, способ учета внереализационных доходов и расходов (в том числе варианты формирования страховых фондов) и др. Налоговая политика предполагает управление налогами в целях оптимизации налогообложения (предупреждение излишних налоговых платежей, исключение двойного налогообложения, использование разнообразных налоговых льгот и др.). Учетная и налоговая политика оказывает существенное влияние на движение денежных средств и финансовое положение предприятия.

В целях эффективного управления финансами наиболее распространенными альтернативами выбора являются следующие:

- порядок формирования резервов, в том числе резерва по сомнительным долгам (позволяет отсрочить уплату налога на прибыль по просроченной дебиторской задолженности за реализованные товары, работы, услуги);

- порядок списания запасов на издержки (в условиях высокой инфляции предпочтительнее пользоваться способом ЛИФО);
- включение в состав расходов отчетного периода расходов на капитальные вложения в размере до 30 % первоначальной стоимости основных средств;
- включение в состав расходов процентов по долговым обязательствам по ставке, установленной соглашением сторон, но не превышающей ставку рефинансирования ЦБ РФ, увеличенную в 1,8 раза (до 1 января 2010 года включение в состав расходов определялось исходя из ставки рефинансирования, увеличенной в 1,1 раза, – при отсутствии долговых обязательств перед российскими организациями, выданных в том же квартале на сопоставимых условиях).

В зависимости от специфики деятельности предприятия могут применяться другие способы управления налоговыми платежами. Например, для предприятий электросетевого хозяйства, стоимость основных средств у которых высока, существуют льготы по налогу на имущество: в соответствии со статьей 381 НК РФ, п. 11 [1], они освобождены от налогообложения в отношении линий энергопередач, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов.

Однако для электросетевых предприятий существуют колоссальные налоговые риски по другим видам налогов. После того как в 2005 году произошло реформирование электроэнергетики, АО-энерго были разделены на отдельные компании по видам деятельности: производство, передача, сбыт электроэнергии и оперативно-диспетчерское управление. Техническое и финансовое состояние предприятий оставляло желать лучшего: за плечами были годы неплатежей потребителей, основные фонды стремительно изнашивались, широкомасштабное новое строительство отсутствовало. Реформа принесла стимулы повышения эффективности деятельности, но вместе с тем появились другие проблемы,

которые, оказывая комплексное влияние на деятельность предприятия, приводят и к налоговым рискам.

Так, например, между потребителями услуг по передаче электроэнергии и сетевыми компаниями стали возникать разногласия:

- потребители, присоединенные к сетям «последней мили» (арендованные объекты 220 кВ и выше, принадлежащие федеральной сетевой компании, тарифы для которой устанавливаются на федеральном уровне), отказываются платить сетевым компаниям в регионе, оспаривая легитимность заключения договоров аренды и применения к ним тарифов, утвержденных на региональном уровне;
- потребители, несвоевременно уведомившие сетевую компанию о варианте выбора тарифа (двуставочный или одноставочный), оспаривают применение к ним варианта тарифа, действовавшего в предыдущий период;
- сбытовые компании в отсутствие полноценной автоматизированной системы учета выставляют сетевым компаниям незарегистрированное потребление электроэнергии в счетах за потери электроэнергии.

Существуют и другие проблемы, частично возникающие из-за несовершенства законодательства, частично как следствие непростого взаимодействия экономических субъектов. В любом случае проигрывают обе стороны: компания, которая оказывает услуги, учитывает объемы разногласий в выручке, увеличивая доходную часть по налогу на прибыль и НДС, а компания, которая должна оплачивать эти услуги, не отражает их в составе расходов, тем самым увеличивая свой налог на прибыль и не получая вычеты по НДС.

При разделении компаний по разделительному балансу были переданы не только основные фонды, но и другие активы, в том числе просроченная дебиторская задолженность за электроэнергию. Сетевые компании получили значительную часть безнадежной дебиторской задолженности в соответствии со своей долей в получаемых активах. Однако появилось несоответствие между тем, что безнадежные долги сформировались по виду деятельности «электроснабжение», а сетевая компания после реформирования формально этим не занимается, основной вид деятельности у нее – передача электроэнергии. В ряде случаев возникало непонимание между налоговыми органами и налогоплательщиками при отнесении сумм безнадежных долгов на внереализационные расходы и учете при налогообложении прибыли.

Долгое время шли споры об учете для налогообложения нагрузочных потерь электроэнергии. Покупка электроэнергии для компенсации потерь в собственных сетях – это одна из статей затрат сетевой компании. Нагрузочные потери

электроэнергии – это расчетная величина, учитывающая специфику электроэнергии как товара, который покупается и передается одномоментно. Особенностью нагрузочных потерь является то, что их стоимость учитывается не только в расходах сетевой компании, но и в доходах, так как сбытовые компании компенсируют эти расходы сетевой компании. Однако четкое понятие нагрузочных потерь в налоговом законодательстве отсутствует. Потери электроэнергии, определяемые по счетчикам, можно подтвердить первичной учетной документацией. Нагрузочные же потери определяются расчетным путем по специальным формулам администратором торговой системы [5]. Непринятие их налоговым органом влечет завышение налога на прибыль и невозможность получить налоговый вычет по НДС.

Не секрет, что сетевые компании и потребители электроэнергии страдают из-за недостатка мощностей. Ввод новых сетевых объектов требует существенных капитальных вложений, но при ограниченности тарифа источник капитальных вложений также ограничен. Частично проблема была решена путем введения с 2005/06 года платы за технологическое присоединение, в составе которой учитывалась инвестиционная составляющая. Если потребитель желает присоединиться к электросетям, он оплачивает технологическое присоединение по установленным региональным органом власти ставкам. Доходная часть сетевой компании – это единовременная выручка от потребителя. Расходная часть – это капиталовложения, которые списать на себестоимость услуги одновременно невозможно. Получается, что практически вся выручка от технологического присоединения представляет собой прибыль и подлежит налогообложению. В таком случае размер платы за технологическое присоединение должен быть увеличен на 25 % от стоимости капиталовложений (рассчитывается как $100 \% / (100 \% - 20 \%)$, где 20 % – ставка налога на прибыль). Включение налога на прибыль в состав платы за технологическое присоединение не осуществлялось регулирующими органами до того момента, пока Федеральная служба по тарифам не дала соответствующие разъяснения [2].

При реформировании энергетики проявилась проблема, связанная с дублированием управленческих функций. Вместо одного предприятия в энергетике появилось как минимум четыре, каждое со своей организационной структурой и управленческим аппаратом. Кроме того, у каждого предприятия появилась своя управленческая надстройка на федеральном или региональном уровне, а сами предприятия стали филиалами. В сетевом бизнесе были созданы межрегиональные распределительные сетевые компании – МРСК (например, ОАО «МРСК Северо-Запада» или ОАО «МРСК Центра») –

и холдинговая компания с государственным участием (ОАО «Холдинг МРСК»). Средства на их содержание поступают из тарифов, установленных в регионах [3]. Для списания этих затрат и их учета при налогообложении прибыли необходимо доказать их экономическую целесообразность, что достаточно сложно сделать. Управляющая компания выполняет координирующую функцию, обладает большей устойчивостью, нежели более мелкая компания, имеет большие возможности привлечения финансовых ресурсов, а следовательно, и развития. В настоящее время Федеральная служба по тарифам рассматривает деятельность управляющей ком-

пании ОАО «Холдинг МРСК» как регулируемой организации, что позволяет филиалам включать эти затраты при налогообложении прибыли без риска. В отношении МРСК вопрос пока что остается открытым.

Таким образом, можно видеть, что законодательство в электроэнергетике претерпевает изменения, меняются система тарифообразования и методы регулирования, правила функционирования рынков электроэнергии. Налоговая система также не стоит на месте, и эффективный финансовый менеджер должен быть в курсе налоговых аспектов деятельности своего предприятия и отслеживать налоговые риски своей компании.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.10.2012) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/nalog2/>
2. Письмо ФСТ России от 19.10.2012 № ДС-8180/12 «О налоге на прибыль в плате за технологическое присоединение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rek.permkrai.ru/news/region/2012/10/30/625/>
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 05.10.2012) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136299>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Акулов В. Б. Финансовый менеджмент: Учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 228 с.
5. Арутюнова О. Л. Нагрузочные потери на оптовом рынке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zodiak-energo.ru/articles/article/120/>

ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА КОЗЫРЕВА
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
юридического факультета, Петрозаводский государствен-
ный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kozyreva.tatyana@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДОЛЖНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Рассматриваются требования, предъявляемые к кандидату на должность мирового судьи в дореволюционной и современной России. Проводится их сравнительный анализ.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировой судья, судебная реформа, кандидат на должность мирового судьи, судебная система

Мировая юстиция в Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия привлекает особое внимание юристов и ученых как возродившийся правовой институт, который как когда-то во времена дореволюционной России, составляет часть судебной системы страны и в настоящее время представляет судебную власть в субъектах РФ. Для эффективного функционирования института мировой юстиции в России, для осуществления задач и целей, поставленных законодателем перед мировыми судьями, необходимо не только руководствоваться действующим законодательством при осуществлении полномочий мировыми судьями, но и знать историю существования мировой юстиции в России, анализировать практику создания и развития института мировой юстиции и его ключевой фигуры – должности мирового судьи, видеть недостатки и достоинства мировой юстиции тех времен. Особое внимание необходимо обратить на должность мирового судьи, ее место в судебной системе, предъявляемые законодателем требования к кандидату на должность мирового судьи.

В качестве этапов становления российской судебной системы выделяют существовавшее в IX–X веках на Руси «обычное право», суды князя в XI веке, светские и церковные суды, Судебники и Соборные уложения XV–XVII веков, реформы Петра I, Екатерины II, Александра I. Только при Екатерине II была создана разветвленная система судов и произошло отделение судебной власти от других ветвей власти. Все эти этапы явились предпосылками к появлению института судебной системы – мирового суда.

Деятельность мирового судьи в период с 1864 по 1917 год осуществлялась в соответствии со следующими нормативно-правовыми актами: «Учреждения судебных установлений» [5], «Устав уголовного судопроизводства» [14], «Устав гражданского судопроизводства» [10], «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [13]. Данные законы содержали как материальные, так и процессуальные нормы, регулирующие деятельность мирового судьи. Однако

особое место среди них занимал «Устав гражданского судопроизводства», содержащий раздел под названием «О судопроизводстве у мирового судьи».

Деятельность мировых судей осуществлялась в соответствии с разделом «Устава гражданского судопроизводства» «О судопроизводстве у мирового судьи», мировые судьи учреждались в уездах и некоторых городах, избирались уездным земским собранием, городской думой сроком на 3 года. Уезд считался мировым округом.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом РФ «О мировых судьях в Российской Федерации» мировые судьи являются судьями общей юрисдикции в субъектах РФ, мировой судья осуществляет свои полномочия в пределах территории судебного участка, порядок назначения (избрания) мировых судей устанавливается законами субъектов РФ, они назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта РФ, срок пребывания в должности также устанавливается законом субъекта РФ [8].

В дореволюционной России к кандидату на должность мирового судьи предъявлялись следующие требования: проживание, возрастной ценз, уровень образования, имущественный ценз и нравственные качества. Требования, предъявляемые к кандидату на должность мирового судьи, отличались от требований к судьям окружного суда, Судебной палаты и Сената тем, что назначение и нахождение в должности мирового судьи было возможно только при соблюдении имущественного ценза. Кандидат и его близкие родственники должны были владеть не менее одного года земельными участками около 400 десятин или обладать недвижимостью, оцененной в пределах от 3 до 15 тысяч рублей, точная сумма определялась в зависимости от места ее нахождения. При утрате имущественного положения мировые судьи лишались должности

в соответствии со ст. 19 Закона «Учреждения судебных установлений» [7].

Многие из мировых судей не имели необходимой юридической подготовки, поскольку от них, в отличие от судей общих судов, не требовалось не только специального высшего образования, но и вообще какого-либо образования [11; 6].

Сейчас же требования к кандидатам на должность мирового судьи установлены Федеральным законом РФ «О мировых судьях в Российской Федерации». Так, согласно ст. 5 мировым судьей может быть гражданин РФ, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен и получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта РФ; также основные требования к кандидату на должность судьи закреплены в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [3]. Законом предусмотрено, что судьей может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности в должностях, требующих высшего юридического образования, не менее пяти лет. Таким образом, в настоящее время к кандидату на должность мирового судьи предъявляются только те требования, которые непосредственно связаны с образованием кандидата, возрастом и опытом работы. В соответствии с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» отбор кандидатов на должность судьи осуществляется на конкурсной основе, то есть все кандидаты обладают равным доступом к замещению должностей независимо от пола, расы, вероисповедания, имущественного положения.

В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства мировым судьей не мог быть ранее судимый или состоящий под следствием, судом, исключенный со службы за порочащие поступки, объявленный несостоятельным должником, а также лица иудейского вероисповедания. В настоящее время ограничения, связанные с назначением на должность мирового судьи, не связаны с вероисповеданием и имущественным положением. Действующим законодательством предусмотрено, что мировым судьей не может быть гражданин, совершивший порочащие его поступки, не сдавший квалификационный экзамен и не получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта РФ.

В соответствии со ст. 41 Закона «Учреждения судебных установлений» за мировым судьей закреплялся определенный участок, на котором он должен был проживать весь срок нахождения в должности. В настоящее время такой нормы не существует, и необходимости в ней не усматри-

вается, а вот юрисдикция мирового судьи современной России так же, как и во времена дореволюционной России, распространяется только на соответствующий судебный участок.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в дореволюционной России название «участковый мировой судья» говорило о прикреплении мирового судьи к определенной территории и распространении его юрисдикции на данную территорию, что в целом сохраняется и в современном российском законодательстве.

В настоящее время нормативно-правовая база, непосредственно связанная с деятельностью мирового судьи, много шире и разнообразнее, законы более детально описывают и регулируют возникающие правоотношения субъектов, нормативно-правовые акты стали более конкретизированы. Необходимо отметить и количественный критерий: законов, регулирующих деятельность мирового судьи, стало намного больше, чем в дореволюционной России. Все это объясняется достаточно просто. Жизнь общества с развитием различных областей усложняется, наполняется новыми понятиями, объектами, связями, что, в свою очередь, влечет возникновение новых, более сложных правоотношений и правовых споров, возникающих вследствие существования правоотношений между субъектами, их начала, развития и прекращения, влечет поиски новых способов защиты интересов субъектов правоотношений, в связи с чем законодатель пытается охватить весь спектр общественных связей, правоотношений, обязательств и прав, детально описать в нормативно-правовых актах возможные спорные ситуации и способы выхода из них спорящих сторон. К основным законам дореволюционной России относятся «Учреждения судебных установлений», где мировой судья провозглашался носителем судебной власти, «Табель о рангах» [6], где определялось должностное положение мирового судьи, здесь законодатель приравнивал должность мирового судьи к должности члена окружных судов и судебных палат, «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Данные документы содержали нормы, регулирующие деятельность мирового судьи, связанную непосредственно с управлением правосудия. В настоящее время нормативно-правовое регулирование деятельности мирового судьи осуществляется прежде всего Конституцией РФ, определяющей место мирового судьи в системе органов государственной власти и место в судебной системе, а также Федеральным законом РФ «О мировых судьях в Российской Федерации», Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным конституционным законом РФ «О судебной системе» [9], Гражданско-процессуальным кодексом РФ

[2], Уголовно-процессуальным кодексом РФ [7], Кодексом об административных правонарушениях РФ [4], Арбитражно-процессуальным кодексом РФ [1] и другими законами, а также законами субъектов РФ.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что законодательное регулирование деятельности мировых судей в настоящее время охватывает всю работу мирового судьи, процедуру отправления правосудия мировым судьей, порядок назначения на должность и прекращения полномочий, компетенцию и взаимодействие с другими органами государственной власти.

В дореволюционной России в числе требований к кандидатам на должность мирового судьи огромную роль играло положение кандидата в обществе, его имущественное положение, и прежде всего его достаток. В современной России важным для определения возможности назначения гражданина на должность мирового судьи является прежде всего уровень его образования и опыт трудовой деятельности, что, по мнению современного законодателя, определяет возможность гражданина осуществлять деятельность мирового судьи.

О месте мирового судьи в судебной системе России в дореволюционный период и в РФ можно сказать следующее. Мировые судьи в дореволюционной России провозглашались носителями судебной власти, что является основополагающим принципом деятельности мировых судей и в настоящее время согласно Конституции РФ. Мировые судьи уездов и городов являлись раз-

новидностью местных судов, как и существующие в настоящее время мировые судьи судебных участков городов, районов субъектов РФ.

Опыт мировой юстиции дореволюционной России показывает, что необходима строгая регламентация деятельности мирового судьи, четкое определение его роли в судебной системе государства, законодательное закрепление полномочий и целей осуществления деятельности мировым судьей. Опыт России показывает, что институт мировой юстиции является важным и нужным с учетом государственного и территориального устройства РФ.

Какой будет история развития мировой юстиции в Российской Федерации, зависит от решения многих вопросов и проблем как на законодательном уровне, так и на судебном, однако возрождение данного института мировой юстиции говорит о том, что правосудие становится ближе и доступнее населению, и именно эту цель преследует законодатель, проводя судебную реформу. Учитывая количество дел, рассматриваемых мировыми судьями в настоящее время, можно с уверенностью сказать, что большую часть мелких бытовых, гражданско-правовых проблем, споров и административных правонарушений рассматривают именно мировые судьи. В настоящий момент уже проявляются положительные черты возрождения института мировой юстиции, например значительное снижение напряженности в районных судах и уменьшение количества дел, рассматриваемых с нарушением процессуальных сроков [12; 49].

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция. 1995. № 11.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1).
5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. СПб., 1866. С. 438–439.
6. Табель о рангах, 1722 года. М.: В Сенатской Типографии, 1722. 17 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ // Ведомости Федерального Собрания РФ. 01.01.2002. № 1, ст. 1.
8. Федеральный закон РФ от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.12.1998. № 51, ст. 6270.
9. Федеральный закон РФ от 31.12.1996 № 1-ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1, ст. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10. Гордон В. Устав гражданского судопроизводства, систематизированное собрание и разъяснения. Издание шестое. СПб., 1914.
11. Родина Л. В. История становления и развития института мировых судей в России // Мировой судья. 2007. № 4. С. 5–6.
12. Терехин В. А., Захаров В. В. А нужна ли нам мировая юстиция? // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 48–50.
13. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, разъясненный решениями уголовного кассационного департамента правительствующего сената за 1866–1871 года / Сост. Н. П. Тимофеев. VI. СПб.: Тип. К. Н. Плотникова, 1872.
14. Ширков В., Шрамченко М. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции. СПб., 1902.

АННА ПАВЛОВНА УХАНОВА

преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

anna.ukhanova@onego.ru

ИНФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ*

Освещается правовое регулирование порядка и особенностей информирования избирателей как элемента информационного обеспечения выборов, даются рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство для обеспечения избирательных гарантий граждан.

Ключевые слова: информационное обеспечение, гарантии избирательных прав, принципы выборов

Конституция РФ [1] закрепляет гарантии свободы СМИ, мнений и убеждений, политического и идеологического плюрализма, основные гарантии избирательных прав граждан. Как разъяснил Конституционный суд РФ, «выборы могут считаться свободными, только если гражданам реально гарантированы право на получение и распространение информации и свобода выражения мнений» [7]. Однако в рамках избирательного процесса приведенные гарантии следует рассматривать как конкурирующие, поскольку в ходе выборов осуществляется борьба, и прежде всего информационная, различных политических групп. Таким образом, законодательное регулирование сферы информационного обеспечения выборов следует рассматривать как направленное на обеспечение баланса интересов субъектов избирательного процесса.

Как закреплено в ст. 44 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (далее – Закон об основных гарантиях) [5], информационное обеспечение выборов включает в себя информирование избирателей и предвыборную агитацию, способствует осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов. В этой связи изучение особенностей и значения информирования избирателей как элемента информационного обеспечения выборов является значимым.

На наш взгляд, для реализации гарантий субъектов, обладающих как активным, так и пассивным избирательным правом, приоритетное значение имеет качество информации о самом избирательном процессе, включая все его этапы. Именно таким образом предпочтения избирателей относительно кандидатов и избирательных объединений уже могут быть сформированы, а свободное волеизъявление реализовано.

С учетом присущих особенностей правового регулирования информационного обеспечения выборов в РФ выделяют следующие его этапы: 1) со дня официального опубликования решения

о назначении выборов до выдвижения кандидатов, списков кандидатов; 2) с момента выдвижения кандидатов, списка кандидатов до начала агитационного периода в СМИ (за 28 дней до дня голосования); 3) с начала агитационного периода в СМИ до нуля часов дня, предшествующего дню голосования; 4) день, предшествующий дню голосования, и день голосования [11; 44]. Нам видится необходимым дополнить приведенную классификацию не менее значимым этапом информационного обеспечения выборов в РФ – обнаружение и опубликование результатов выборов. В целом информирование избирателей имеет особенности правового регулирования по периоду проведения, субъектному составу и содержанию.

Несмотря на то что общих ограничений по периоду информирования избирателей не установлено, п. 7 ст. 45 Закона об основных гарантиях содержит предписание о том, что в день голосования до момента окончания голосования на территории соответствующего избирательного округа запрещается публикация (обнародование) данных об итогах голосования, о результатах выборов, в том числе размещение таких данных в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая Интернет).

Таким образом, из периода проведения информирования избирателей исключается только день голосования до момента его окончания. Это значит, что информирование формально может выходить за пределы конкретного избирательного процесса. А поскольку публикация (обнародование) в день голосования до момента его окончания данных об итогах голосования, о результатах выборов может не отвечать гарантированным в п. 4 ст. 45 Закона об основных гарантиях принципам объективности, достоверности, равенства кандидатов и избирательных объединений, такое временное ограничение представляется оправданным. Также установлен запрет в отношении опубликования (обнародования) результатов опросов общественного мнения

в течение пяти дней до дня голосования и в день голосования.

По *субъектному составу*, как закреплено в п. 1 ст. 45 Закона об основных гарантиях, информирование избирателей осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления, комиссиями, организациями, осуществляющими выпуск СМИ, физическими и юридическими лицами в соответствии с настоящим законом. То есть перечень субъектов, осуществляющих информирование избирателей, не ограничен, но и здесь есть несколько запретительных предписаний.

Во-первых, органы государственной власти и местного самоуправления не вправе информировать избирателей о кандидатах, об избирательных объединениях. И как дополнение – предписание п. 6 ст. 47 Закона об основных гарантиях, согласно которому в периодических печатных изданиях, учрежденных органами государственной власти, органами местного самоуправления исключительно для опубликования их официальных материалов и сообщений, нормативных правовых и иных актов, не могут публиковаться редакционные материалы, освещающие деятельность кандидатов, избирательных объединений.

Мы полагаем, что такие изъятия являются спорными в связи с тем, что, с одной стороны, информирование должно осуществляться с соблюдением паритета между кандидатами и избирательными объединениями; с другой стороны, органы власти не должны дублировать полномочия избирательных комиссий, в отношении которых действует принцип независимости в осуществлении своих полномочий и которые обладают всей полнотой информации о кандидатах и избирательных объединениях, участвующих в выборах.

Однако на сегодняшний день такое изъятие все-таки не позволяет в полном объеме обеспечить реализацию принципов информирования, поскольку в ситуации, когда кандидат осуществляет полномочия единоличного органа власти или входит в состав коллегиального органа власти, информирование о порядке осуществления им своих должностных полномочий косвенно является информированием о нем и как о кандидате. На практике возникают избирательные споры, связанные с всесторонним освещением в период избирательной кампании должностной деятельности некоторых кандидатов, в том числе от их лица, государственными и муниципальными СМИ.

Так, решением Верховного суда Республики Карелия по делу № 3-39/2011 [9] было отказано в заявлении об отмене постановления ЦИК Республики Карелия от 26 октября 2011 года № 13/96-5 о регистрации кандидатом в депутаты ЗС РК пятого созыва Н. Отказ мотивирован тем, что ни одна из названных заявителем публикаций не содержит сведений о выборах, упоминаний о Н. как

кандидате в депутаты, все обращения к нему имели место как к главе Карелии, информационные материалы освещают должностную деятельность Н. и не являются предвыборной агитацией.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что формально-юридически обширное освещение должностной деятельности ряда кандидатов через СМИ в период избирательной кампании не затрагивает принципа равенства кандидатов. Иными словами, ограничения п. 2 ст. 45 Закона об основных гарантиях не нарушаются, поскольку информация о кандидатах не содержит признаков агитации, закрепленных в п. 2 ст. 48 Закона об основных гарантиях.

Однако фактически принцип равенства кандидатов не гарантирован самим законодателем, что порождает приведенную правоприменительную практику. И проблематичность правового регулирования заключается здесь в формулировке ограничительной конструкции п. 2 ст. 40 Закона об основных гарантиях. Согласно данной норме, зарегистрированные кандидаты, находящиеся на государственной или муниципальной службе, освобождаются от выполнения должностных или служебных обязанностей и представляют в избирательную комиссию заверенные копии соответствующих приказов (распоряжений) не позднее чем через пять дней со дня регистрации. Такому предписанию корреспондирует и содержание п. 12, п. 13 ч. 1 ст. 17 ФЗ от 27.04.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3], согласно которым гражданскому служащему запрещено использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации и должностные полномочия в интересах политических партий. При этом ограничения п. 2 ст. 40 Закона об основных гарантиях не распространяются на тех кандидатов, которые являются должностными лицами, не замещаая при этом должности государственной или муниципальной службы. Например, это – главы субъектов РФ, что следует из положений ч. 1 ст. 80 Конституции РФ, ст. 2, ст. 2.1, ст. 18 ФЗ от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5], Указа Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» [6], ст. 8 Закона РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», конституций, уставов и законов субъектов РФ.

Таким образом, не только частные принципы информирования избирателей, но и общий принцип равенства кандидатов, определяющий их статус, не может быть реализован в полном объеме (см. об этом также [9; 52–55]).

По мнению Е. В. Сувориной, административный ресурс наиболее востребован посредством

влияния на информационное обеспечение выборов [10; 41–57]. На этом основано ее предложение о необходимости закрепления в Законе об основных гарантиях понятия «использование административного ресурса», а также внесения изменений в ФЗ «О политических партиях» и ФЗ «О государственной гражданской службе» для изъятия права совмещать руководящие должности в политических партиях и должности государственной службы.

На наш взгляд, такое предложение не решает означенную проблему, поскольку кандидат, замещающий государственную должность, может и вовсе не состоять в политической партии.

В таком контексте представляется интересным мнение Конституционного суда РФ, выраженное в Определении от 25.12.2003 № 457-О [8]. Несмотря на то что оспаривалась конституционность нормы, действующей в редакции до внесения изменений, принятых ФЗ от 21.07.2005 № 93-ФЗ [2], применительно к обязанностям кандидатов – высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ прекратить осуществлять свои обязанности на период выборов, суд указал, что оспариваемые законоположения направлены на то, чтобы использование этими лицами преимуществ своего должностного положения и возможностей влиять на процесс и итоги выборов исключалось, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию конституционных гарантий свободы волеизъявления, равенства избирательных прав, защиты демократических принципов и норм избирательного права, в том числе требования о равенстве прав кандидатов на выборах. В отличие от временного (на период выборов) освобождения депутатов представительных (законодательных) органов от исполнения своих обязанностей, которое создало бы угрозу стабильности законодательной власти, временное освобождение высшего должностного лица субъекта РФ от должностных обязанностей компенсируется деятельностью замещающего его лица. При этом функционирование самой системы исполнительной власти не нарушается.

В настоящее же время норма п. 1 ст. 40 Закона об основных гарантиях не возлагает обязанности освободить занимаемую должность кандидата, замещающего государственную должность, что существенно снижает гарантии равенства кандидатов. На наш взгляд, любая информация, содержащая данные об осуществлении кандидатом его должностной деятельности в период избирательной кампании, определяет оценку данного лица как кандидата со стороны избирателей.

По содержанию информирование также не имеет каких-либо ограничений. Особенностью, вытекающей из содержания п. 3 ст. 45 Закона об основных гарантиях, является то, что не только правом, но и обязанностью комиссий является

информирование избирателей о ходе подготовки и проведения выборов, о сроках и порядке совершения избирательных действий, о законодательстве РФ о выборах, о кандидатах, об избирательных объединениях.

В свою очередь, п. 4 названной статьи гарантирует организациям, осуществляющим выпуск СМИ, свободу в осуществлении деятельности по информированию избирателей. А с тем, чтобы названные принципы и гарантии могли быть реализованы, в п. 5 и п. 6 ст. 45 Закона об основных гарантиях раскрывается их содержание.

Еще одной особенностью информирования избирателей является опрос общественного мнения. За счет такого информирования освещаются действительные настроения в обществе, которые могут быть учтены всеми участниками избирательного процесса. Об этом свидетельствует и то, что в течение пяти дней до дня голосования, а также в день голосования запрещается опубликование (обнародование) результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов, иных исследований, связанных с проводимыми выборами, в том числе их размещение в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая Интернет). В этой связи законодатель установил конкретные требования к опубликованию (обнародованию) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами. Так, п. 2 ст. 47 Закона об основных гарантиях требует указывать организацию, проводившую опрос, время его проведения, число опрошенных (выборку), метод сбора информации, регион, где проводился опрос, точную формулировку вопроса, статистическую оценку возможной погрешности, лицо (лиц), заказавшее (заказавших) проведение опроса и оплатившее (оплативших) указанную публикацию (обнародование).

Данные опроса общественного мнения могут выступать коррелятом активности участников избирательного процесса. Однако достоверность таких данных многими исследователями ставится под сомнение. Так, Пьер Бурдые небезосновательно считает, что «в ходе исследования общественного мнения неизбежно происходит навязывание проблематики с целью дальнейшего манипулирования, поскольку задаются те вопросы, которые встают перед опрошенными в реальности, и интерпретация ответов осуществляется вне зависимости от проблематики, действительно отраженной в ответах различных категорий респондентов» [12; 49–50].

Зачастую опросы проводятся и (или) обнародуются СМИ, степень доверия к которым у потребителя информации в крайней степени высока. П.-И. Шерель объясняет это «четырьмя иллюзиями», поддерживаемыми СМИ: 1) информация распространяется как бы бесплатно; 2) потребитель убежден, что СМИ отражают

подлинную действительность (исключают, что посредничество дает искажения); 3) «иллюзия айсберга», когда потребитель полагает, что получил весь объем информации; 4) «иллюзия бинокулярного видения», когда два существующих образа совмещаются в один [12; 53–54].

Между тем СМИ, являясь «мощнейшим рычагом политической мобилизации» [12; 3], зачастую презентуют результаты опроса общественного мнения из «нарезки» интересующих их ответов. Опровергнуть такое представление информации практически невозможно. При этом установленная ч. 1 ст. 5.5 КоАП РФ ответственность за нарушение порядка участия СМИ в информационном обеспечении выборов не покрывает случаев искажения информации, если формальный порядок опубликования (обнародования) материалов, связанных с подготовкой и проведением выборов, соблюден.

В этой связи сделаем следующие предложения по внесению изменений в избирательное законодательство.

Во-первых, учитывая выявленное значение информирования избирателей как элемента информационного обеспечения выборов, принимая во внимание роль оценочных категорий при разрешении избирательных споров, надлежит законодательно закрепить принцип информационного обеспечения выборов с соответствующим дополнением ст. 3 Закона об основных гарантиях. Во-вторых, закрепить в Законе об основных гарантиях более точные критерии для оценки соответствия результатов опроса общественного мнения принципам информационного обеспечения. Например, опрос представителей разных возрастных категорий, социальных групп, преимущественный охват территории избирательного округа. В-третьих, расширить формулировку нормы п. 1 ст. 40 Закона об основных гарантиях, возложив на кандидатов, замещающих государственные должности, обязанность по освобождению от выполнения ими должностных или служебных обязанностей на период проведения избирательной кампании.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 21.07.2005 № 93-ФЗ (в редакции от 09.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 25.07.2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3104.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в редакции от 21.11.2011, с изм. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (в редакции от 02.05.2015) // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.
5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в редакции от 02.05.2012) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
6. О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 // Собрание законодательства РФ. 07.12.2009. № 49 (2 ч.). Ст. 5921.
7. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 года № 10-п. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 47. Ст. 4968.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Губернатора Вологодской области, Губернатора Ленинградской области, Правительства Мурманской области и обращения политсовета Мурманского регионального отделения политической партии «Единая Россия» о проверке конституционности пункта 2 статьи 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 2 статьи 49 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Определение Конституционного Суда Российской Федерации, от 25.12.2003 № 457-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.
9. Верховный суд Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vs.kar.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&sr_num=1&id=1040000111301549419481000956446

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10. Горлачев Р. Ю. Роль средств массовой информации в организации и проведении выборов в органы государственной власти // Избирательное право и избирательный процесс в Забайкальском крае: Сб. ст. Чита, 2011. 186 с.
11. Избирательное законодательство и выборы в современном мире / В. И. Лысенко, А. Г. Головин; Под общ. ред. В. Е. Чурова; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М.: МедиаПресс, 2009. 528 с.
12. Козина Е. С. СМИ и выборы: Ресурс и угрозы политического мифотворчества. М.: Изд-во «ВК», 2005. 189 с.
13. Суворина Е. В. Административный ресурс в избирательном процессе России: понятие и меры противодействия // Сборник конкурсных работ в области избирательного права, избирательного процесса и законодательства о референдуме, выполненных студентами и аспирантами высших юридических учебных заведений (юридических факультетов и вузов) Российской Федерации в 2006/2007 учебном году. М.: РЦИОТ, 2007.

ВЕРА ЛЕОНИДОВНА ВАРЛАМОВА

судья, Муезерский районный суд Республики Карелия (Муезерский, Российская Федерация), соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
varlamovavl@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИИ*

Предлагается возможное разрешение указанной проблемы посредством комплексного подхода.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, судебная защита, исполнение судебных актов

Конституция РФ [1], провозглашая ст. 2 высшей ценностью человека его права и свободы, устанавливая обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, ст. 18 определяет, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Гарантирование каждому судебной защиты его прав и свобод провозглашено ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

Конституционный суд РФ в Постановлении от 04.04.2002 № 8-П [7] указал, что ценность права на судебную защиту предопределена особой ролью судебной власти и ее прерогативами по осуществлению правосудия, в том числе путем контроля за обеспечением верховенства и прямого действия Конституции РФ и федеральных законов на всей территории РФ (ст. 18, 118 (ч. 2), 120 (ч. 1), 125, 126, 127 и 128 (ч. 3) Конституции РФ). Проблема исполнения вступивших в законную силу судебных актов составляет итоговую компоненту конституционного права личности на судебную защиту, привлекает пристальное внимание главы Российского государства, высшего руководства федеральных судов, общественности, граждан [9], [10], [11], [14].

В научной литературе отмечается, что реальное исполнение судебных решений есть проявление высшего уровня защиты прав граждан в России, от качественной защиты судебной властью деятельности органов судебной власти, способных своими силами и средствами реально защитить на высочайшем уровне права граждан, завяжут спокойствие граждан, сила государственной власти в целом и величие государства [12]; обеспечение возможности принудительного исполнения судебных решений является одной из главных задач, стоящих перед любым государством [13]; неисполнение судебных актов – проблема всей правовой системы Российской Федерации, поскольку неисполнение судебных актов под-

рывает доверие к суду, обесценивает значимость судебной власти [15]; исполнение судебного акта есть неотъемлемая часть судебной защиты, поскольку без действенного механизма принуждения судебные акты стали бы бесполезными [8].

Разрешение проблемы исполнения судебных актов, в том числе судов общей юрисдикции и мировой юстиции, представляется возможным с позиции комплексного подхода.

1. Совершенствование конституционно-правового регулирования – усиление ст. 120 Конституции РФ, установление внутрисудебного конституционного предписания об обязательности исполнения судебных актов на всей территории России, либо без изменения Конституции РФ единообразное дополнение всех без исключения основных законов (конституций и уставов) субъектов России предписаниями об обязательности вступивших в законную силу судебных актов на территории каждого конкретного субъекта, что обеспечивает на территориях всех субъектов России верховенство правового предписания об обязательности вступивших в законную силу судебных актов.

2. Введение дополнительных мер ответственности за неисполнение вступившего в законную силу судебного акта посредством оптимизации норм материального права: 1) расширение уголовной ответственности посредством дополнения общим субъектом и квалифицирующими признаками преступления ст. 315 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; 2) совершенствование административной ответственности посредством изменения ст. 17.14 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за нарушение законодательства об исполнительном производстве.

3. Совершенствование механизма контроля федеральными судами и мировой юстицией за исполнением вступивших в законную силу судебных актов.

В рамках настоящей статьи будет раскрыт первый обозначенный компонент. Так, необходи-

мо отметить, что ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ [6] установлена обязательность судебных постановлений: вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (п. 1); неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом (п. 2). Обязательность исполнения вступивших в законную силу судебных актов на территории России установлена также ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, согласно которой вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории РФ; ст. 31.2 КоАП РФ, в силу которой постановление по делу об административном правонарушении обязательно для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями, юридическими лицами; ст. 392 УПК РФ, определяющей, что вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории РФ.

Анализ текстов основных законов субъектов РФ указывает на наличие лишь в трех конституциях республик из 21 (Республика Алтай, Республика Карелия, Республика Хакасия), одном уставе края из 9 (Алтайский край) правовых норм, обладающих верховенством на территории конкретного субъекта, об обязательности для исполнения вступивших в законную силу судебных актов. В текстах Уставов иных равноправных субъектов РФ – областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – предписания об обязательности, в том числе для исполнения, вступивших в законную силу судебных актов отсутствуют. Так, в соответствии со ст. 133 Конституции Республики Алтай, акты судебной власти, вступившие в законную силу, обязательны для исполнения все-

ми государственными и общественными органами, физическими и юридическими лицами на всей территории Республики Алтай. Неисполнение вступивших в силу решений, приговоров и иных актов судов, вмешательство в их деятельность и неуважение к суду влекут ответственность в установленном законом порядке [2]. В силу ст. 114 Конституции Республики Хакасия вступившие в законную силу акты судебной власти обязательны для всех государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, общественных объединений, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Республики Хакасия и Российской Федерации [4]. В Конституции Карелии и Уставе Алтайского края положения об обязательности вступивших в законную силу судебных актов расположены наиболее правильно, в самых первых статьях глав Конституции и Устава, посвященных судебной власти, подчеркивая важность и первостепенную значимость обязательности итоговых процессуальных документов судебной власти – судебных актов и их юридической силы. Так, согласно ст. 65 Конституции Карелии [3], судебная власть в Республике Карелия осуществляется федеральными судами, Конституционным судом Республики Карелия, мировыми судьями Республики Карелия (п. 1); вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц (п. 2). В соответствии с ч. 3 ст. 88 Устава (Основного Закона) Алтайского края, вступившие в законную силу решения судов, а также предусмотренные законом судебные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие судебные обращения обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, должностных лиц, общественных объединений, граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства и подлежат исполнению на всей территории Алтайского края [5]. Анализ конструкции конституционных предписаний об обязательности вступивших в законную силу судебных актов на территориях субъектов России обнаруживает наличие указания на возможные последствия неисполнения судебных актов лишь в Конституции Республики Алтай (ст. 133). Таким образом, отсутствует единообразное конституционно-правовое закрепление обязательности вступивших в законную силу судебных актов на территориях подавляющего большинства субъектов России.

В целях повышения значимости итоговых процессуальных актов судебной власти, упорядочения конституционно-правового регулирования в основных законах субъектов России

обозначенных вопросов и возможного разрешения исследуемой проблемы представляется целесообразным единообразное дополнение всех без исключения основных законов субъектов России предписаниями об обязательности вступивших в законную силу судебных актов на территории каждого конкретного субъекта. Вместе с тем анализ ряда конституционных положений (ст. 2, 18, 46, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 115 Конституции РФ и др.), исходя из признания человека, его прав и свобод в России высшей ценностью, обеспечения конституционных прав личности, эффективного восстановления нарушенных или оспариваемых прав личности, повышения в обществе авторитета судебной власти в целом и мировой юстиции в частности, укрепления законности и правопорядка, усиления России как правового государства, позволяет сделать вывод о необходимости усиления ст. 120 Конституции РФ в виде установления внутривластного прямого конституционного предписания об обязательности исполнения итоговых судебных актов самостоятельной и независимой ветви государственной власти – власти судебной на всей территории России, направленного на обеспечение реального исполнения судебных актов всех судов в РФ.

Представляется возможным разрешением исследуемой проблемы посредством конституционно-правового закрепления обязательности вступивших в законную силу решений суда и иных судебных актов на всей территории РФ дополнением ст. 120 Конституции РФ частью 3 следующего содержания: «3. Вступившие в законную силу судебные акты обязательны к исполнению на всей территории Российской Федерации. Уклонение от исполнения вступившего в законную силу судебного акта не допускается». Обозначенное дополнение ст. 120 Конституции РФ корреспондирует правовым предписаниям Всеобщей декларации прав человека, устанавливающей равенство всех людей перед законом и право каждого, без всякого различия, на равную защиту закона (ст. 7), провозглашающей право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8); Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6) и право каждого, чьи права и свободы нарушены, на эффективное средство правовой защиты в государственном органе (ст. 13).

*Работы выполнены при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 07.06.1997 г. (в ред. от 27.11.2007 г. № 5-КРЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kurultai.altai-republic.ru/docs/constitut.pdf>
3. Конституция Республики Карелия от 30.05.1978 г. // Карелия. 2001. 15 фев.
4. Конституция Республики Хакасия от 25.05.1995 г. (в ред. от 13.04.2007 г. № 19-ЗРХ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vskhakasia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11&Itemid=44.
5. Устав (Основной Закон) Алтайского края от 26.05.1995 г. (в ред. от 30.11.2007 г. № 126-ЗС) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Устав_Алтайского_края
6. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 1997. 6 янв.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм» // Российская газета. 2009. 1 апреля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Балакин К. В. Отсрочка исполнения судебного акта в арбитражном процессе и конституционное право на судебную защиту // Юрист. 2005. № 5. С. 56–60.
9. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева (редакционный материал) // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 17.
10. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина (редакционный материал) // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 8.
11. Выступление Президента Российской Федерации Медведева Д. А. (редакционный материал) на VII Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 4.
12. Изварина А. Ф. Суды должны завершить реальное исполнение своих решений // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4.
13. Мажушин К. Международные принципы гражданского исполнительного права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11. С. 31–36.
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября.
15. Султанов А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 42–46.

УДК 94(47)"1917/1991"

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КИЛИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета, директор Института североамериканских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kilinyuri@mail.ru

*Рец. на кн.: Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. – 235 с.**

В политической повестке современной России, как и почти 100 лет тому назад, в 1918–1922 годы, вновь в центре общественного внимания находится проблема возможной коррекции государственного устройства. В конце 1990-х годов в коридорах власти, а также в официальных изданиях активно обсуждалась необходимость перехода от нынешней организации государства, в которой сосуществуют административно-территориальные (области, края, города федерального значения) и национально-территориальные (республики, автономная область, автономные округа) субъекты Федерации, к административно-территориальной системе, то есть к государству унитарного типа. Теоретически такие государства считаются более устойчивыми. Для историков эта «аксиома» неочевидна. Нерешенность проблемы Кавказа, нежелание разбалансировать политическую ситуацию в других национальных (нерусских) субъектах РФ и необходимость изменения конституции для реформирования федеративной структуры государства на время дезактуализировали эту тему. В начале второго десятилетия XXI века вследствие относительного политического, экономического и военного усиления РФ она вновь хорошо заметна в информационном пространстве страны. Естественно, что ответственные политики понимают неприемлемость резких дестабилизирующих политических маневров такого рода в полиэтничном и многоконфессиональном государстве, проходящем очередную системную и структурную трансформацию, если только целью не является его дезинтеграция. Задачу зондажа общественного мнения России относительно возможности перехода к унитарному государству в последнее время взяли на себя маргинальные и полумаргинальные политические силы. Лидер ЛДПР В. В. Жириновский, впервые высказывавший эту идею еще в начале 1990-х годов, находясь в Республике Коми в феврале 2011 года, предсказал сокращение субъектов Федерации до 20. При этом они не будут иметь национальных признаков (<http://7x7-journal.ru/item/11209?r=коми>). 27 октября 2012 года лидер только что образованной правой партии «Гражданская платформа» М. Д. Прохоров высказался против сохранения в составе РФ национальных

республик (http://auto.total.kz/politics/2012/10/27/mihail_prohorov_prizval_likvidir).

И. В. Сталин называл это явление «великорусским» или «великодержавным шовинизмом». Другой крайностью вождь считал «местный национализм». Для понимания сути проблемы в мировом масштабе вместо «великорусский» можно подставить любой другой этноним в форме прилагательного. Другой крайностью вождь считал «местный национализм». Только невежа не признает существование этих двух феноменов в современных полиэтничных государствах, таких как Бельгия, Испания, Великобритания, Италия, Франция, Российская Федерация и ряд других. Неконтролируемый «великодержавный шовинизм» уверенно приводит пораженную им страну к дезинтеграции, этим же заканчивается и «местный национализм». Согласно современным оценкам, политическая карта мира запрещит примерно двумя тысячами государств, если амбиции всех стремящихся к государственному обособлению этнических меньшинств будут удовлетворены. Выиграют только большие, преимущественно моноэтнические государства, акулы в мире кишашей политической мелочи.

Монография А. И. Бутвило, посвященная ранней политической истории Карельской Трудовой Коммуны (КТК), уникального советского феномена первой половины 1920-х годов, дает возможность всем интересующимся не только прошлым России, но и, быть может, еще в большей степени ее будущим, вникнуть в опыт решения национальных проблем, как негативный, так и позитивный, накопленный в СССР. По жанру эта 235-страничная книга представляет собой фактически однотомную краткую политическую историю КТК с элементами хрестоматии. Хрестоматийность ей придают пространные цитаты из документов, составляющие примерно половину книги, которые часто «загораживают» авторский текст. Впрочем, автор осознает эту проблему, предупреждая о ней читателя (с. 13). В книге последовательно рассматриваются внешне- и внутривнутриполитические аспекты создания КТК, формирование ее партийного и государственного аппарата, экономическая и национальная политика потерпевших поражение в гражданской войне в Финляндии эмигрантов, «красных»

финнов, возглавивших республику. Под микроскопом большого количества использованных в монографии документов, часть которых впервые вводится в научный оборот, скрупулезно освещается противостояние русско-карельской и финской коммунистических организаций Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны, их жесткая борьба в Москве за поддержку своих проектов политического и экономического будущего этой северо-западной приграничной территории РСФСР. Наиболее подробно эти сюжеты были в свое время раскрыты финляндским исследователем М. Кангаспуо [4]. Свою лепту внес и британский исследователь Н. Барон [2], [3]. По разным причинам в рецензируемой монографии эти книги не используются. Между тем первую из них можно считать достаточно полной политической историей советской Карелии 1920–1939 годов.

А. И. Бутвило обоснованно отмечает отличие КТК от прочих административно-территориальных и национально-государственных единиц РСФСР: оригинальный государственно-правовой статус, этническая близость карелов и населения соседней Финляндии, «чужая» приезжая финская партийно-государственная элита, особые экономические права, детерминированная задачами внешней политики и экспорта революции политика центра в отношении этого региона (с. 5). Главный исследовательский вопрос, поставленный автором: чем в реальности являлась Карельская Трудовая Коммуна, начальной формой государственности карелов, впервые им дарованной центральной властью 7 июня 1920 года, или же чем-то иным. Для решения этого вопроса А. И. Бутвило первым из исследователей обстоятельно анализирует государственно-правовой статус КТК. В советский период такая постановка проблемы была невозможна, а в постсоветской историографии политической истории советской Карелии она никем из исследователей специально не изучалась. Проанализировав сложную процедуру принятия решения о создании КТК и положения Конституции РСФСР 1918 года, автор приходит к обоснованному выводу о том, что, поскольку термин «Коммуна» в конституции не упоминался, «говорить об их (Трудовых Коммун. – Ю. К.) конституционном статусе... не приходится. Фактический государственно-правовой статус складывался из совокупности норм, содержащихся в законодательных и подзаконных актах, прямо или косвенно касавшихся КТК, а также из правоприменительной практики в этой области» (с. 229). Автор отмечает, что «национальный характер КТК очевиден». Но тем не менее «остается вопрос: чем она являлась с государственно-правовой точки зрения – национально-государственным или национально-территориальным образованием?». Главный вывод монографии – Карельская Тру-

довая Коммуна являлась «самой ограниченной формой автономии – административно-территориальной, но не национально-государственной. Реальные права КТК – социально-экономические и общественно-политические – вполне соответствовали такому статусу» (с. 230). С этим выводом нельзя не согласиться. К нему пришло и правительство Финляндии вскоре после основания КТК в период переговоров о заключении мирного договора в Тарту, а по итогам восстания 1921–1922 годов – Карельское ГПУ и «красные» финны [1; 50, 80, 84].

Любой научный труд по истории, претендующий на описание и анализ существовавшей реальности, должен предлагать определенный метод, способ объяснения, руководящую идею, концепцию. А. И. Бутвило подробно анализирует непригодность всех существующих на данный момент концепций, объясняющих природу КТК, как советских, так и постсоветских, страдающих, по его мнению, в той или иной степени односторонностью. Автор приходит к выводу, что «историческая истина не может уместиться в рамки какой-либо одной концептуальной модели и... было бы неправильно характеризовать образование и предназначение КТК либо только в контексте “ленинской национальной политики”, либо объяснять все исключительно внешнеполитическими императивами. Политика центра в отношении Советской Карелии являлась переплетением внешней и внутренней политики центра, причем в разное время акценты и приоритеты менялись» (с. 13). С этой мыслью вполне можно согласиться, хотя автору рецензии неизвестны специальные, настаивающие на «исключительно внешнеполитических императивах», определивших карельскую политику центра. Кроме того, на примере КТК, существовавшей чуть более трех лет, с июня 1920 по июль 1923 года, изменение акцентов и приоритетов почти невозможно заметить, требуется более протяженный отрезок времени.

Говоря о перспективном методе исследования, который позволит в будущем создать обобщающий труд по политической истории советской Карелии, А. И. Бутвило предполагает, «что одним из наиболее плодотворных окажется имперский подход, позволяющий учесть все аспекты политики центра в отношении Карелии как имперской периферии, поскольку именно на окраинах наиболее тесно переплетаются внутренняя и внешняя политика империи» (с. 13). Использование автором будущего времени, видимо, не случайно, и в книге имперский подход не используется, скорее всего, он будет применен в более крупном исследовании. На нынешнем этапе А. И. Бутвило предлагает перейти к накоплению и осмыслению как известных, так и неизвестных источников по теме, поскольку «думается, что следующий этап изучения про-

блемы должен заключаться в пристальном и тщательном изучении имеющейся источниковой базы, значительная часть которой все еще остается вне поля зрения исследователей» (с. 13).

В монографии есть некоторое количество фактических ошибок, в основном объясняемых неиспользованием финноязычной литературы и источников по этой теме. Говоря о событиях в мае 1920 года, непосредственно предшествовавших созданию КТК, автор говорит о внешнеполитической «полемике с Финляндией, успевшей официально признать независимое Карельское государство и Временное Карельское правительство» (с. 36). Признания де-юре Ухтинской республики со стороны правительства и тем более парламента Финляндии не было, поскольку рассчитывать на заключение мирного договора с РСФСР в таком случае не приходилось. Не была оформлена государственными актами и инкорпорация Ребольской и Поросозерской волостей, фактически присоединенных к Финляндии в 1918 и 1919 годах. В соответствии с нормами международного права установление границ стран, разрывающих государственное единство, возможно только путем подписания и ратификации мирного договора. Любые односторонние акты сторон являются юридически ничтожными. Не все просто и с «казусом Ребольской и Поросозерской волостей», относительно которых «советские дипломаты заняли твердую и однозначную позицию, требуя их безусловного возвращения России» (с. 89, 91). Нарком иностран-

ных дел РСФСР Г. В. Чичерин в своих оценках был не столь категоричен, указывая на недостаточный профессионализм финляндской делегации в Тарту, которая при должной настойчивости могла бы добиться уступок в этом вопросе. Внешнеполитический аспект создания КТК и его удивительных метаморфоз до преобразования в АКССР в монографии освещен недостаточно, автор в основном использует опубликованные в советское время внешнеполитические документы СССР. Кроме того, в книге почти нет общесоветского и совсем нет геополитического контекста, на последнем из которых только и может базироваться упомянутый выше «имперский подход». Вряд ли стоит доверять и советским работам, освещающим восстание в Карелии в 1921–1922 годах. Они буквально «напичканы» различными ошибками, сознательными или бессознательными. В книге К. И. Соколова-Страхова, вышедшей в 1927 году, практически нет правильных топонимов, а «Ребольский батальон, сформированный исключительно из финских добровольцев» (с. 146), как и все повстанческие отряды, состоял из местных жителей и финнов-добровольцев.

В заключение выразим согласие с завершающей фразой монографии: «В случае с Карелией, как и во всех случаях, история не дает простых и однозначных ответов. Исторический процесс имеет сложный многофакторный характер. Столь же многофакторным, системным и всесторонним должен быть и подход к его изучению» (с. 231).

*Работы выполнены при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К л и н Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.
2. Б а р о н Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2001. 399 с.
3. B a r o n N. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939. L.; N. Y., 2007. 332 p.
4. K a n g a s p u r o M. «Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta». Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000. 402 s.

ХРОНИКА

■ В 2013 году на территории Баренцева Евро-Арктического региона начнет выходить новый международный научный журнал – «The Barents Journal: Peoples, Economies and Politics» («Баренц Журнал: люди, экономика и политика»).

Инициаторами создания и учредителями журнала выступили три научные организации из стран – членов Баренц-региона: Арктик центр Университета Лапландии (г. Рованиеми, Финляндия), Баренц институт Университета Тромсе (г. Киркенес, Норвегия) и Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН (г. Апатиты). Арктик центр Университета Лапландии – главный инициатор и ведущий партнер этого проекта.

Баренц регион, созданный в 1993 году, включает в себя северные провинции Финляндии (Лапландия, Кайнуу и Северная Остроботния), северные лены Швеции (Норрботтен и Вестерботтен), самые северные губернии Норвегии (Нурланд, Тромс и Финнмарк), а также обширные территории Северо-Запада России – Мурманскую и Архангельскую области, в том числе Ненецкий АО, Республику Карелия и Республику Коми. Сотрудничество в Баренц-регионе широко признано в мире как один из примеров наиболее успешного трансграничного взаимодействия в Арктике с участием России. В Баренц Евро-Арктическом регионе (БЕАР) проживает около 4,4 миллиона человек, он является самой густонаселенной областью глобальной Арктики. При этом большинство международных научных журналов, затрагивающих Арктический регион, по сути являются журналами, посвященными полярной проблематике. Международного научного журнала, обращенного к европейской Арктике, к специфике Баренц-региона, пока не существует. Потребность в таком журнале, сосредоточенном на социальных, культурных, экономических и политических вопросах развития Баренц-региона, весьма высока. Она обусловлена быстрым развитием БЕАР и растущим во всем мире интересом к Арктике.

Главный редактор нового журнала – профессор М. Теннберг, руководитель группы по исследованию проблем устойчивого развития Арктик центра Университета Лапландии, заместители главного редактора – Э. Эспириту, директор Баренц Института, и Л. А. Рябова, зав. отделом социальной политики на Севере Инсти-

тута экономических проблем КНЦ РАН. В октябре 2012 года проект создания нового журнала «Баренц Журнал: люди, экономика и политика» получил финансовую поддержку программы Коларктик ИЕСП-ПС (Инструмент Европейского Соседства и Партнерства, Приграничное Сотрудничество). Эта программа – один из инструментов финансирования Программ Партнерства и Соседства Европейского Союза для развития сотрудничества с регионами, располагающимися на его внешних границах.

Журнал будет выходить дважды в год в электронной и печатной версиях на английском языке. В каждом выпуске будут публиковаться 3 рецензируемые научные статьи, обзоры последних книжных изданий по вопросам развития Баренц-региона, новости, анонсы, презентации институтов и проектов, популярные статьи, освещающие опыт жизни и работы людей в трансграничном, арктическом, многонациональном, динамично развивающемся регионе, каким является Баренц-регион. Журнал предназначен для ученых, студентов, представителей органов власти, бизнеса, неправительственных общественных организаций и всех читателей, интересующихся развитием Европейской Арктики и Баренц-региона.

Для российской стороны, участвующей в проекте создания нового журнала, одной из важнейших задач является создание условий для широкого представления международной научной и общественной аудитории взглядов российских ученых на проблемы развития Арктики, интеллектуальное обеспечение устойчивого, сбалансированного развития Баренцева Евро-Арктического региона и защиты национальных интересов России в Арктике.

Приглашаем к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов ПетрГУ, других вузов и научных учреждений Карелии, России, зарубежных университетов и научных центров.

*Л. А. Рябова,
кандидат экономических наук, доцент, зав. отделом
социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН
larissar@iep.kolasc.net.ru*

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Обращаем ваше внимание на то, что в связи с включением журнала в международные реферативные базы меняются требования к оформлению статей с 1 января 2013 года.

Представляемые рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 0,5–0,7 печатного листа. **Поля:** верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. **Шрифт:** Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов на **русском и английском** языках:

УДК (индекс универсальной десятичной классификации) в левом верхнем углу.

Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны).

Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация является кратким резюме большей по объему работы, имеющей научный характер, выполняет следующие функции:

- дает возможность установить основное содержание статьи, определить ее релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту;
- предоставляет информацию о статье и устраняет необходимость чтения полного текста в случае, если статья представляет для читателя второстепенный интерес;
- используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (без общих слов);
- оригинальной;

- содержательной (отражать суть статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- компактной (укладываться в **объем от 120 до 250 слов**).

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения может меняться. Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основного содержания документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных документов, избегать сложных грамматических конструкций, следует применять значимые слова из текста статьи. Аннотация предназначена для компетентной аудитории, включая международную, поэтому можно использовать специальную терминологию дисциплины. Текст аннотации должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т. д. (“consequently”, “moreover”, “for example”, “the benefits of this study”, “as a result” etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, то

есть “The study tested”, но не “It was tested in this study”.

Требования к аннотации см. на сайте журнала uchzap.petrstu.ru.

Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1. На русском языке **в соответствии с ГОСТ 7.1-2003**. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество)) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2. Список литературы (References) должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами. На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Правила оформления на латинице даны на сайте журнала: uchzap.petrstu.ru.

Примечания даются в виде концевых сносок. Архивные и другие источники выделяются перед списком литературы, нумерация сохраняется сквозная.

По приставным ссылкам оценивается значение и признание работ конкретных авторов, научный уровень журналов, организаций и стран в целом, определяется актуальность научных направлений и проблем, выявляются их точки роста и падения и т. д. Поэтому во всем мире к этой составляющей научных статей предъявляются высокие требования. Статья с представительным списком литературы демонстрирует

профессиональный кругозор и качественный уровень исследований ее авторов.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через точку с запятой – цитируемая страница, если это необходимо.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы предоставляются в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). **Иллюстрации** (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и предоставляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .bmp, .pdf). В бумажной версии на обороте каждой иллюстрации ставится номер и пометка «верх», «низ». В тексте статьи указывается место таблицы или рисунка.

Таблиц и иллюстраций не должно быть более 5.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию. Если у рецензентов возникают замечания, статья возвращается на доработку.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Статьи на английском языке должны иметь письменное заключение из Центра языковой подготовки ПетрГУ.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VALUE OF RUSSIAN ARCHIVAL AND LIBRARY DOCUMENTS IN STUDY OF GEORGE FEDOTOV'S BIOGRAPHY

Summary: The author analyzes documents from Russian archives and libraries to determine their value in reference to biography reconstruction of the eminent Russian historian-medievalist George Fedotov (1886–1951). The State Archive of Saratov region contains documents that afford ample opportunities to comprehensively characterize his revolutionary activities. Documents, stored in the Central State Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive, provide extensive data instrumental in the definition of the main facts related to his studies at the University of St. Petersburg. Evidence of the young historian's work on the library premises are deposited in the archives of the Russian National Library. Last, not least, George Fedotov's correspondence with Tatiana Dmitrieva, held in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, is the main source for understanding the motives of his actions. Analyzing his letters, the author argues that self-reflection, expressed in them, became the basis for a subsequent formation of his research method.

Key words: George Fedotov's biography, Russian archives and libraries, Saint-Petersburg University 7

Shumilov M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

POLICY OF FEDERALISM IN RUSSIAN HISTORY: PROBLEMS OF NATIONAL STATEHOOD AND COOPERATION BETWEEN NATIONS

Summary: The history of federalism origin and development is considered in the article. The influence of national policy on the policy of the state is reflected. The state national policy predetermined the whole process of Russian multinational civilization development. Historical continuity and purposefulness of the Russian nations' unity in new conditions is revealed.

Key words: State sovereignty, federalism, national and cultural policy, national question, national education 13

Vinogradova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXPERT APPRAISAL OF DOCUMENTS FOUND IN LOCAL GOVERNMENT OFFICES OF XIX CENTURY

Summary: Development of expert appraisal methods assessing the value of documents as well as effectiveness of the archive commission in part of documents' classification and preservation are analyzed. The history of archival documents stored in administrative offices of Olonets Province is reviewed.

Key words: Committee on documents' analysis, appraisal of documents' value, archival list, local government offices 20

Chernyakova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PARAMETERS OF LIFE AND DEATH IN KARELIAN LOCAL PARISH COMMUNITY: YALGUBA AREA IN CONTEXT OF XIX CENTURY ARCHIVAL QUANTITATIVE DOCUMENTARY SOURCES

Summary: In this second part of the article (the first part was published in the previous issue of the journal) the author's attention is focused on the analysis of archival historical documentary sources of parish origin: metric books. The task is to recreate a picture of the parish inhabitants' life expectancy through such parameters as birth rate and mortality characteristics. Two questions are under consideration: what the main death causes were and what the general spectrum of diseases during the two comparatively searched periods of parish community demographical development was.

Key words: XIXth century, metric books, life expectancy, spectrum of illnesses, gender ratio of deceased, church parish community, historical demography 26

Brusnitsyna D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONFLICT OF AUTHORITY BETWEEN ORGANIZERS OF PEASANTS' MILITARY SERVICE IN KARELIA OF XVII CENTURY

Summary: Some aspects of everyday relations between Olonets military commander Prince Fedor Volkonskii and a nobleman Vasilii Zolotarev are outlined in the article. They both were invested with the duty to organize peasants' military service in 1649 in Zaonezhskiy Pogost. The main attention is given to the conflict of authority and its consequences: deadline violation of the tsar's decree realization.

Key words: History of Karelia, XVII century, Zaonezhskiy Pogost, Fedor Volkonskii, Vasilii Zolotarev, regular regiments, "pashennie" soldiers, peasants 31

Markov M. B., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HEROIC AND ORDINARY IN SOVIET SOLDIER IMAGE (case study of propaganda materials issued on Karelian front in 1941–1944)

Summary: The image of the Red Army soldier created by the propagandist military media of Karelian front is analyzed by the author. Dynamics in understanding the meaning of "heroic" and correlation of that image with the concept of "ordinary" depending on the situation on the front are shown in the article. Special attention is paid to the ideological change, to the ratio between revolutionary internationalism and national patriotism in military propaganda during the war.

Key words: World War II, Karelian front, war propaganda, image of the Red Army soldier. 34

PEDAGOGICS

Ershova N. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nazarov A. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NETWORK-BASED SYSTEM OF TEACHING AS ELEMENT OF OPEN EDUCATION CONCEPT

Summary: Additional principles of the open education system are considered. Structural elements of the network-based system of teaching are defined, and their functions in the educational process are analyzed. Broad possibilities of online learning aimed at meeting requirements of the Federal State Educational Standards are described.

Key words: Open education system, network-based teaching, Internet, online learning, electronic information and educational environment 37

Ignatovich Ye. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TENDENCIES AND PROSPECTS OF RUSSIAN CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION DEVELOPMENT

Summary: A cluster of continuing professional education (CPE) is one of the most dynamically developing sectors of the national educational system. The article is concerned with the tendencies and perspectives of CPE development. It gives a description of the cluster components, internal and external factors potentially influencing CPE development, the main subjects to change: the state, employers, CPE organization and structure, a potential audience of the CPE programmes. Three possible scenarios of traditional CPE development in the next fifteen years are offered.

Key words: Cluster of continuous professional education, tendencies and perspectives, main conditions of cluster development, probabilistic scenarios 41

Dmitrieva N. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN PROCESS OF PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Summary: The article is concerned with the problem of academic mobility understood as an integral personal quality. Establishment and concurrent development of academic mobility in students in the process of professionally oriented foreign language learning and acquisition is considered. Pedagogical environment facilitative in the enhancement of the targeted integral entity is identified and substantiated. A five-step model of the modified educational technology pursuing realization of the three-tiered goal inclusive of academic mobility development is described.

Key words: Academic mobility, targeted integral entity, professionally oriented foreign language, pedagogical environment, educational technology 46

SOCIAL SCIENCE

Pitukhina M. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Serova L. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DATA COLLECTION REVIEW ON GRADUATES' EMPLOYMENT IN NORTHERN EUROPE

Summary: Data reflecting graduates' employment level in Northern Europe are collected and analyzed. Qualitative and quantitative indicators of statistical reports of the United Nations Statistics Division, EUROSTA, OECD, and Trade Unions were thoroughly studied. Two factors affecting graduates' employment were defined – pedagogical and institutional ones. Results of the study were accepted as a basis for recommendations given to the Russian Ministry of Education and Science with the purpose to improve labor market by means of the educational system.

Key words: Graduates' employment, monitoring, statistical reporting, recommendations 49

PHILOLOGY

Vasileva E. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRINCIPLES OF NAME GIVING IN CAROLINGIAN DYNASTY

Summary: The article is concerned with the system of personal names given to the kings coming from Carolingian dynasty. The etymology of the names given to the French kings as well as the principles and peculiar features of the name giving process characteristic of the period under review are revealed.

Key words: Personal name, nickname, principles of name giving 54

D'yachkova I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VARIANTS OF WORD COMBINATIONS SUCH AS *FOUR MILITARY SHIPS* IN LITERARY WRITTEN LANGUAGE OF XVIII CENTURY

Summary: A question of formal variations in nominal definitions with the use of numerals two, three, and four in Russian literary language is considered. Requirements of the modern literary standards are compared with the language theory and practice of the XVIIIth century

Key words: Combination of words with numerals, grammatical variation, Russian literary language, historical development 58

Machulskaja S. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MONOFUNCTIONAL MAIN SENTENCE PARTS IN EPIPHANIUS WORKS

Summary: The aim of the article is to provide analytical description of the functions and compositions of the main sentence parts in the works of Epiphanius the Wise. The following works: "The Life of Saint Stephen of Perm" and "The Life of Saint Sergius of Radonezh" were used as research materials. Grammar, semantic, and stylistic features of the constructions were analyzed, and their role in the author's language was revealed.

Key words: Historical syntax, coordinated parts of the sentence, Epiphanius the Wise, life of Saints 62

<i>Mineeva Z. I.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
NOUN AGENTIVES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE	
<i>Summary:</i> The article is concerned with nouns denominating human beings. The nouns were formed by compounding in 1960–2012. Compound derivatives are listed in Neologism dictionaries and printed media.	
<i>Key words:</i> Nomina agentis, compounds, composites, derivation methods, word-building pattern, blend, modern Russian language	68
<i>Semenova O. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
CONTEXTS WITH OCCASIONAL SYNTAGMAS IN PLATONOV'S STORY «KOTLOVAN»	
<i>Summary:</i> In the paper, we describe and analyze occasional constructions in the story “Kotlovan” written by Andrey Platonov. Special consideration is given to infractions of regular language compatibility revealed on lexical-semantic level. Occurrences of grammatical inconformity are provided.	
<i>Key words:</i> Occasional syntagmas, violation of compatibility, individual style of A. Platonov	73
<i>Nilova A. Yu.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
HORATIUS'S TRADITIONS IN LERMONTOV'S LYRICS	
<i>Summary:</i> The question of Horatius's influence on Lermontov's lyric poetry is examined at the level of topics, motives and images.	
<i>Key words:</i> Lermontov's lyrics, Horation's poetry, image, theme of death, poetic tradition	77
<i>Tarasova N. A.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
PROBLEMS OF TEXTUAL RESEARCH OF HAND-WRITTEN AND PRINTED TEXT OF F. M. DOSTOEVSKY	
<i>Summary:</i> Results of the textual studies of manuscripts and published editions of Dostoevsky's oeuvres related to his early and more mature periods are presented in the article. The focus of the research was on the problems of the modern textual science. Understanding of such problems is instrumental in defining specific approaches to the analysis of the author's texts.	
<i>Key words:</i> Dostoevsky's hand-written text, textual criticism	80
<i>Pekshieva M. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
IMAGE OF SAMPO IN V. F. ODOEVSKY'S SHORT NOVEL “SALAMANDRA”	
<i>Summary:</i> The article depicts different representations of the image Sampo as well as draws parallels between Kalevala's Sampo and a mascot in the short novel “Salamandra” (1844) written by a Russian writer V. F. Odoevsky.	
<i>Key words:</i> Odoevsky, “Salamandra”, the Finns, Grot, “Kalevala”, sampo, gold, the Holy Grail	85
<i>Khramykh A. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
LEITMOTIF “SONG OF SONGS” AND PRINCIPLES OF MUSICALITY IN PLATONOV'S EARLY WORKS	
<i>Summary:</i> The article is concerned with the Bible-musical leitmotif “song of songs” present in the early works of Platonov written in 1910–1920. Based on the principle of counterpoint the leitmotif includes in itself both a traditional Bible-Christian content and revolutionary-utopian one. A special role played by the leading motive is conditioned by the musical principle of perception on which Platonov's artistic philosophy is based.	
<i>Key words:</i> Works of Platonov, the Bible, «song of songs», music, motif, plot	88
PHILOSOPHY	
<i>Volkova S. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
EDUCATION AS SENSE BEARING UNIVERSUM	
<i>Summary:</i> The main tendencies in Russian contemporary human studies associated with premeditation concerning philosophical foundations of education are conceptualized. Referring to a number of basic categories in modern philosophy, the author tries to show that learning appears significant for its participants only if it is organized as a process of active search and generation of personal meanings (by students). The author focuses her attention on explicating the nature of educational environment facilitative in the process of new discoveries and comprehension of personal meanings.	
<i>Key words:</i> Philosophy, meaning, language, understanding, dialogue, subject, personality, knowledge, education	91
ECONOMICS	
<i>Levkin N. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
BASIC PROVISIONS OF EVOLUTIONARY SYNERGETIC APPROACH IN THEORY OF SOCIO-ECONOMIC ORGANIZATION	
<i>Summary:</i> Basic provisions of the evolutionary-synergetic approach in the study of contemporary socio-economic management are revealed. Methodological advantages of the integrated approach combining evolutionary economy and socio-synergetic economy are defined.	
<i>Key words:</i> Socio-synergetic, evolutionary economy, socio-economic organization, and evolutionary-synergetic approach	94
<i>Parikova N. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
<i>Sigova S. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
CALCULATION ALGORITHM OF REGIONAL ECONOMY DEMAND FOR LABOR MIGRANTS IN RUSSIAN FEDERATION	
<i>Summary:</i> A calculation algorithm of regional economy demand for foreign labor migrants is offered. The scale of the foreign man power engagement is determined based on the analysis of the regional economy needs in qualified personnel and required internal capacity.	
<i>Key words:</i> Foreign labor migration, demand for personnel, graduates of higher educational institutions	98

Kolodey L. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FINANCIAL MANAGEMENT AND TAXES: PRACTICAL ISSUES IN POWER INDUSTRY COMPANIES

Summary: The main purpose of the article is to disclose the meaning of the corporate tax policy in power industry companies. Results of the reform have greatly influenced corporate finance policy through tax risks.

Key words: Finance, taxes, reform, risks 102

LEGAL STUDIES

Kozyreva T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON REQUIREMENTS FOR JUSTICE OF PEACE POSITION IN PRE-REVOLUTIONARY AND MODERN RUSSIA

Summary: Requirements specified for the candidates of the Justice of Peace position in pre-revolutionary and contemporary Russia are studied. A comparative analysis of the specified requirements is provided.

Key words: Lay justice, Justice of the Peace, judicial reform, candidate for Justice of the Peace position, judicial system. 105

Ukhanova A. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ELECTORATE AWARENESS AS ELEMENT OF ELECTIONS' INFORMATIONAL SUPPORT

Summary: The article deals with legal regulations addressing the problem of electorate awareness, which is viewed as an element of informational support of elections. The author suggests amendments to current legislation in order to provide electoral guarantees of the citizens.

Key words: Informational support of elections, electorate awareness: subjects, restrictions, peculiarities, electoral guarantees, principles of elections. 108

Varlamova V. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONSTITUTIONAL LAW REGULATION OF JUDICIAL ACTS' EXECUTION IN SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION

Summary: A problem of Constitutional law regulation in part of judicial acts' execution in the subjects of Russian Federation is studied. Obligatory execution of judicial acts is understood as a person's constitutional right of defense. Possible solutions of the problem by means of complex approach are suggested.

Key words: Constitution of the Russian Federation, judicial protection, execution of Judicial Acts. 112

REVIEWS

Kilin Yu. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

The book review: Butvilo A. I. Karelian Labor Commune. 115

SCIENTIFIC INFORMATION 118

INFO FOR THE AUTHORS 119